

ISSN 2414-374X (Online)

ISSN 2522-4069 (Print)

**ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ,
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№ 1 (96) 2026

ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ISSN 2414-374X (Online)
ISSN 2522-4069 (Print)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ОСНОВАН
В 1999 году

Выпуск № 1 (96) 2026 год

Учредитель – ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор – Разумный В.В., к-т ист. наук (ДонГУ);

Заместитель главного редактора – Бобровский А.С., к-т ист. наук;

Отв. секретарь – Посредников Д.В., к-т ист. наук (ДонГУ);

Баранов А.В., д-р ист. наук, д-р полит. наук (Кубанский государственный университет, г. Краснодар);

Бредихин А.В., д-р ист. наук (ДонГУ);

Выборнов А.А., д-р ист. наук (Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара);

Кияшко А.В., д-р ист. наук (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону);

Колесник А.В., д-р ист. наук (ДонГУ);

Кринко Е.Ф., д-р ист. наук (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону);

Крысенко Д.С., д-р ист. наук (Луганский государственный аграрный университет им. К. Е. Ворошилова);

Кузнецова Е.В., к-т полит. наук (ДонГУ);

Литинский В.В., д-р ист. наук (ДонГУ);

Минаев А.И., д-р ист. наук (Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина);

Муза Д.Е. д-р философ. наук (ДонГУ);

Пенькова О.Б., к-т ист. наук (ДонГУ);

Цыганков П.А., д-р философ. наук (Московский государственный университет им М.В. Ломоносова, г. Москва);

Черкашин К.В., к-т полит. наук (ДонГУ);

Шендрикова С.П., д-р ист. наук (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского г. Симферополь);

Шепко Л.Г., д-р ист. наук (ДонГУ).

Индексация журнала

Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)
(Лицензионный договор № 230-11/2025 от 17 ноября 2025 г.)

Адрес издателя: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации 125009, г. Москва, вн. тер. г. Муниципальный Округ Тверской, ул.Тверская, д. 11, стр. 1;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Адрес редакции:
283001, г. Донецк,
ул. Университетская, 22,
исторический факультет

Тел. +7(856) 302-07-25

e-mail: v.razumnyiy@donnu.ru
razumnyi.vitalii@yandex.ru

URL: <https://dongu-hipis.ru/>

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4РОС55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

*Рекомендовано к печати Ученым советом
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
05.06.2026 (протокол № 12)*

Ж92 Журнал исторических, политологических и международных исследований: научный журнал. – № 1/2026 (96). – 232 с.

В очередном выпуске научного журнала представлены статьи по истории, политологии и международным отношениям. Авторы посвятили свои работы актуальным проблемам современности. Важное место отведено изучению истории Донбасса и России как неотъемлемых частей единого русского культурно-цивилизационного пространства.

**Лицензионный договор с библиографической базой данных
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
№ 230-11/2025 от 17 ноября 2025 г.**

С 01.02.2025 г. научный журнал «Журнал исторических, политологических и международных исследований» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК РФ) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.5.1. История и теория политики (политические науки)
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)
- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
- 5.6.3. Археология (исторические науки)
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4РОС55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2026

© Авторский коллектив выпуска, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

- Данильченко А.Ю., Щербакова Н.С., Колесник А.В., Левченко М.Т., Руденко Е.О.** Местонахождение «Пойменная» – новый пункт среднего палеолита в дельте Дона 8
- Левченко М.Т., Чуб А.А.** Изучение археологии, древней и средневековой истории на историческом факультете Донецкого государственного университета в 2022-2025 гг.....25

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Кушхабиев А.В.** Социально-политические процессы в Кабарде в первой половине XIX века (по документальным источникам) 54
- Разумная Н.Н.** Реализация «Сухого закона» на Юге России в годы Первой мировой войны.....73
- Мишечкин Г.В.** 54-я гвардейская стрелковая дивизия в Донбасской стратегической наступательной операции 1943 года.....87
- Пенькова О.Б., Посредников К.Д.** Русское географическое общество и сохранение религиозного наследия России: от деревянных храмов севера до буддийских дацанов.....99

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

- Шульга Д.П.** Южные сюнну: возникновение и основные проблемы исследования.....107
- Разумный В.В., Шапошников Д.И.** Влияние внешних и внутренних факторов на взаимоотношение Цинской империи с иностранными державами в конце XIX века.....116
- Харьковский Р.Г.** Влияние политики Наполеона III на русско-французские отношения в 1856-1870 гг. 125
- Там Хок Чиу.** Борьба против империалистических агрессоров на Дальнем Востоке: совместная стратегия Советского Союза и Китая в период 1937–1939 гг.....135

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Кузнецова Е.В., Бикбова Е.В.** Вооруженные конфликты в Африке: конфликтогенные причины и проблемы детей в лагерях беженцев.....152
- Медовкина Л.Ю., Куканова М.А.** Теоретические основы и эволюция имиджевой политики КНР.....170
- Онопко О.В.** Преодолевая «туман войны». Актуальные проблемы исследований экспертного фактора во внешней политике Украины.....184

ПОЛИТОЛОГИЯ

Иванов М.И., Пожидаев Е.А., Черкашин К.В., Отражение итогов Нюрнбергского трибунала во внутренней и внешней политике Российской Федерации.....**198**

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Василиади А.Х. Роль Российского исторического общества в популяризации исторического знания (к 160-летию со дня основания) **209**

Шкритько Е.А. Значение Святогорской Свято-Успенской Лавры в истории Донбасса **222**

CONTENT

ARCHEOLOGY

- Danilchenko A.Yu., Shcherbakova N.S., Kolesnik A.V., Levchenko M.T., Rudenko E.O.** The site “Poymennaya” – a new Middle Paleolithic locality in the Don River delta 8
- Levchenko M.T., Chub A.A.** Study of archaeology, ancient and medieval history at the Historical Faculty of Donetsk State University in 2022–2025 25

NATIONAL HISTORY

- Kushkhabiev A.V.** Socio-political processes in Kabarda in the first half of the XIX century (based on documentary sources).....54
- Razumnaya N.N.** Implementation of the “Prohibition Law” in the South of Russia during the First World War 73
- Mishechkin G.V.** 54th Guards Rifle Division in the Donbass Strategic Offensive Operation of 1943.....87
- Penkova O.B., Posrednikov K.D.** The Russian Geographical Society and the Preservation of Russia's Religious Heritage: from Wooden Temples of the North to Buddhist Datsans.....99

THE WORLD HISTORY

- Shulga D.P.** Southern Xiongnu: origin and main research problems 107
- Razumnyi V.V., Shaposhnikov D.I.** The influence of external and internal factors on the relationship of the Qing Empire with foreign states at the end of the nineteenth century.....116
- Kharkovskiy R.G.** The influence of Napoleon III’s policy on Russian-French relations in 1856–1870 125
- Tam Hok Chiu.** Struggle against imperialist aggressors in the Far East: joint Strategy of the Soviet Union and China in 1937–1939 135

INTERNATIONAL RELATIONS

- Kuznetsova E.V., Bikbova E.V.** Armed conflicts in Africa: conflict-generating causes and problems of children in refugee camps 152
- Medovkina L.Yu., Kukanova M.A.** Theoretical foundations and evolution of China's image policy.....170
- Onopko O.V.** Overcoming the “Fog of War”. Current problems of research on the expert factor in Ukraine’s foreign policy 184

POLITOLOGY

- Ivanov M.I., Pozhidaev E.A., Cherkashin K.V.** Reflection of the results of the Nuremberg Tribunal in the domestic and foreign policy of the Russian Federation.....198

DISCUSSION

Vasiliadi A.Kh. The role of the Russian Historical Society in the popularization of historical knowledge (on the 160-th Anniversary of its foundation)..... **209**
Shkribitko E.A. The significance of the Svyatogorsk Holy Dormition Lavra in the history of Donbass **222**

АРХЕОЛОГИЯ

УДК: 902(470.61)"632.3"

DOI: 10.5281/zenodo.20693118

EDN: TVZLZG

А.Ю. Данильченко

директор ГБУК РО «Народный военно-исторический музей Великой Отечественной войны «Самбекские высоты»

E-mail: adanil4enko@yandex.ru

Н.С. Щербакова

научный сотрудник ООО «ОКН-проект»

E-mail: sherbakova_nadezhda@mail.ru

А.В. Колесник

доктор ист. наук, заведующий кафедрой археологии, историографии, источниковедения и методов исторического исследования ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: akolesnik2007@mail.ru

М.Т. Левченко

стажер-исследователь Научно-исследовательской части ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: sprmdvlln@yandex.ru

Е.О. Руденко

студент ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: rudenkoegor91@gmail.com

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ «ПОЙМЕННАЯ» – НОВЫЙ ПУНКТ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ДЕЛЬТЕ ДОНА

Аннотация

В 2025 году в пойме Дона было исследовано многослойное поселение бронзового века и средневековья «Пойменная», в культурном слое которого в качестве составной части почвенного субстрата находились кремневые изделия каменного века. В публикации приводятся аргументы в пользу выделения небольшого гомогенного комплекса среднего палеолита. В этот комплекс включены остаточный нуклеус, остроконечники, скребла, изделия с

двусторонней обработкой, различные сколы, в том числе сколы формирования бифасов. Кремни покрыты белой фарфоровидной патиной (отдельные образцы с желто-коричневыми участками), отличаются хорошей сохранностью. Этот комплекс входит в круг местонахождений среднего палеолита в пределах дельты Дона, что требует уточнения палеогеографической схемы развития дельты реки в постплейстоценовое время. По технико-типологическим критериям, комплекс находок сопоставим с региональными индустриями «восточного микока».

Ключевые слова: средний палеолит, Нижний Дон, «восточный микок», обушковый нож, остроконечник из скола оживления орудия с двусторонней обработкой, бифасы

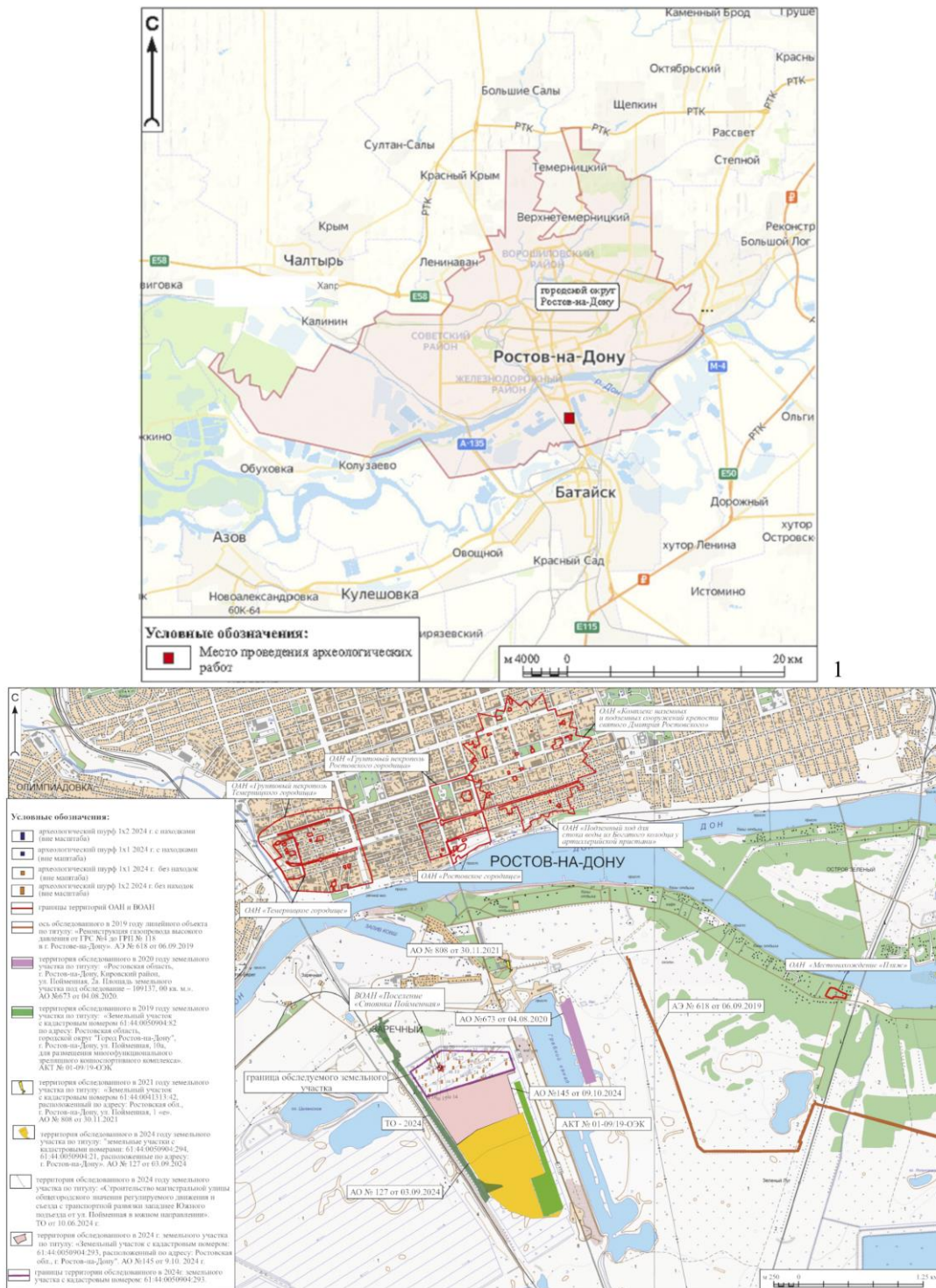
Summary

In 2025, the settlement of the Bronze Age and the Middle Ages, site of «Поуменная», was investigated in the floodplain of the Don, in the cultural layer of which flint products of the Stone Age were located as an integral part of the soil substrate. The publication provides arguments in favor of identifying a small homogeneous complex of the Middle Paleolithic. This complex includes a residual nucleus, tips, scrapers, products with double-sided processing, various flakes, including flakes forming bifaces. The flints are covered with a white porcelain-like patina and are well preserved. This complex is included in the range of Middle Paleolithic sites within the Don delta, which requires clarification of the paleogeographic scheme of the development of the river delta in the post-Pleistocene period. According to the technical and typological criteria, the complex of finds is comparable to the regional industries of the «Eastern Micoquian».

Keywords: Middle Paleolithic, Lower Don, «Eastern Micoquian», Kailmesser, the point formed from the flake of a tool recovery with a double-sided treatment, bifaces

Объект археологического наследия «Поселение «Стоянка Пойменная» находится на южной окраине г. Ростов-на-Дону, на участке вдоль трассы А135 (рис. 1, 1-2). По данным В.С. Яценко, самыми древними памятниками археологии Ростова-на-Дону и его окрестностей являются два местонахождения эпохи палеолита – на правом берегу балки Сухой Темерник на ЮВ окраине поселка Мясникован и «Сухо-Чалтырское». Памятники эпохи неолита обнаружены на Зелёном острове и левобережье р. Дон, где они занимают прирусловый вал и отдельные участки поймы [1]. Первые сборы на территории Зелёного острова были сделаны В.Я. Кияшко в 1960-х гг. (находки кремневых отщепов и фрагментов керамики). Неолитические находки на месте современного городского пляжа («Местонахождение «Пляж») отмечены на археологической карте 1926 г., составленной М.Б. Краснянским. В 1962 г. С.Н. Братченко была собрана неолитическая керамика на левом берегу р. Дон у Аксайского моста.

Поселение было выявлено в 2024 г. в ходе археологического мониторинга и раскопано в 2025 г. (рис. 2, 1-2). Общая площадь исследования составила 2 026,75 кв. м. (рис. 3, 1). Культурный слой поселения включает в себя два литологических слоя (рис.3, 2-5), которые содержали разновременный археологический материал – фрагменты костей животных, фрагменты лепной и кружалной керамики, каменные изделия, кремневые изделия:

2
Рис. 1. Местонахождение «Пойменное». Карта-схема локализации памятника (1), ближайшие объекты археологического наследия (2).

1. Черный, гумусированный, илистый суглинок с песком располагался непосредственно под дерновым слоем. Слой плотный, затечный, комковатой структуры. Мощность 0,15-0,5 м.

2. Серый, илистый суглинок с супесью. Мощность 0,4-1,1 м.

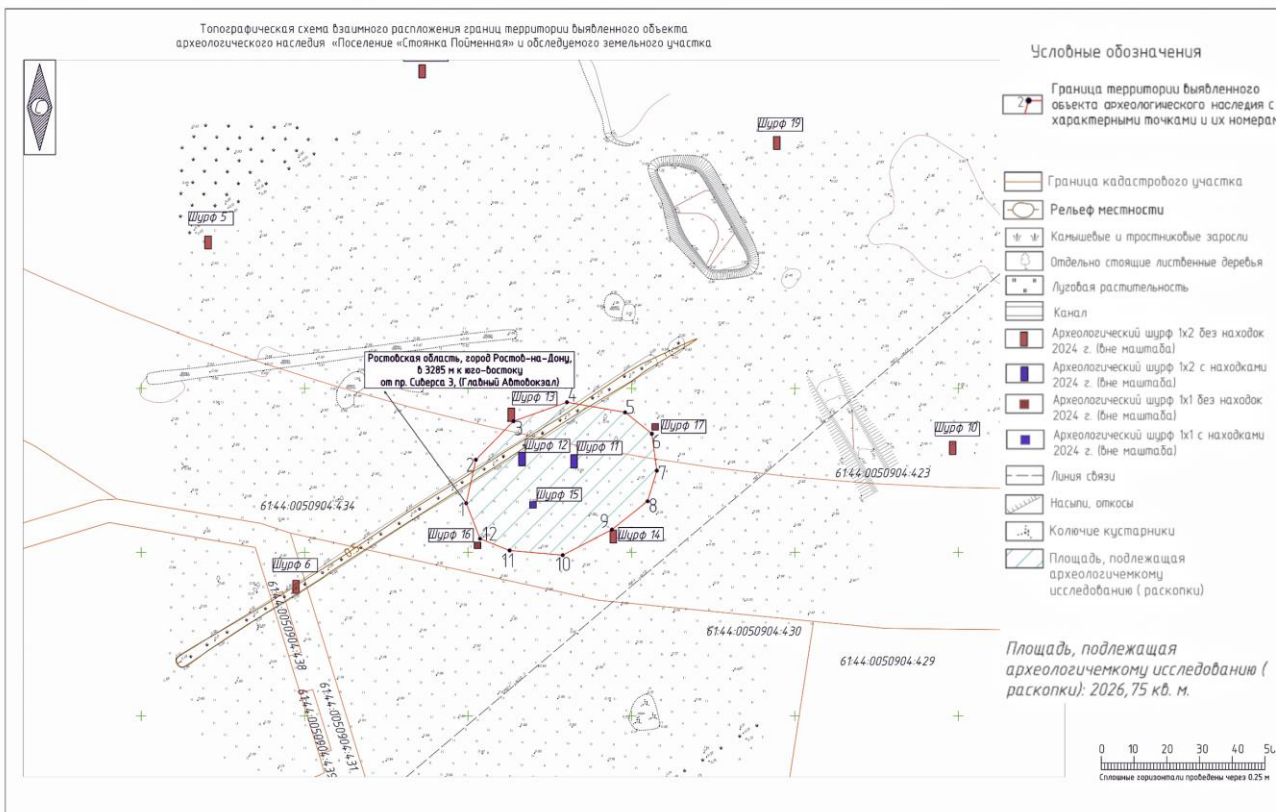
Представление о датировке культурных слоев голоценового времени дает керамический материал. Он представлен фрагментами лепной и кружальной керамики. Лепная керамика относится к трем периодам: к эпохе поздней бронзы (4 фрагмента), раннего железного века (12 фрагментов) и средневековью (24 фрагмента). Преобладающая кружальная керамика (всего 606 фрагментов), за исключением донца античной амфоры, из которого было изготовлено прясло, датируется VIII-X вв. Остеологический материал значителен (1134 шт.). Кремневые изделия распределены по всей толще культурного слоя голоценового времени без следов горизонтальной или вертикальной концентрации, т. е. в виде «взвеси», как составная часть почвенного субстрата, в основном в центральной части поселения, преимущественно в пластах 2,4,5. По линии 1 кремень зафиксирован исключительно в пласте 5, т.е. в низах серого суглинка. По всей видимости, культурный слой голоцена формировался на основе лессовидного субстрата пойменных отложений с включением переотложенных изделий более раннего времени.

Основная часть кремневых изделий по технико-типологическим признакам относится к среднему палеолиту. Средний палеолит бассейна Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья системно изучается с 1920-х гг. [2]. Сведения о местонахождениях с изделиями среднего палеолита в дельте Дона регулярно появляются в научных публикациях по мере накопления археологических данных. Прошли апробацию комплексы их Елизаветовского городища, стоянки Батай III, Рогожкино I и др. [3; 4; 5; 6; 7].

Цель настоящей работы – введение в научный оборот нового весьма выразительного комплекса среднего палеолита, расположенного в пределах дельты Дона.

Материалы

Коллекция кремневых изделий включает 32 предмета (таблица 1). В качестве сырья, судя по участкам, не затронутым патиной, использовался кремень верхнемелового генезиса, происходящий из меловых обнажений Южного и Юго-Восточного Донбасса. Кремень серого цвета, с крупными светло-серыми матовыми включениями, хороших пластических качеств. Ближайшие источники такого сырья локализируются в районе притоков Миуса. Кремень из низовьев Северского Донца иной, менее качественный.

2

Рис. 2. Местонахождение «Пойменное». Границы территории памятника по данным спутниковой (1) и топографической (2) съемки.

№	группы изделий	кол-во, шт.
1	нуклеус остаточный	1
2	остроконечники разных типов	3
3	остроконечное орудие	1
4	орудия с двусторонней обработкой	2
5	скребло	1
6	«концевой скребок»	1
7	пластина с ретушью по краям и концу	1
8	сколы формирования орудий	3
9	пластины, в т.ч. фрагмент пластины с ретушью	4
10	реберчатые сколы	2
11	сколы-заготовки и дебитаж	13
	Всего:	32

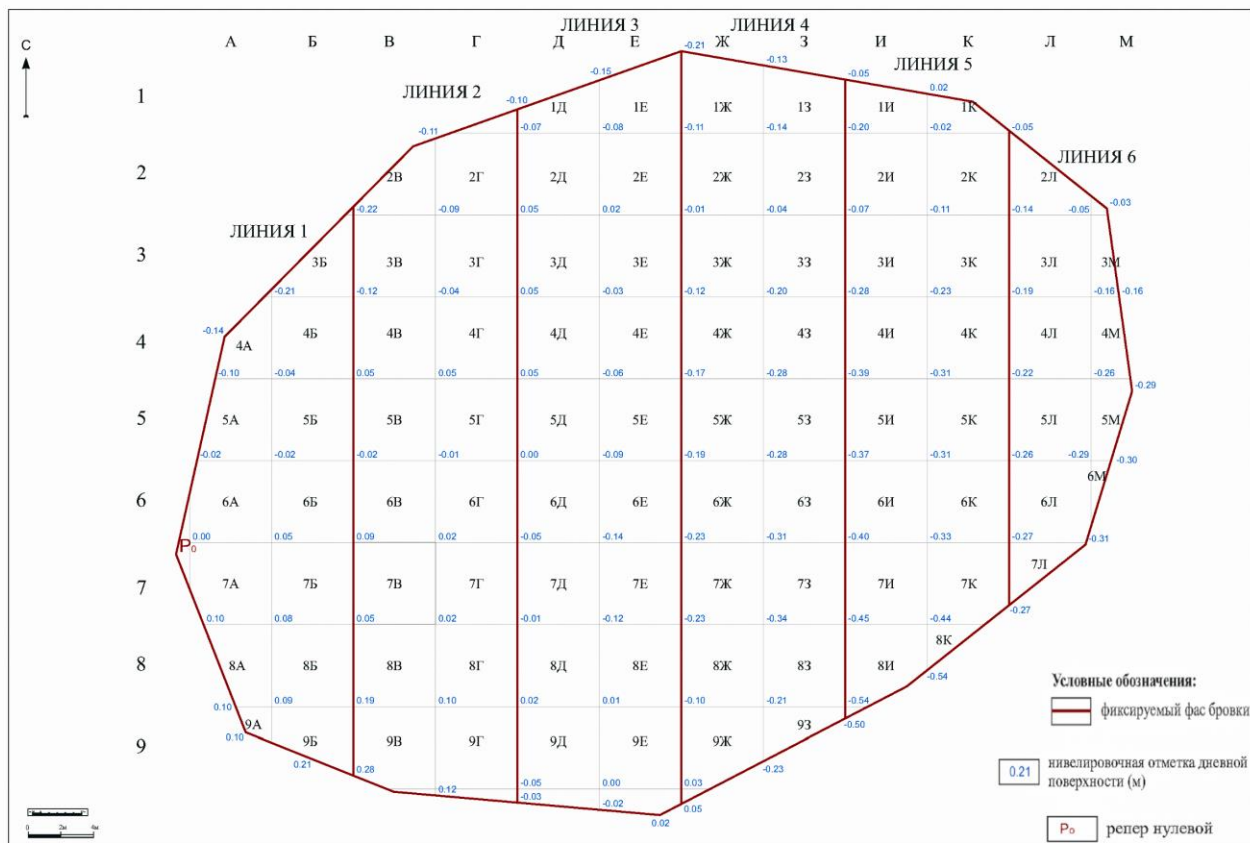
Таблица 1. Пойменная-25. Состав коллекции кремневых изделий.

Степень сохранности кремневых изделий удовлетворительная: они не окатанные, с острыми ребрами, без следов забитости и механических повреждений, «свежие» на вид. На части изделий отмечен блеск поверхности. Основная часть кремней покрыта патиной. Преобладает белая фарфоровидная патина, часть кремней с бело-желтой (местами желто-коричневой) и бело-голубой пятнистой патиной, резкой границы между типами патины нет. Только три предмета, включая два скола и миниатюрный остроконечник из скола формирования бифаса, не патинированы. Тип патины не коррелируется с формальными технико-типологическими критериями.

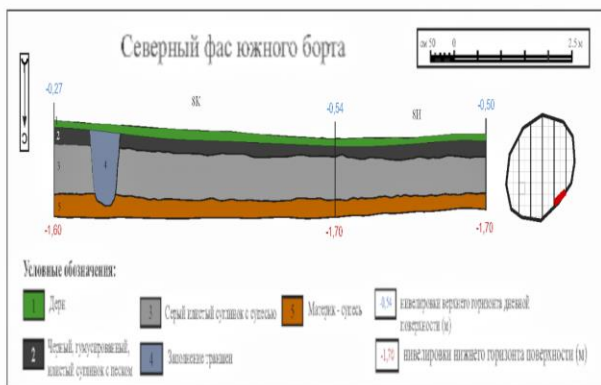
С формально-типологической точки зрения, в коллекции кремневых изделий доминируют предметы среднепалеолитических типов, изделия эпохи энеолита единичны. Среднепалеолитический комплекс включает нуклеус, орудия, сколы формирования бифасов, пластины, сколы-заготовки, технические сколы.

Нуклеус

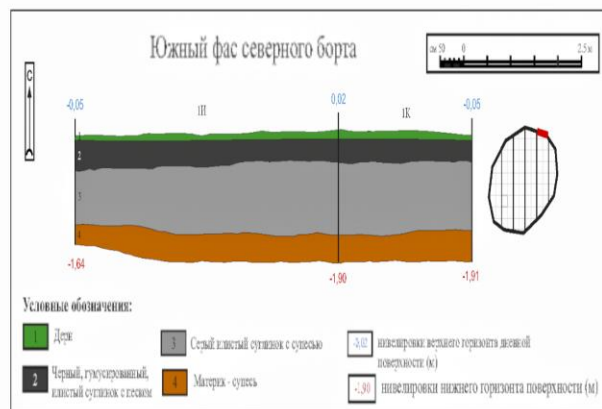
Нуклеус представлен предельно сработанным образцом с радиальным принципом расщепления, формально относится к разновидности радиально-дисковидных ядрищ (рис. 4, 4). Сохранил участок первичной корки. Фасетированные участки ударных площадок не выделяются. Одна из площадок корковая с элементами редукции зоны расщепления. Часть негативов последней серии сколов с заломами в дистальной части.

1

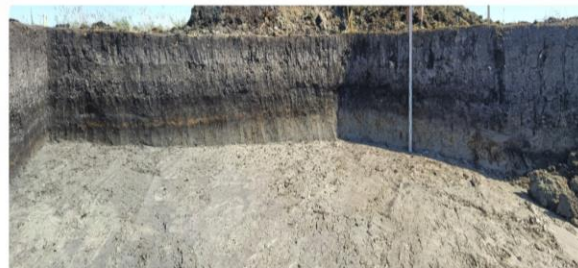
2

3

4

5

Рис. 3. Местонахождение «Пойменное». План местонахождения (1), стратиграфия отдельных участков (2-5).

Остроконечные орудия

Крупный остроконечник (рис. 4, 1) изготовлен из крупного широкого вторичного скола с двумя ударными бугорками и гладкими площадками (результат совмещения намеченной и реализованной скалывающих трещин). Оси скалывания ориентированы конвергентно, т.е. отщеп скалывался с радиально-дисковидного нуклеуса. Это подтверждает и характер огранки дорсальной поверхности преформы серией центростремительных сколов. Края остроконечника (вогнутый и выпуклый) обработаны регулярными приостряющими сколами, сходятся в одной точке, кромки со следами мелкой подправки.

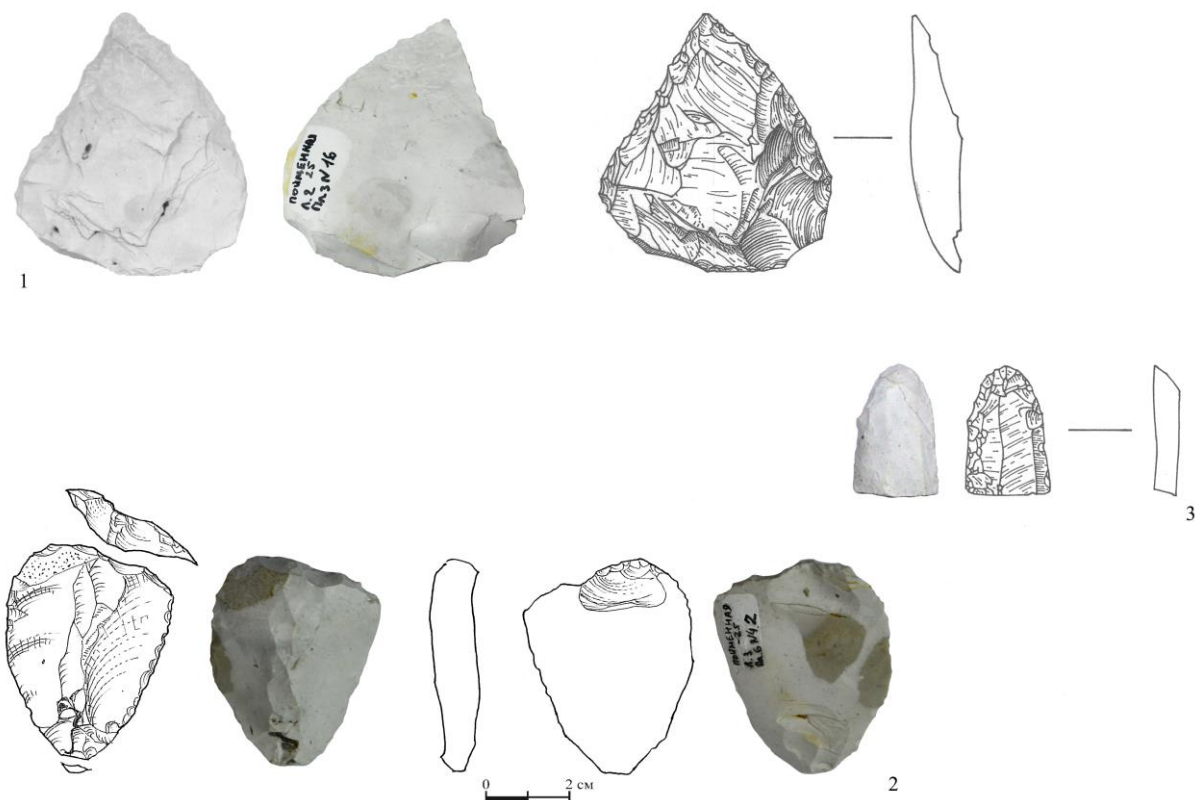

Рис. 4. Местонахождение «Пойменное». Кремневые изделия: остроконечник (1), «концевой скребок» (2), пластина с ретушью (3), нуклеус (4).

Остроконечник (конвергентное скребло?) с острием на базальной части заготовки отличается тщательной обработкой (рис. 5, 1). Края образованы сколами при помощи «мягкого» отбойника. С вентральной стороны, сходящиеся к вершине края дополнительно обработаны мелкими плоскими сколами, таким же образом с дорсальной стороны дополнительно заострено условное «основание» орудия – наиболее широкая его часть. Орудие симметричное в плане и профиле, толщина орудия равномерно нарастает по направлению к его острию.

Остроконечник асимметричный миниатюрный с обработкой по всему периметру имеет выраженное слегка асимметричное в плане острие в виде жала

(рис. 5, 3). Основой послужил тонкий скол с гладкими сторонами, без участков корки. Ретушь регулярная, с мелкой краевой подправкой, кромки острые.

Остроконечное орудие из асимметричного тонкого скола формирования орудия с конвергентно сходящимися краями (рис. 5, 4). По сходящимся краям отмечены мелкие сколы утилизации.

Массивные обушковые орудия с двусторонней обработкой

Оба изделия, возможно, сделаны из плоских фрагментов остаточных нуклеусов с радиальной огранкой, на обеих сохранена корковая поверхность на условных обушковых участках. Изделия отражают предельную стадию сработанности, тем не менее, на одном из экземпляров (рис. 5, б) хорошо сохранился конструктивный элемент в виде протяженного коркового обушка шириной 8-12 мм – остатка округлой поверхности кремневой конкреции. Один из экземпляров обожжен, содержит негативы крупных формирующих сколов, ориентированных от коркового обушка и условного лезвия, с мелкими сколами по зубчатому краю (рис. 5, 5). Форма в плане неправильно-клиновидная. Корковый обушок в виде торцовой поверхности охватывает почти половину периметра орудия. Поперечное сечение вытянутое, в форме пятиугольника. Второй экземпляр имеет неправильно-ромбическую форму в плане (рис. 5, б), неправильно-линзовидное поперечное сечение. Обработан крупными сколами и ретушью с двух сторон. Наиболее интенсивно обработан протяженный край, сопряженный с корковым обушковым участком на условной вершине изделия. Рабочий край с зубчатым рисунком. Корковый обушок ориентирован поперечно к продольной оси, сохранился на вершине и основании изделия.

Скребла

Скребло диагональное на тонком леваллуазском сколе (рис. 5, 1). Основа орудия – атипичный леваллуазский скол с конвергентной (острильной) огранкой, с тонко фасетированной площадкой, с незначительной асимметрией продольной оси. Ретушированный край образован системной мелкой ретушью. Несмотря на остроконечную форму и выраженное жало на дистальном конце орудия, формально оно относится к скреблам, так как ретуширован только один протяженный край. Этот край слегка вогнут.

«Концевой скребок» (вентральное truncated-faceted?)

По формальным признакам, крупный «концевой скребок» (*вентральное truncated-faceted?*) изготовлен из относительно крупного вторичного скола дивергентной формы с небольшим участком тонкой меловой корки и небольшой гладкой площадкой (рис. 4, 2). Зона расщепления скола с элементами перебора карниза. Огранка скола-заготовки однонаправленная. Боковые участки обработаны мелкой приостряющей ретушью, поперечный край образован крутой ретушью, фактически тронкирован. Этот поперечно усеченный выпуклый в плане участок по характеру обработки скорее

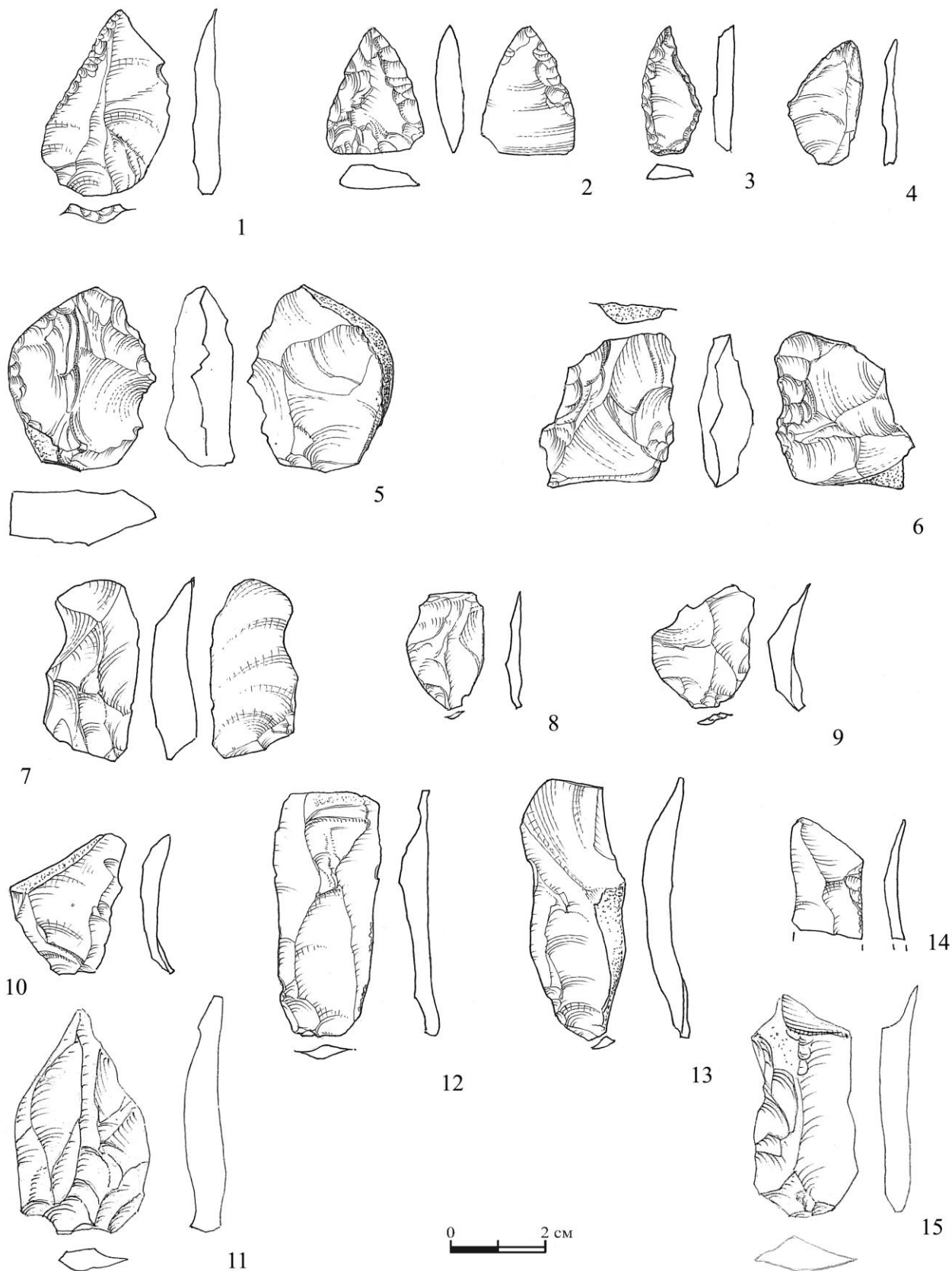

Рис. 5. Местонахождение «Пойменное». Кремневые изделия: скребло (1), остроконечники (2-3), орудие из скола формирования бифаса (4), изделия с двусторонней обработкой (5-6), сколы разных типов (7-11), пластины (12-15).

напоминает вторичную площадку нуклеуса для мелких сколов на вентральную сторону, чем рабочее лезвие концевой скребка/скребла (край не образует сплошную заостренную в профиле кромку). По форме предмет близок крупным концевым скребкам позднего палеолита, по характеру обработки боковых участков напоминает скребки энеолита. Патины фарфоровидная – та же, что и на изделиях среднего палеолита.

Сколы формирования орудий

Сколы формирования орудий образовались при изготовлении бифасов, т.е. относятся к категории сколов-триммингов (рис. 5, 8-10). Для таких сколов характерна асимметричная форма, признаки применения мягкого отбойника, средние или мелкие размеры, тонкое сечение, суб-радиальная или продольно-встречная огранка, трапециевидные в плане очертания с разными по размеру «плечами», смещение продольной оси скалывания, незначительная спиралевидность продольного профиля. Эти сколы тонкие.

Пластины

Пластины широкие, тонкие, связаны с нуклеусами с уплощенным рабочим фронтом. Пластина с суб-параллельной огранкой (рис. 5, 12) имеет гладкую площадку. Вторая пластина сохранила участок меловой корки, огранка продольно-поперечная, площадка точечная (рис. 5, 13). На фрагменте дистально конца пластины сохранились мелкие сколы утилизации по краю (рис. 5, 14). Следы грубой обработки отмечены на пластине с частичной корковой поверхностью (рис. 5, 15). Следует сказать, что характер пластин допускает их датировку средним палеолитом.

Сколы-заготовки и дебитаж

Среди условных сколов-отходов (11 шт.) мелких (до 30 мм) сколов 8, еще 2 имеют размеры до 40 мм и всего 1 скол размерами до 60 мм. Только два скола размерами до 40 мм сохранили участки первичной корки. Условных сколов-заготовок 2 шт. Один из массивных сколов с косой продольной осью огранен сколами с ориентацией к центру рабочего фронта нуклеуса, площадка у скола широкая, фасетированная (рис. 5, 7). Вторичный скол треугольной формы является псевдо-леваллуазским (рис. 5, 11).

Такая же сохранность отмечается и у крупной массивной пластины с продольными интенсивно ретушированными краями и овальным ретушированным концом (рис. 4, 3). Это орудие может иметь энеолитический возраст.

Обсуждение

Предметом дискуссии является факт обнаружения бесспорных изделий среднего палеолита хорошей сохранности в зоне поймы Нижнего Дона. Видимо, в настоящее время мы вынуждены констатировать факт присутствия культурных остатков хорошей сохранности на участках поймы реки, которые нельзя объяснить их переносом в составе речного потока. Среднепалеолитические нуклеусы и орудия выделяются по технико-типологическим критериям, материалы этого культурно-хронологического комплекса абсолютно доминируют среди кремневых изделий. Комплекс, несмотря на его

малочисленность, обладает признаками гомогенности по степени сохранности, типологическому составу каменных орудий и глубине переработки каменного сырья. Представлены все основные категории каменного инвентаря стояночного типа, в минимальном количественном выражении. Сохранность и структура коллекции не противоречит представлениям о палеолитических комплексах удовлетворительной сохранности с признаками эпигенетической деформации культурного слоя в виде миграции части кремней вверх по почвенному горизонту. Незначительная примесь более позднего времени в виде ретушированной пластины энеолитического облика не искажает общую картину. Немногочисленная коллекция кремневых изделий среднего палеолита отражает высокую степень интенсивности переработки каменного сырья. Это следует из характера обработки остаточного нуклеуса, а также наличия остроконечника из скола-тримминга.

Механизм формирования культурных слоев голоцена в пределах Донской дельты нуждается в специальном исследовании, так как во многих случаях требуется объяснение наличия в почвенном субстрате кремневых изделий эпохи палеолита. Ранее неоднократно отмечалось наличие единичных или немногочисленных переотложенных окатанных изделий раннего и среднего палеолита в пределах современной поймы Дона (Колесник и др., 2021). Концентрация на локальном участке каменных изделий не укладывается в модель переноса культурных остатков водным потоком на значительное расстояние в составе речного аллювия. Скорее всего, на данном участке дельты сохраняются останцы пород позднего неоплейстоцена с остатками культурносодержащего горизонта среднего палеолита, перекрытые (и переработанные) голоценовым почвенным комплексом. Видимо, палеогеографическая обстановка была благоприятной для заселения этого участка людьми среднего палеолита. Отмеченная многими исследователями эрозионная деятельность водных потоков пра-Дона в голоцене [8; 9; 10], как это следует из наших находок, не привела к тотальному смыву более ранних культурных остатков, относящихся к позднему неоплейстоцену. Инсталляция более ранних артефактов в наполнитель культурного слоя эпохи голоцена может быть связана с различными сценариями. В данном случае имеются признаки вертикальной миграции кремневых изделий среднего палеолита в почвенном субстрате, без следов их горизонтального переноса водным потоком.

Культурная мозаика Донбасса, Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья включает различные таксоны [11 ; 12], включая «восточной микок» [13]. «Восточный микок» известен в регионе по нескольким стоянкам и является частью «микокского коридора» Восточной Европы [14; 15; 16 ;17; 18; 19]. В настоящее время часть памятников микокского типа, относящихся к концу среднего палеолита, связывают с экспансией поздних неандертальцев в пределах Европейского континента и Северной Евразии [20]. К этому этапу регионального среднего палеолита, возможно, относятся стоянка Рожок I и археолого-палеонтологическое местонахождение Порт-Катон с возрастом в пределах 46 500 (+2100, -1600) лет (GrN_30689) по AMS-датам [21]. Немногочисленные

изделия из публикуемого памятника напоминают каменную индустрию стоянки Рожок I.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в почвенном субстрате культурного слоя поселения «Пойменное» (эфемерное поселение бронзового и раннего железного века и средневековое селище на возвышенном участке поймы, раскопки 2025 г.) отмечены кремневые изделия хорошей сохранности преимущественно среднего палеолита, оказавшиеся в дельте Дона в результате сложных палеогеографических процессов. Вероятно, в пределах дельты сохраняются останцы неоплейстоценовых осадков с культурными остатками среднего палеолита. Комплекс среднего палеолита включает остаточный радиально-дисковидный нуклеус, остроконечники, скребло и орудия с двусторонней обработкой и корковыми обушками, сколы-тримминги. В качестве сырья использовался качественный меловой кремнь. Изделия не окатанные, покрыты фарфоровидной и бело-желтой патиной. Часть кремней с пятнистой патиной. Кремневые изделия более позднего времени единичны. Вероятна культурная атрибуция среднепалеолитического комплекса данного местонахождения в качестве «восточно-микоковского».

Работа выполнена в рамках ГЗ «Эволюция общества на землях Донбасса с древнейших времен до XVII века» (FRRE-2026-0023), а также ГЗ "Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития" (FMZF-2025-0007).

Список источников и литературы:

1. Яценко, В.С. Отчет об обследовании «Поселения Батай I» в городе Батайск Ростовской области в 2012 году. – Ростов-на-Дону, 2013. – 174 с.
2. Данильченко, А.Ю. История изучения среднего палеолита Северо-Восточного Приазовья и нижнего течения р. Северский Донец // *Stratum plus*. 2022. – №1. – С. 387–413.
3. Алексеев, Н.К. Палеолитическое местонахождение в дельте Дона // *Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода*, вып. 37. – М.: Наука, 1970. – С. 127-130.
4. Зоров, Ю.Н., Колесник, А.В., Очередной, А.К. Следы палеолита на южном берегу Таганрогского залива и в дельте Дона // *Поволжская археология*. – 2018. – № 3 (25). – С. 208-220.
5. Колесник А.В., Ревина Е.И., Очередной А.К., Данильченко А.Ю., Зоров Ю.И. Новые находки палеолита на Нижнем Дону // *Культурная география палеолита Восточно-европейской равнины: от микока до эпиграветта. Международная конференция – полевой семинар. Тезисы докладов*. – М.: ИА РАН, 2019. – С. 85-86.
6. Колесник А.В., Ревина Е.И., Очередной А.К., Данильченко А.Ю., Зоров Ю.Н. Новые находки палеолита на Нижнем Дону // *Краткие сообщения Института археологии*. – 2021. – № 264. – С. 50-59.

7. Шилов В.П. К изучению палеолита Нижнего Подонья // КСИА, вып. 64. – М.: Наука, 1956. – С.62-82.
8. Зайцев А.В., Зеленщиков Г.В. Голоцен дельты Дона // Геология, география и экология океана / Под ред. Г.Г. Матишова. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ, 2009. – С. 124-126.
9. Попов Г.И. Плейстоцен Черноморско-Каспийских проливов. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
10. Хрусталева Ю.П., Щербаков Д.А. Позднечетвертичные отложения Азовского моря и условия их накопления. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1974. – 148 с.
11. Цвейбель Д.С., Колесник А.В. Техника первичного расщепления мустьерской стоянки Белокузьминовка в Донбассе // Советская археология. – 1987. – № 1. – С. 5-20.
12. Колесник А.В. Белокузьминовская группа памятников в контексте современной проблематики палеолита Восточной Европы // Записки Института истории материальной культуры РАН. – 2023. – № 29. – С. 17-25.
13. Колесник А.В. Памятники «Восточномикокского типа» Донбасса и Северо-Восточного Приазовья // Записки Института истории материальной культуры РАН. – 2018. – № 17. – С. 141-150.
14. Колесник А.В. «Восточный Микок» – миф или реальность? // Археологический альманах. – Донецк. 1999. – № 8. – С. 37-50.
15. Очередной А.К., Воскресенская Е.В., Степанова К.Н., Вишняцкий Л.Б., Нехорошев П.Е., Ларионова А.В., Зарецкая Н.Е., Блохин Е.К., Колесник А.В. Комплексные геоархеологические исследования среднепалеолитических памятников Русской равнины // Записки Института истории материальной культуры РАН. – 2018. – № 17. – С. 74-83.
16. Очередной А.К., Ремизов С.О., Степанова К.Н., Ельцов М.В., Воскресенская Е.В., Вишняцкий Л.Б., Нехорошев П.Е., Блохин Е.К., Титов В.В., Колесник А.В. Среднепалеолитический памятник Сухая Мечётка: возобновление комплексных исследований // Нижневолжский археологический вестник. – 2020. – Т. 19. № 1. – С. 230-253.
17. Данильченко А.Ю., Колесник А.В., Очередной А.К., Зоров Ю.Н. Марьева Гора - памятник среднего палеолита в Северо-Восточном Приазовье // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – СПб; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2020. – № 1. – С. 201-224.
18. Колесник А.В., Гирия Е.Ю., Данильченко А.Ю., Титов В.В., Олих О.Г., Очередной А.К. Костяные изделия со стоянки среднего палеолита Рожок I (культурный горизонт VI) в Северо-Восточном Приазовье // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – СПб; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2023. – № 1. – С. 101-125.
19. Колесник А.В., Зоров Ю.Н., Данильченко А.Ю., Титов В.В., Константинов Е.А., Фролов П.Д., Сычев Н.В. Николаево-Отрадное II – новый памятник раннего и среднего палеолита в Северо-Восточном Приазовье // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2023. – Т. 51, № 3. – С. 25-31.

20. Romagnoli, F., Chabai, V., Gravina, B., Hérison, D., Hovers, E., Moncel, M.-H., Peresani, M., Uthmeier, Th., Bourguignon, L., Chacón, M.G., Modica, K.D., Faivre, J-Ph., Kolobova, K., Malinsky-Buller, A., Neruda, P., Garaizar, J.R., Weiss, M., Wiśniewski, A., Sykes, R.W., 2022. Neanderthal technological variability: A wide-ranging geographical perspective on the final Middle Palaeolithic // Romagnoli F. et al., eds. *Updating neanderthals: Understanding behavioral complexity in the Late Middle Paleolithic*. London: Academic Press. P. 163-205.

21. Байгушева В.С., Титов В.В., Тимонина Г.И., Симакова А.Н., Тесаков А.С. Массовое захоронение позднеплейстоценовых бизонов в северо-восточном Приазовье (Порт-Катон, Ростовская область) // Доклады Академии наук, 2014, том 454, № 6. – С. 680–682.

REFERENCES

1. Iatsenko, V.S. (2013) Report on the survey of the "Batai I Settlement" in the city of Bataysk, Rostov region in 2012. Rostov on Don. (In Russian). 174 p.

2. Danil'chenko, A.Yu. (2022) History of the Study of the Middle Palaeolithic of the North-Eastern Azov Sea Region and the Lower Reaches of the Seversky Donets. *Stratum plus*. 1. Pp. 387–413. (In Russian).

3. Alekseev, N.K. (1970) [Paleolithic location in the Don Delta] In: *Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary (BCSQ)*. 37. Moscow, Nauka Publ. Pp. 127-130. (In Russian).

4. Zorov Yu.N., Kolesnik A.V., & Ocherednoi A.K. (2018) New evident of the paleolithic in a Southern Coast of the Taganrog Bay and the delta of the Don River. *The Volga River Region Archaeology*. 3 (25). P. 208-220.

5. Kolesnik A.V., Revina E.I., Ocherednoi A.K., Danil'chenko A.Yu., & Zorov Yu.I. (2019) New Paleolithic finds on the Lower Don. In: *Cultural geography of the Paleolithic of the East European Plain: from Mousterian to Epigravettian*. International conference – field seminar. Abstracts. Moscow, IA RAS. Pp. 85-86. (In Russian).

6. Kolesnik A.V., Revina E.I., Ocherednoi A.K., Danil'chenko A.Yu., & Zorov Yu.N. (2021) New Paleolithic finds on the Lower Don. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 264. Pp. 50-59. (In Russian).

7. Shilov V.P. (1956) On the study of the Paleolithic of the Lower Don region. In: *Brief Communications of the Institute of Archaeology (KSIA)*. 64. Moscow, Nauka Publ. Pp. 62-82. (In Russian).

8. Zaitsev A.V., & Zelenshchikov G.V. (2009) Holocene of the Don Delta. In: Matishov G.G. (ed.) *Geology, geography and ecology of the ocean*. Rostov on Don, SSC RAS Publ. Pp. 124-126. (In Russian).

9. Popov G.I. (1983) *Pleistocene of the Black Sea-Caspian straits*. Moscow, Nauka Publ. 216 p. (In Russian)

10. Khrustalev Yu.P., & Shcherbakov D.A. (1974) *Late Quaternary deposits of the Sea of Azov and conditions of their accumulation*. Rostov on Don, Rostov State University Press. 148 p. (In Russian).

11. Tsveibel' D.S., & Kolesnik A.V. (1987) Primary flaking technique of the Mousterian site Belokuzminovka in Donbass. *Soviet Archaeology*. 1. Pp. 5-20. (In Russian).
12. Kolesnik A.V. (2023) Belokuzminovka group of sites in the context of current issues of the Paleolithic of Eastern Europe. *Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS*. 29. Pp. 17-25. (In Russian).
13. Kolesnik A.V. (2018) Sites of the “Eastern Micoquian type” in Donbass and the North-Eastern Azov Sea region. *Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS*. 17. Pp. 141-150. (In Russian).
14. Kolesnik A.V. (1999) “Eastern Micoquian” – myth or reality? *Archaeological Almanac. Donetsk*. 8. Pp. 37-50. (In Russian).
15. Ocherednoi A.K., Voskresenskaya E.V., Stepanova K.N., Vishnyatsky L.B., Nekhoroshev P.E., Larionova A.V., Zaretskaya N.E., Blokhin E.K., & Kolesnik A.V. (2018) Integrated geoarchaeological studies of Middle Palaeolithic sites of the Russian Plain. *Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS*. 17. Pp. 74-83. (In Russian).
16. Ocherednoi A.K., Remizov S.O., Stepanova K.N., Eltsov M.V., Voskresenskaya E.V., Vishnyatsky L.B., Nekhoroshev P.E., Blokhin E.K., Titov V.V., & Kolesnik A.V. (2020) Sukhaya Mechetka Middle Paleolithic site: resumption of comprehensive studies. *Lower Volga Archaeological Bulletin*. Vol. 19. 1. Pp. 230-253. (In Russian).
17. Danil'chenko A.Yu., Kolesnik A.V., Ocherednoi A.K., & Zorov Yu.N. (2020) Marieva Gora – a Middle Paleolithic site in the North-Eastern Azov Sea region. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 1. Pp. 201-224. (In Russian).
18. Kolesnik A.V., Girya E.Yu., Danil'chenko A.Yu., Titov V.V., Olikh O.G., & Ocherednoi A.K. (2023) Bone artifacts from the Middle Paleolithic site Rozhok I (cultural horizon VI) in the North-Eastern Azov Sea region. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 1. Pp. 101-125. (In Russian).
19. Kolesnik A.V., Zorov Yu.N., Danil'chenko A.Yu., Titov V.V., Konstantinov E.A., Frolov P.D., & Sychev N.V. (2023) Nikolaevo-Otradnoye II – a new Early and Middle Paleolithic site in the North-Eastern Azov Sea region. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. Vol. 51. 3. Pp. 25-31. (In Russian).
20. Romagnoli, F., Chabai, V., Gravina, B., Hérison, D., Hovers, E, Moncel, M-H., Peresani, M., Uthmeier, Th., Bourguignon, L., Chacón, M.G., Modica, K.D., Faivre, J-Ph., Kolobova, K., Malinsky-Buller, A., Neruda, P., Garaizar, J.R., Weiss, M., Wiśniewski, A. & Sykes, R.W. (2022) Neanderthal technological variability: A wide-ranging geographical perspective on the final Middle Palaeolithic. Romagnoli F. et al., eds. *Updating neanderthals: Understanding behavioral complexity in the Late Middle Paleolithic*. London: Academic Press. P. 163-205.
21. Baigusheva V.S., Titov V.V., Timonina G.I., Simakova A.N., & Tesakov A.S. (2014) A mass burial of Late Pleistocene bison in the north-eastern Azov Sea region (Port-Katon, Rostov region). *Reports of the Academy of Sciences*. 454 (6). Pp. 680-682. (In Russian).

Данные авторов статьи

Данильченко Алексей Юрьевич	Danilchenko Aleksey Yurievich
Щербакова Надежда Сергеевна	Shcherbakova Nadezhda Sergeevna
Колесник Александр Викторович	Kolesnik Alexandr Viktorovich
Левченко Максим Тихонович	Levchenko Maxim Tikhonovich
Руденко Егор Олегович	Rudenko Eygor Olegovich

УДК 930.1:[902+94(100)".../16"]:378.4(477.62)ДОНГУ"2022/2025"¹

DOI: 10.5281/zenodo.20693157

EDN: PZLCXQ

М.Т. Левченко

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: sprmdvlln@yandex.ru

А.А. Чуб

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: andrechyb2004@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИИ, ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ДОНЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 2022-2025 ГГ.

Аннотация

В статье проводится анализ научной деятельности преподавателей и научных сотрудников, аспирантов, студентов исторического факультета ДонГУ в сфере археологии, древней и средневековой истории за период 2022-2025 гг. Показатели научной активности демонстрируют широкий спектр рассматриваемых тем, во многом продолжающих исследования, начатые в непростых условиях 2014–2022 гг. Выявленная продуктивность коллектива исследователей свидетельствует об академической устойчивости университета и его способности решать комплексные междисциплинарные задачи в рамках российской исторической науки.

Ключевые слова: *Донецкий государственный университет, древняя и средневековая история, региональная периодизация истории, археология, памятники археологии.*

Summary

The article analyzes the scientific activities of students, postgraduates, lecturers and scientific workers of the Faculty of History of Donetsk State University in the field of archaeology, ancient and medieval history for the period 2022–2025. Based on the analysis of scientific activity indicators, it was noted that there is a wide range of issues under consideration, largely continuing the research initiated in the difficult conditions of 2014–2022. The revealed productivity of the members of the local research team testifies to the academic stability of the University and the ability to solve complex interdisciplinary problems within the framework of Russian historical science.

Keywords: *Donetsk State University, ancient and medieval history, regional periodization of history, archaeology, archaeological sites.*

В сложный период с 2014 по начало 2022 гг. археология и история в Донецком государственном университете не только сохранили свои основы, но и активно развивались в направлении интеграции в российское научное пространство в области академических и образовательных программ [1; 2]. Проводились научные исследования, учебные археологические практики (в том числе выездные), разрабатывались новые учебные дисциплины, студенческая наука выводилась на всероссийский уровень. С 2022 г. археологическая и историческая научная тематика продолжила свое развитие на базе деятельности кафедры археологии, историографии, источниковедения и методов исторического исследования, кафедры всемирной истории, а также научно-исследовательской группы, действующей в рамках научно-исследовательской части ДонГУ. В свою очередь, вовлечению студентов в профессиональную научную деятельность способствует проведение ежегодных научных конференций в стенах исторического факультета, а также мероприятия, проводимые членами Студенческого археологического общества. На сегодняшний день проведение исследований, связанных с региональной археологией, древней и средневековой историей связано с выполнением госбюджетных заданий, а также включено в инициативные темы вышеназванных кафедр.

Цель данной состоит в изучении археологии, древней и средневековой истории на историческом факультете Донецкого государственного университета в 2022–2025 гг.

Основные направления и результаты исследований

Основным разработчиком археологической тематики осталась научно-исследовательская группа НИЧ под руководством заведующего кафедрой археологии, историографии, источниковедения и методов исторического исследования А.В. Колесника, который сосредоточился на разработке нескольких проблем в области археологии палеолита Северной Евразии, а также региональной истории и археологии. Серия его работ была посвящена проблемам среднего палеолита Донбасса, Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Работами на правом берегу Миусского лимана на местонахождении Николаево-Отрадное II удалось установить геологический ранний возраст регионального среднего палеолита [3]. В фаунистической коллекции стоянки Рожок I выявлены уникальные костяные изделия, в том числе «подвеска» из мамонтовой кости [4]. Детально исследовались проблемы типологии каменных орудий среднего палеолита – скребел [5] и изделий типа truncated-faceted [6; 7], двусторонне обработанных ножей D-образной формы [8]. Эти исследования фактически продолжают начатые ранее разработки в области определения функциональной специфики памятников среднего палеолита Восточной Европы [9], «восточно-микокской» тематики [10; 11; 12], технологии первичного расщепления камня [13; 14].

Важной вехой в области изучения позднего палеолита Северной Евразии стало монографическое исследование стоянки Стрелка-1 в исторической части г. Красноярск [15]. Авторами А.В. Колесником, А.В. Барковым, М.Ю. Опекуновой, В.А. Голубцовым, А.В. Вишневым, А.М. Клементьевым, Е.В. Артемьевым, И.И. Разгильдеевой, Е.Ю. Гирей, Г.А. Хлопачевым и Д.А. Гурулёвым на основании тщательного изучения особенностей каменного сырья, промысловой фауны, технологии расщепления камня и типологии каменных и костяных изделий была детально охарактеризована поселенческая стратегия древнего населения Среднего Енисея. Дальнейшее развитие также получили представления о моделях пространственного распределения культурных остатков [16] и систем хозяйственной адаптации. Монографии предшествовал ряд предварительных публикаций [17; 18].

Тематика среднего палеолита также нашла свое отражение в работах стажеров-исследователей НИЧ А.А. Чуба и М.Т. Левченко. Работы А.А. Чуба посвящены весьма перспективному научному направлению – костяной индустрии среднего палеолита Евразии, позволяющему реконструировать охотничьи стратегии древнего человека. Так, предметом его исследований выступают костяные ретушеры [19] и палеолитические костяные изделия с долотовидным износом [20; 21; 22]. Отдельно также отметим публикацию, посвященную анализу распределения фаунистических останков по горизонтам стоянки Рожок I [23]. В свою очередь, работы М.Т. Левченко затрагивают отдельные аспекты историографии среднего палеолита Евразии. Его исследования посвящены микокско-прондникской проблематике [24] и вопросам культурного членения среднего палеолита, рассматриваемых в работах В.Н. Гладилина [25; 26]. Наиболее перспективным направлением исследований, на наш взгляд, является разработка проблематики локальных отличий в среднем палеолите Восточной Европы, также во многом связанная с анализом научных воззрений прошлых лет [27].

Тематике позднего каменного века Донбасса посвящена серия работ Н.В. Манько. Как известно, в нео-энеолитическую эпоху Донбасс становится крупнейшим европейским центром по добыче и переработке минеральных ресурсов [28]. Данный центр обладал весьма сложной структурой, в рамках которой отдельно выделяются как достаточно крупные, так и относительно небольшие скопления кремнеобрабатывающих мастерских со следами добычи кремневого сырья [29]. На сегодняшний день материалы многих подобных комплексов до конца не обработаны и лишь частично опубликованы. Так, наиболее полно материалы Краснянского горно-кремнеобрабатывающего комплекса представлены в монографии А.В. Колесника, С.М. Дегерменджи, Н.В. Манько [30]. В качестве предварительных публикаций заявлены Белогорский кремнеобрабатывающий [31] и Краматорский горно-кремнеобрабатывающий [32] комплексы в Северо-Западном Донбассе. Кроме того, в научный оборот были введены материалы неолитического слоя археологического комплекса Марьева Гора в Ростовской области [33], нео-энеолитической стоянки Урочище «Пережат» в среднем течении Северского

Донца [34] и энеолитических кремнеобрабатывающих мастерских у села Малиновка и пруда Пустошь, расположенных в Славянском муниципальном округе ДНР [35].

Помимо непосредственной публикации новых археологических материалов продолжается также изучение ряда аспектов хозяйственной деятельности местных неолитических племен [36; 37]. На основе анализа материалов могильников Днепро-Донского междуречья Н.В. Манько были рассмотрены некоторые особенности воззрений человека позднего каменного века и специфика местной погребальной традиции [38; 39]. Отметим, что при имеющейся перспективе, существенной проблемой для современного неолитоведения Донбасса является отсутствие нового антропологического материала, необходимого для комплексных исследований [40].

Научные интересы Л.Г. Шепко находятся в области археологии раннего железного века и истории древнего мира. В составе группы исследователей был обработан и введен в научный оборот погребальный комплекс могильника «Красный Колос IV», открытый в 2022 г. на территории Нижнего Дона. Женское захоронение сопровождалось золотыми украшениями и богатым бытовым инвентарем [41]. Сарматские памятники Северного Причерноморья рассматриваются в рамках проблем этносоциальной презентации [42], контактов с античным миром [43; 44], этнокультурного взаимодействия в пограничных зонах [45; 46; 47]. Одно из научных направлений, которому привлечено внимание Л.Г.Шепко, – формирование источниковой базы исследований раннего железного века в Северо-Восточном Приазовье [48]. В 2024 г. Л.Г. Шепко совместно с коллективом сотрудников ИИМК РАН были организованы и проведены одни из первых в рассматриваемый период археологических разведок в ДНР [49].

Значительное место в историко-археологической проблематике, разрабатываемой коллективом исторического факультета Донецкого госуниверситета в 2022-2025 гг., занимает средневековье. Проблемы средневековой истории и археологии Донбасса тесно переплетены между собой. Изучение охватывает все периоды – от раннего до позднего средневековья.

Следует отметить следующие направления: хронология и периодизация истории земель Донбасса в средние века, памятники хазарского времени Северо-Восточного Приазовья, эволюции и иконографии половецких каменных изваяний, украшений восточноевропейских кочевников в XII–XIV вв. археологическое наследие Золотой Орды на территории Донецкого края.

В области исследований раннего средневековья отметим работы В.К. Гриба. Прежде всего, это две монографии, посвященные поселениям хазарского времени на территории Донбасса и Северо-Восточного Приазовья. В первой из них на основе комплексного изучения вводятся в научный оборот материалы нескольких раскопанных поселений [50], во второй – содержится полный свод учтенных поселенческих памятников обширной географической зоны [51]. В монографии по материальному комплексу раскопанных поселений подводится итог исследованиям в области конструктивных особенностей жилых

и хозяйственных построек, отражающих сезонные отличия местных поселенческих стратегий [52; 53; 54].

Широкий отклик среди историков и археологов получили две статьи А.В. Колесника, В.К. Гриба, В.А. Санжарова, посвященные вопросам хронологии и периодизации истории земель Донбасса в средние века [55; 56]. В них обсуждается проблема соотношения общей и локальной периодизации истории, с учетом региональных особенностей культурогенеза, расселения и землепользования. Концепция эволюции систем расселения и землепользования по отношению к средневековым обществам Донбасса носит новаторский характер [57]. Для кочевников раннего средневековья степной зоны (включая Донбасс и Северное Приазовье) характерны особые модели природопользования, основанные на рациональном отношении к природным ресурсам [58; 59; 60].

Обратим также внимание на продолжающийся цикл работ, посвященных антропоморфной пластике тюркских народов, проживавших на территории Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья в средние века. Материал, из которого изготовлены небольшие по размеру фигурки, различен: это мел, глина и бронза [61]. Ранее В.К. Грибом было доказано, что данные фигурки использовались в культовой практике и отражали сложные анимистические представления людей, связанные с погребальным обрядом, культом предков и шаманскими практиками [62; 63]. Данные исследования входят в круг традиционных для автора работ по изучению искусства [64; 65], вооружения [66], письменности [67] и погребального обряда [68; 69; 70] ранних средневековых кочевников Донбасса.

В серии публикаций исследователей-археологов ДонГУ также детализируются особенности материального комплекса периода господства в донецких степях т.н. поздних кочевников – огузов, печенегов и половцев. Прежде всего, это работы, посвященные предметам вооружения половецких воинов [71] и нагрудным украшениям половецких женщин [72; 73].

Работы Т.М. Потемкиной посвящены в основном проблемам типологии, эволюции и иконографии половецких каменных изваяний. В ряде публикаций [74; 75] автор завершает начатые ранее разработки в области развенчания современного мифа о половецких «амазонках» [76] и поднимает вопрос о проблеме ответственности в научных исследованиях. Серия работ исследовательницы также посвящена изображениям различных предметов на половецких изваяниях – уникальному комплексу стреловидных подвесок [77], наступательному оружию [78], бытовым предметам [79] и поясной одежде [80], причем, изображениям последних двух категорий дается новая интерпретация. Автор отмечает нарушение некоторых элементов канона на нескольких изваяниях [78], а также актуализирует современные проблемы типологии и эволюции половецкой скульптуры, предлагая создать обновленный свод половецких изваяний с качественной фотофиксацией и подробным описанием каждого выявленного экземпляра [81].

О.А. Поляковой было продолжено изучение начатой в предыдущие годы темы украшений восточноевропейских кочевников в XII–XIV вв. из различных видов камня [82; 83]. В новых работах автора были изучены нагрудные украшения из половецких погребений, их изображение на каменных изваяниях, [84]. Исследованы украшения из лазурита и коралла [85; 86], которые пользовались популярностью у кочевников и применялись, преимущественно, для изготовления женских нагрудных украшений. В половецком социуме домонгольского времени такие украшения выполняли охранительную и защитную функцию и несли информацию об имущественном и социальном положении отдельных его представительниц. Автором также были описаны немногочисленные каменные скульптуры с изображением стреловидных подвесок, состоящих из нескольких групп по три экземпляра [87]. Эти подвески можно отнести к «шумящим» – издающим шумящий звук при движении, он отпугивал злых духов, играя роль не только украшения, но и оберега. Из этнографического материала следует, что подобные апотропеи характерны для многих кочевых народов.

Отдельно выделим серию публикаций аспиранта кафедры археологии, историографии, источниковедения и методов исторического исследования К.В. Карепина, посвященных археологическому наследию Золотой Орды на территории Донецкого края. Как известно, Золотая Орда сыграла значительную роль не только в политическом развитии Восточной Европы, но и в процессах этно- и культурогенеза на подвластных ей территориях. В рамках изучения золотоордынского периода К.В. Карепин особое внимание уделил культурному взаимодействию и вопросам хозяйственного освоения Донбасса кочевым населением в XIII–XIV вв. Наиболее обстоятельно им были рассмотрены вопросы, связанные с различными аспектами металлургического, в частности чугунолитейного производства [88; 89], а также керамический импорт на местных поселенческих памятниках [90]. Ряд работ также был посвящен выявлению особенностей взаимодействия кочевого и местного населения [91], а также его этнического состава [92] – наиболее трудно идентифицируемых с археологической точки зрения, что привело к необходимости привлечения междисциплинарных методов для получения верифицируемых результатов.

Так, одна из работ данного автора, посвященная локализации центров производства средневековых каменных котлов [93], хоть и носит геоархеологический характер, тем не менее относится к кругу исследований, посвященных торговым взаимоотношениям и миграциям, поскольку сами котлы, несмотря на свою малочисленность, являются ярким маркером торговых отношений с городскими центрами Средней Азии. Ещё одним направлением исследований К.В. Карепина является изучение системы землепользования и структуры поселенческих памятников, сформировавшихся в долине среднего течения Северского Донца [94], касательно которой можно констатировать существование сложной системы, в полной мере отражавшей особенности взаимодействия хозяйственного и этнического характера, присущие золотоордынскому времени.

Отдельным эпизодам политической истории Древнерусского государства в эпоху развитого средневековья посвящена серия работ доцента кафедры археологии, историографии, источниковедения и методов исторического исследования С.Н. Абукова. Так, основное внимание в его исследованиях уделяется проблеме правления, происхождения, брачной политики и семейных отношений древнерусских князей домонгольского периода. На основании всего имеющегося комплекса отечественных и иностранных источников автором всесторонне исследовано правление киевского князя Всеволода Ярославича (1078–1093), одного из сыновей Ярослава Мудрого [95]. Автор аргументировал свои оценки неудачного в целом княжения этого слабого киевского князя, поддерживаемого сыном Владимиром Мономахом. С.Н. Абуковым была дана новая интерпретация знаменитого граффито о смерти Всеволода, а также раскрыты причины, не позволившие Мономаху стать преемником отца в Киеве.

Обратившись в другой работе к проблеме происхождения первой жены Всеволода Ярославича, С.Н. Абуков поставил под сомнение прямое родство между бездетным византийским императором Константином IX и киевским князем Владимиром Мономахом, давно обсуждаемое в отечественной историографии [96]. На основании русских и византийских известий он утверждает, что жена Всеволода принадлежала к роду Мономахов. Близка данной тематике и работа, посвященная одному из потомков Всеволода Ярославича – киевскому князю Мстиславу Романовичу (1212–1223), героически погибшему в битве на Калке в 1223 году [97]. В этом научном биографическом очерке автор показал этапы жизни князя – одного из последних выдающихся Рюриковичей на киевском столе, затронув роль Мстислава в битве на р. Калке, где он выступал формальным лидером русских сил. В другой работе была рассмотрена полулегендарная фигура самого старшего из сыновей Ярослава Мудрого от первого брака – Ильи Ярославича, князя новгородского, который, по мнению исследователя, реально существовал, но никогда не был женат и умер в детском возрасте [98].

Отдельно стоит обратить внимание на работу, посвященную происхождению городенских князей [99]. Данная проблема является одной из наиболее дискуссионных во всей генеалогии Рюриковичей. Автор показал ошибочность известия В.Н. Татищева, и на основании целого ряда источников, включая летописи, установил, что родоначальником данной княжеской династии является Всеволодко Мстиславич – правнук Игоря Ярославича. Также в центре внимания С.Н. Абукова оказались семейные конфликты Рюриковичей, происходившие в домонгольский период и связанные с происхождением князей от разных матерей [100]. Исследователь комплексно показал негативное влияние данного фактора в междукняжеских отношениях. Еще в одной своей работе С.Н. Абуков обратился к браку черниговского князя Мстислава Святославича [101] и пришел к выводу, что несмотря на противоречивость источников, причины оспаривать яское происхождение его жены отсутствуют.

Основополагающими в области средневековых исследований следует признать коллективные монографии, изданные за последние годы. Первой из них

является монография, посвященная 800-летней годовщине битвы на р. Калке, включающая в себя, в том числе, серию переводов средневековых латинских и китайских источников о событиях того времени [102]. Вторая работа представляет собой обширное исследование по предмету и объекту истории Донбасса, где также представлен целостный очерк по истории развития земель Донбасса в древности и средневековье [103].

Также в качестве одного из направлений современных исследований следует выделить историю археологических исследований, проводившихся на территории Донбасса. На сегодняшний день в научный оборот постепенно вводятся архивные материалы, связанные с отдельными страницами деятельности Донецкого отделения Украинского общества охраны памятников истории и культуры на территории региона [104; 105], а также освещаются некоторые эпизоды исследований фортификационных и поселенческих памятников Нового времени в Приазовье и на Нижнем Дону [106].

Отметим, что имеющиеся наработки по региональной истории и археологии также широко используются в образовательной среде. Открытия и результаты исследований археологов ДонГУ последних лет попали в учебные пособия для школ ДНР [107] и высших учебных заведений новых субъектов Российской Федерации [108].

Таким образом, студентами, аспирантами, преподавателями и научными работниками исторического факультета ДонГУ был продолжен тренд исследований, заложенный ранее в период 2014–2022 гг. Данным коллективом проводятся разработки широкого спектра вопросов в сфере общей и региональной археологии, а также древней и средневековой истории. Общее количество научных публикаций по вышеупомянутым научным направлениям, сделанным на историческом факультете за период 2022–2025 гг. составило 162 наименования, из которых 9 являются авторскими и коллективными монографиями, 57 – статьями в научных периодических изданиях и сборниках статей, а 96 – публикациями в сборниках материалов научных конференций. Также за упомянутый период времени археологами и историками ДонГУ было принято участие в работе 57 научных конференций различного уровня, проводившихся на территории Российской Федерации и стран ближнего зарубежья. Подобная продуктивность относительно небольшого коллектива исследователей (в общей сложности в рамках настоящей публикации были приведены статистические показатели научной деятельности 18 человек) свидетельствует об академической устойчивости университета и способности решать комплексные междисциплинарные задачи в рамках российской исторической науки.

Ad memoriam

Донецк – прифронтовой город. Следы от осколков и кассетных боеприпасов видны на многих зданиях и тротуарах вокруг исторического факультета ДонГУ. К сожалению, боевые действия нанесли глубокие и непоправимые раны сообществу студентов и выпускников кафедры археологии,

историографии, источниковедения и методов исторического исследования, а также других кафедр факультета. Из числа выпускников или студентов кафедры, специализировавшихся на изучении археологии, трое из них отдали свои жизни на фронтах Специальной военной операции: Михаил Фатхиев, Валентин Штельмах и Братислав Живкович. Также в 2022 г. в ходе варварского артиллерийского обстрела в день своего бакалаврского выпуска погиб Денис Видин.

Видин Денис Витальевич (2001–2022), проживал в пос. Пантелеймоновка Горловского г/о ДНР. Выпускник исторического факультета, в 2022 г. защитил дипломную работу по мезолиту Донбасса. Погиб во время артиллерийского обстрела посёлка во дворе родной школы.

Рядовой **Фатхиев Михаил Дамирович** (1997–2023), уроженец г. Азова Ростовской области. В 2023 г. защитил дипломную работу на тему Азакского сарджака. Героически погиб в ходе выполнения боевого задания.

Старший лейтенант **Штельмах Валентин Игоревич** (2000–2024), родом из пгт. Зуевка Харцизского г/о ДНР. Будучи студентом очного отделения, активно занимался археологией, был членом Студенческого археологического общества ДонГУ. В 2023 г. защитил магистерскую диссертацию по искусству позднего палеолита. Проходил службу в 9-й отдельной гвардейской мотострелковой бригаде ВС РФ, занимал должность заместителя командира роты по военно-политической работе. Героически погиб в ходе выполнения боевого задания на территории Донецкой Народной Республики.

Капитан **Живкович Братислав** (1975–2025), уроженец г. Крушевац (Сербия). Ветеран боевых действий в Косове и Метохии, в качестве командира отряда сербских четников принимал участие в обороне Донбасса от украинской агрессии в 2014 г., участник Специальной военной операции с 2022 г., кавалер множества воинских наград, имел несколько боевых ранений. В 2024 г. защитил дипломную работу по неолитическим культурам Балканского полуострова, готовил магистерскую диссертацию по энеолитическим сообществам Балкан. Героически погиб при освобождении Курской области.

Вечная им память!

Статья подготовлена в рамках государственного задания «Эволюция общества на землях Донбасса с древнейших времен до XVII века» (№ FRRE-2026-0023)

Список источников и литературы:

1. Колесник А. В. Археология в Донецком национальном университете в 2014–2022 гг. / А. В. Колесник, Л. Г. Шепко, Н. В. Манько, О. А. Полякова // Очерки истории Донецкой Народной Республики / под ред. Л. Г. Шепко, В. В. Разумного, А. В. Колесника. – Донецк : ФГБОУ ВО «ДонГУ» ; М. : Изд-во «Перо», 2024-а. – С. 112–126.

2. Колесник А. В. Кафедра археологии, историографии, источниковедения и методов исторического исследования / А. В. Колесник, С. Н. Абуков, Ю. Н. Краснонос, В. В. Разумный, А. В. Чеботарева, К. И. Климова, Н. В. Манько // Историческое знание в Донбассе в 2014–2022 годах : коллективная монография / предисл. Д. А. Андреева. – СПб. : Алетей, 2024 б. – С. 86–124.

3. Колесник А. В. Николаево-Отрадное II – новый памятник раннего и среднего палеолита в Северо-Восточном Приазовье / А. В. Колесник, Ю. Н. Зоров, А. Ю. Данильченко, В. В. Титов, Е. А. Константинов, П. Д. Фролов, Н. В. Сычев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2023. – Т. 51, № 3. – С. 25–31. – DOI: 10.17746/1563-0102.2023.51.3.025-031.

4. Колесник А. В. Костяные изделия со стоянки среднего палеолита Рожок I (культурный горизонт VI) в Северо-Восточном Приазовье / А. В. Колесник, Е. Ю. Гиря, А. Ю. Данильченко, В. В. Титов, О. Г. Олих, А. К. Очередной // *Stratum plus*. – 2023. – № 1. – С. 101–125.

5. Колесник А. В. К определению полноты технологических контекстов в каменной индустрии культурного слоя 3 позднепалеолитической стоянки Стрелка-1 в г. Красноярске (на примере скребел) / А. В. Колесник, Е. Ю. Гиря, А. В. Барков, Е. В. Артемьев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2025. – Т. 24, № 5. – С. 38–51.

6. Колесник А. В. Белокузьминовская группа памятников в контексте современной проблематики палеолита Восточной Европы / А. В. Колесник // Записки Института истории материальной культуры РАН. – 2023. – № 29. – С. 17–25. – DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-17-25.

7. Колесник А. В. Изделия типа truncated-faceted Белокузьминовской группы памятников среднего палеолита Восточноевропейской равнины: взгляд из Центральной Азии / А. В. Колесник, А. Ю. Данильченко // Жакен Таймагамбетов и проблемы палеолита Евразии: сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию академика НАН РК, доктора исторических наук, профессора Таймагамбетова Ж. К. (г. Астана, 14 декабря 2023 г.). – Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2023. – С. 24–37.

8. Колесник А. В. Двусторонне обработанные изделия D-образной формы из памятников среднего палеолита Донбасса и Северо-Восточного Приазовья / А. В. Колесник // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. – 2024. – № 1. – С. 5–23.

9. Колесник А. В. К определению функциональной варибельности памятников среднего палеолита Донбасса / А. В. Колесник // Археологический альманах. – Донецк, 1996. – № 5. – С. 49–70.

10. Колесник А. В. «Восточный Микок» – миф или реальность? / А. В. Колесник // Археологический альманах. – 1999. – № 8. – С. 37–50.

11. Колесник А. В. Памятники «Восточномикокского типа» Донбасса и Северо-Восточного Приазовья / А. В. Колесник // Записки Института истории материальной культуры РАН. – 2018. – № 17. – С. 141–150.

12. Очередной А. К. Среднепалеолитический памятник Сухая Мечётка: возобновление комплексных исследований / А. К. Очередной, С. О. Ремизов,

К. Н. Степанова, М. В. Ельцов, Е. В. Воскресенская, Л. Б. Вишняцкий, П. Е. Нехорошев, Е. К. Блохин, В. В. Титов, А. В. Колесник // Нижневолжский археологический вестник. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 230–253.

13. Цвейбель Д. С. Техника первичного расщепления мустьерской стоянки Белокузьминовка в Донбассе / Д. С. Цвейбель, А. В. Колесник // Советская археология. – 1987. – № 1. – С. 5–20.

14. Колесник А. В. Технология первичного расщепления камня на стоянке Сухая Мечётка / А. В. Колесник, А. К. Очередной, К. Н. Степанова, А. Ю. Данильченко // Camera Praehistorica. – 2020. – № 2 (5). – С. 67–99.

15. Колесник А. В. Позднепалеолитическая стоянка Стрелка-1 в Красноярске : коллективная монография / А. В. Колесник, А. В. Барков, М. Ю. Опекунова, В. А. Голубцов, А. В. Вишневский, А. М. Клементьев, Е. В. Артемьев, И. И. Разгильдеева, Е. Ю. Гиря, Г. А. Хлопачев, Д. А. Гурулёв; под ред. А. В. Колесника. – Красноярск : ООО Издательство «Офсет», 2025. – 384 с.

16. Zieba A. Raw Material Exploitation and Intra-site Spatial Distribution at Two Late Middle and Early Upper Paleolithic Sites in the Krakow Region: Piekary Pa and Ksiecica Jozefa / A. Zieba, V. Sitlivy, K. Sobczyk, A. V. Kolesnik // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2008. – Т. 33. – Р. 46–57.

17. Гиря Е. Ю. Уникальное изделие из бивнёвого отщепа со стоянки верхнего палеолита Стрелка-1 (Красноярск) / Е. Ю. Гиря, А. В. Барков, Г. А. Хлопачев, А. В. Колесник // Stratum plus. – 2025. – № 1. – С. 315–331.

18. Колесник А. В. Продукты контрударного расщепления камня в культурном слое 3 позднепалеолитической стоянки Стрелка-1 в Красноярске / А. В. Колесник, Е. Ю. Гиря, А. В. Барков, Е. В. Артемьев, Е. В. Мурза // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2025. – № 1 (92). – С. 6–35. – DOI: 10.5281/zenodo.15769431.

19. Чуб А. А. Костяные ретушеры среднего палеолита: историографический обзор / А. А. Чуб // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра (Донецк, 5–7 ноября 2025 г.). – Т. 7 : Исторические и политические науки / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк : Изд-во ДонГУ, 2025. – С. 321–324.

20. Чуб А. А. О природе «долотовидных костяных изделий» среднего палеолита / А. А. Чуб // Верхнедонской археологический сборник : материалы VI Международной археологической конференции «Археология в исследованиях молодых» (10-12 октября 2022 г.) / отв. ред. А. Н. Бессуднов [и др.]. – Липецк : ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. – Вып. 13. – С. 8–11.

21. Чуб А. А. Изделия с долотовидным износом поселения бронзового века «Каменогорье I» в низовьях Северского Донца / А. А. Чуб // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IX Международной научной конференции (Донецк, 15-17 октября

2024 г.). – Т. 7 : Исторические и политические науки / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2024. – С. 331–333.

22. Чуб А. А. Костяные изделия палеолита с долотовидным износом / А. А. Чуб // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда : в 3 т. – Т. I. – Красноярск, 6-10 октября 2025 г. / отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. В. Поляков, П. В. Мандрыка. – Красноярск: СФУ, 2025. – С. 270–272.

23. Колесник А. В. Распределение культурных остатков по горизонтам стоянки Рожок I: реконструкция охотничьей стратегии и поселенческих структур / А. В. Колесник, В. В. Титов, А. Ю. Данильченко, О. Г. Олих, М. Т. Левченко, А. А. Чуб // Camera Praehistorica. – 2025. – № 1 (14). – С. 42–69.

24. Левченко М. Т. Микокско-прондникская проблематика в работах западноевропейских археологов в 1960-1980 гг. / М. Т. Левченко // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IX Международной научной конференции (Донецк, 15-17 октября 2024 г.). – Т. 7 : Исторические и политические науки / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2024. – С. 304–306.

25. Левченко М. Т. Концепция «восточного микока» в трудах В. Н. Гладилина / М. Т. Левченко // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда : в 3 т. – Т. I. – Красноярск, 6-10 октября 2025 г. / отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. В. Поляков, П. В. Мандрыка. – Красноярск : СФУ, 2025. – С. 182–184.

26. Левченко М. Т. Взгляды В. Н. Гладилина на культурное членение среднего палеолита / М. Т. Левченко // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра (Донецк, 5–7 ноября 2025 г.). – Т. 7 : Исторические и политические науки / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк : Изд-во ДонГУ, 2025. – С. 298–301.

27. Колесник А. В. Проблема локальных отличий в среднем палеолите Восточной Европы / А. В. Колесник, А. Ю. Данильченко, М. Т. Левченко // Вестник ДонНУ. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2025. – № 3. – С. 32–42. – DOI: 10.5281/zenodo.17867238.

28. Колесник А. В. Первые горняки Донбасса / А. В. Колесник // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2019. – Т. 64, вып. 2. – С. 599–620. – DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.211.

29. Манько Н. В. Структура Донецкого центра кремнедобычи и кремнеобработки в нео-энеолитическую эпоху / Н. В. Манько // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IX Международной научной конференции (Донецк, 15-17 октября 2024 г.). – Т. 7 : Исторические и политические науки / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2024. – С. 309–312.

30. Колесник А. В. Краснянский горно-кремнеобрабатывающий комплекс неолита-энеолита в Северо-Западном Донбассе / А. В. Колесник,

С. М. Дегерменджи, Н. В. Манько. – Донецк ; Москва : Изд-во «Перо», 2023. – 197 с.

31. Колесник А. В. Белогорский кремнеобрабатывающий комплекс каменного века в Северо-Западном Донбассе (предварительная информация) / А. В. Колесник, С. М. Дегерменджи, Н. В. Манько // Каменный век Волго-Камья и сопредельных территорий : материалы Всероссийской археологической научной конференции с международным участием, приуроченной к 70-летию юбилею А. А. Выборнова. – Самара: СГСПУ, ИИМК РАН, 2024. – С. 79–84.

32. Манько Н. В. Краматорский горно-кремнеобрабатывающий центр неолитического времени в Северо-Западном Донбассе / Н. В. Манько // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда : в 3 т. – Т. I. – Красноярск, 6-10 октября 2025 г. / отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. В. Поляков, П. В. Мандрыка. – Красноярск : СФУ, 2025. – С. 354–356.

33. Манько Н. В. Неолитический слой археологического комплекса Марьева Гора у с. Кульбаково Ростовской области: материалы к Своду памятников / Н. В. Манько, А. Ю. Данильченко // Cultural Heritage and Modern Technologies. – 2024. – № 2. – С. 233–247.

34. Дегерменджи С. М. Урочище «Пережат» – уникальный археологический и тафономический нео-энеолитический объект в среднем течении Северского Донца / С. М. Дегерменджи, Н. В. Манько // Мир первобытного человека: современные исследования и проблемы сохранения памятников первобытной эпохи : Всероссийская научная конференция (Севастополь, 23-27 сентября 2024 г.) : материалы / под ред. А. В. Зайкова. – Севастополь : ГИА МЗ «Херсонес Таврический», 2024. – С. 18–23.

35. Манько Н. В. Новые энеолитические кремнеобрабатывающие мастерские с крупнопластинчатым компонентом в Северо-Западном Донбассе / Н. В. Манько // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2025. – Т. 47, № 2. – С. 8–17.

36. Манько Н. В. К вопросу об усложнённом собирательстве в неолите Донбасса и Северо-Восточного Приазовья / Н. В. Манько // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27-28 октября 2022 г.). – Т. 7 : Исторические и политические науки / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. – С. 270–272.

37. Манько Н. В. Особенности доместики собаки на территории Донбасса и Северо-Восточного Приазовья в неолитическую эпоху / Н. В. Манько // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы X Международной научной конференции, посвящённой 60-летию создания Донецкого научного центра (Донецк, 5-7 ноября 2025 г.). – Т. 7 : Исторические и политические науки / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2025. – С. 304–306.

38. Манько Н. В. Горный хрусталь в нео-энеолитических погребениях Днепро-Донского междуречья как отражение феномена индивидуальности /

Н. В. Манько // Новые материалы и методы археологического исследования: история VS источниковедение : материалы VII конференции молодых ученых / отв. ред. В. Е. Родинкова. – М. : ИА РАН, 2023. – С. 31–32.

39. Манько Н. В. Вторичные погребения как отражение обрядово-ритуальной деятельности в могильниках мариупольского типа / Н. В. Манько // Искусство и погребальный обряд позднего каменного века : материалы симпозиума (Самара 24-26 апреля 2023 г.). – Самара; СПб.: ИИМК РАН, 2023. – С. 48–50.

40. Манько Н. В. Население Донбасса и Северо-Восточного Приазовья в неолитическую эпоху по данным антропологии: состояние проблемы / Н. В. Манько // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2022. – № 2 (81). – С. 6–13.

41. Рязанов С. В. Новый памятник раннего железного века на Нижнем Дону / С. В. Рязанов, Л. Г. Шепко, А. Г. Щипанова, А. А. Козорезов, Е. И. Ревина // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2022. – № 3 (82). – С. 3–19.

42. Шепко Л. Г. Средства этно-социальной презентации у сарматов / Л. Г. Шепко // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). – Т. 7 : Исторические и политические науки / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2022. – С. 63–66.

43. Шепко Л. Г. Античный импорт в сарматских погребениях Северного Причерноморья: информационные возможности / Л. Г. Шепко // Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии: материалы международной научной конференции. 21–24 ноября 2023. – СПб. : Изд-во «Чистый лист», 2023. – С. 175–180.

44. Шепко Л. Г. Боспорский импорт в сарматских памятниках Северо-Восточного Приазовья / Л. Г. Шепко // Боспорский феномен. Экспорт/импорт в хозяйственной и культурной жизни Боспорского царства: материалы международной научной конференции. – СПб. ; М. : Индрик, 2025. – С. 300–308.

45. Шепко Л. Г. Тема противоборства на предметах скифской торевтики / Л. Г. Шепко // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы VIII Международной научной конференции (Донецк, 25–27 октября 2023 г.). – Т. 7 : Исторические и политические науки. – Ч. 2 / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023. – С. 69–71.

46. Шепко Л. Г. Некоторые проблемы древней истории Северо-Восточного Приазовья: сарматский период / Л. Г. Шепко // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IX Международной научной конференции (Донецк, 15–17 октября 2024 г.). – Т. 7 : Исторические и политические науки / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2024. – С. 66–69.

47. Шепко Л. Г. Памятники скифо-сарматского круга Северо-Восточного Приазовья в свете проблемы этнокультурного взаимодействия / Л. Г. Шепко // XXVI Боспорские чтения. Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья: Археология. История. Искусство. Греки-варвары: контакты и конфликты / ред.-сост. Е. А. Савостина, Е. В. Фокеева. – М. : Индрик, 2025. – С. 296–300.

48. Шепко Л. Г. Формирование источниковой базы исследований раннего железного века в Северо-Восточном Приазовье / Л. Г. Шепко // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века : материалы XIV Всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 12–17 мая 2025 г.) / отв. ред. А. Н. Коваленко. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2025. – С. 307–312.

49. Шепко Л. Г. Археологические разведки в Донецкой Народной Республике и Запорожской области в 2024 г. / Л. Г. Шепко, С. Л. Соловьев, В. В. Вахонеев, А. Ю. Касимов // Бюллетень Института истории материальной культуры Российской академии наук: (охранная археология) / науч. ред. Н. Ф. Соловьева, С. Л. Соловьев. – 2024. – № 16. – С. 125–135.

50. Гриб В. К. Поселения хазарского времени в Северо-Восточном Приазовье и Центральном Донбассе (Бердянское, Безыменное, Веровка) : монография / В. К. Гриб. – Ростов-на-Дону : ООО «Донской издательский Дом», 2022. – 264 с.

51. Гриб В. К. Памятники хазарского времени Северо-Восточного Приазовья. Свод археологических источников. Часть I / В. К. Гриб, П. А. Ларенок, М. П. Завершинская. – Донецк ; Ростов-на-Дону : Донской издательский Дом, 2024. – 506 с.

52. Гриб В. К. Доброе поле – памятник раннесредневекового времени в северо-восточной части Донецкого Кряжа / В. К. Гриб // Донецкий археологический сборник. – 2015. – № 19. – С. 152–166.

53. Гриб В. К. Жилища и хозяйственные постройки населения Северного Приазовья в эпоху раннего средневековья / В. К. Гриб, М. Л. Швецов // Археологические записки. – Ростов-на-Дону : Изд-во ООО «Альтаир», 2017. – Вып. 9. – С. 292–313.

54. Гриб В. К. О раннесредневековом юртообразном жилище на поселении Безыменное I в Северном Приазовье / В. К. Гриб // Проблемы археологии и музееведения: сборник статей, посвященный памяти Н. В. Хабаровой (1955–2017) / редкол.: А. С. Скрипкин (гл. ред.) [и др.]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2018. – С. 217–221.

55. Колесник А. В. Основы хронологии и периодизации истории земель Донбасса в средние века. Часть 1 / А. В. Колесник, В. К. Гриб, В. А. Санжаров // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. – 2022. – Т. 4, № 2 (14). – С. 132–140.

56. Колесник А. В. Основы хронологии и периодизации истории земель Донбасса в средние века. Часть 2 / А. В. Колесник, В. К. Гриб, В. А. Санжаров //

Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. – 2022. – Т. 4, № 3 (15). – С. 124–133.

57. Гриб В. К. Ритмы культурогенеза, расселения и землепользования на землях Донбасса в раннем средневековье / В. К. Гриб, А. В. Колесник // Вестник ДонНУ. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2020. – № 1. – С. 5–16.

58. Гриб В. К. Экофильность народов Хазарии: на примере памятников Северо-Восточного Приазовья / В. К. Гриб // Охрана, восстановление и изучение степных экосистем в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня основания заповедника «Хомутовская степь». – Донецк : Изд-во «Ноулидж», Донецкое отделение, 2016. – С. 196–202.

59. Гриб В. К. Экологический аспект в культуре народов Хазарии (на примере памятников Северо-Восточного Приазовья) / В. К. Гриб // Материалы Всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием «Палеопочвы. Палеоэкология. Палеоэкономика». – Пущино: Товарищество научных изданий КМК, 2017. – С. 44–48.

60. Гриб В. К. О некоторых «степных привычках» жителей раннесредневекового поселения «Бердянское-2» (Северо-Восточное Приазовье) / В. К. Гриб, М. Л. Швецов // Охрана, восстановление и изучение степных экосистем в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня основания заповедника «Хомутовская степь». – Донецк : Изд-во «Ноулидж», Донецкое отделение, 2016. – С. 203–204.

61. Гриб В. К. Бронзовая фигурка «уродца» с левобережья Днепра / В. К. Гриб // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда : в 3 т. – Т. II. – Красноярск, 6-10 октября 2025 г. / отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. В. Поляков, П. В. Мандрыка. – Красноярск : СФУ, 2025. – С. 211–213.

62. Давыденко В. В. Многоликие бронзовые фигурки уродцев Восточной Европы: Типология и семантика / В. В. Давыденко, В. К. Гриб // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: ДонНУ, 2009. – Т. 7. Хазарское время. – С. 187–206.

63. Гриб В. К. Новые находки антропоморфных бронзовых фигурок уродцев / В. К. Гриб, В. В. Давыденко // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: ДонНУ, 2012. – Т. 9. Хазарское время. – С. 361–372.

64. Гриб В. К. Поясной набор с охранительной символикой из погребения 40 могильника Зливки / В. К. Гриб // „Hadak Útján”. A népvándorlások fiatal Kutatóinak XXIX konferenciája. Budapest, 2019, november 15-16 / főszerkesztő Türk Attila. – Budapest, 2022. – S. 85–103.

65. Гриб В. К. Серебряный пояс из погребения 40 могильника Зливки / В. К. Гриб, М. Л. Швецов // Археология как жизнь. Памяти Евгения Павловича Мыськова: сборник статей / редкол.: Е. В. Круглов, А. С. Лапшин, И. Ю. Лапшина. – Волгоград: Сфера, 2019. – С. 158–173.

66. Гриб В. К. Щит как элемент защитного снаряжения у населения салтово-маяцкой культуры / В. К. Гриб // Вестник ДонНУ. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2019. – № 3. – С. 34–38.

67. Гриб В. К. Находка костяного изделия с руноподобными знаками в верховьях реки Ольховая (Донецкий Кряж) / В. К. Гриб, В. В. Тишин, А. Н. Усачук // Археологическое наследие. – Воронеж: Научная книга, 2021. – № 1 (4). – С. 375–385.

68. Давыденко В. В. Государев Яр – новый памятник X-XI вв. в среднем течении Северского Донца (предварительная публикация) / В. В. Давыденко, В. К. Гриб // Археологический альманах. – 2011. – № 25. – С. 250–269.

69. Гриб В. К. Грунтовой могильник Ждановский – памятник раннесредневекового времени в Северном Приазовье / В. К. Гриб, М. Л. Швецов // Степи Восточной Европы в средние века : сборник памяти Светланы Александровны Плетневой. – М. : Авторская книга, 2016-б. – С. 150–170.

70. Гриб В. К. Подкурғанное погребение хазарского времени из Северо-Восточного Приазовья / В. К. Гриб // Археологические записки. – Ростов-на-Дону : Изд-во ООО «Альтаир», 2017-б. – Вып. 9. – С. 314–327.

71. Квитницкий М. В. Средневековый шлем из Грузского / М. В. Квитницкий, В. К. Гриб // Stratum Plus. – 2023. – № 5. – С. 403–417.

72. Гриб В. К. Нагрудное украшение из половецкого погребения у с. Каменка Донецкой области (Северо-Восточное Приазовье) / В. К. Гриб // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы VIII Международной научной конференции (Донецк, 25–27 октября 2023 г.). – Т. 7 : Исторические и политические науки. – Ч. 2 / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023. – С. 26–29.

73. Гриб В. К. О новом типе нагрудного украшения в костюме половецких женщин домонгольского времени / В. К. Гриб, О. А. Полякова // Битва на Калке 1223 года в контексте исторической эпохи : коллективная монография / под ред. А. В. Колесника и В. В. Разумного. – Донецк ; Москва : Изд-во «Перо», 2023. – С. 71–92.

74. Потемкина Т. М. Еще раз об изваянии так называемой половецкой амазонки / Т. М. Потемкина // Cultural Heritage and Modern Technologies. – 2024 а. – № 2. – С. 173–183. – DOI: 10.24412/2837-0759-2024-2173183.

75. Потемкина Т. М. Половецкая «амазонка» из Николаева: развенчание мифа / Т. М. Потемкина // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2024-б. – № 2 (89). – С. 6–13.

76. Потемкина Т. М. Институт «амазонства» у половцев: миф и реальность / Т. М. Потемкина // Літопис Донбасу. – Донецьк, 2010. – № 18. – С. 51–57.

77. Потемкина Т. М. Женское половецкое изваяние со стреловидными подвесками из Эрмитажа / Т. М. Потемкина // Cultural Heritage and Modern Technologies. – 2024. – № 2. – С. 132–153. – DOI: 10.24412/2837-0759-2024-2132153.

78. Потемкина Т. М. Половецкие изваяния с наступательным оружием / Т. М. Потемкина // Cultural Heritage and Modern Technologies. – 2025. – № 3. – С. 34–95. – DOI: 10.24412/2837-0759-2025-3034095.

79. Потемкина Т. М. Стержни с подвижными кольцами на половецких изваяниях: новая интерпретация / Т. М. Потемкина // Археология евразийских степей. – 2025. – № 5. – С. 51–61. – DOI: 10.24852/2587-6112.2025.5.51.61.

80. Потемкина Т. М. Поясная одежда на половецких изваяниях / Т. М. Потемкина // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра (Донецк, 5-7 ноября 2025 г.). – Т. 7 : Исторические и политические науки / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2025. – С. 310–312.

81. Потемкина Т. М. Проблемы типологии и эволюции половецких изваяний / Т. М. Потемкина // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда : в 3 т. – Т. II. – Красноярск, 6-10 октября 2025 г. / отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. В. Поляков, П. В. Мандрыка. – Красноярск : СФУ, 2025-г. – С. 236–238.

82. Исаев В. А. Изделия из биоминеральных, минеральных образований и горных пород в погребениях средневековых кочевников Восточной Европы / В. А. Исаев, И. В. Исаева, О. А. Полякова // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: ДонНУ, 2012. – Т. 10. Половецкое время. – С. 261–280.

83. Полякова О. А. Лазуритовые подвески из погребений кочевников Юго-Восточной Европы XI-XIII вв. / О. А. Полякова // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: ДонНУ, 2012. – Т. 10. Половецкое время. – С. 281–298.

84. Полякова О. А. Изображение украшений на половецких каменных изваяниях / О. А. Полякова // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда: в 3 т. – Т. II. – Красноярск, 6-10 октября 2025 г. / отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. В. Поляков, П. В. Мандрыка. – Красноярск: СФУ, 2025. – С. 234–235.

85. Гриб В. К. О новом типе нагрудного украшения в костюме половецких женщин домонгольского времени / В. К. Гриб, О. А. Полякова // Битва на Калке 1223 года в контексте исторической эпохи : коллективная монография / под ред. А. В. Колесника и В. В. Разумного. – Донецк; Москва: Изд-во «Перо», 2023. – С. 71–92.

86. Полякова О. А. Украшения из кораллов у восточноевропейских кочевников в XII–XIV вв. / О. А. Полякова // Битва на Калке 1223 года в контексте исторической эпохи : коллективная монография / под ред. А. В. Колесника и В. В. Разумного. – Донецк; Москва: Изд-во «Перо», 2023. – С. 93–106.

87. Полякова О. А. Шумящие подвески на половецких каменных изваяниях / О. А. Полякова // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IX Международной научной конференции (Донецк, 15–17 октября 2024 г.). – Т. 7 : Исторические и политические науки / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2024. – С. 318–321.

88. Карепин К. В. Чугунолитейное производство в Днепро-Донском междуречье во второй половине XIII – XIV веках / К. В. Карепин // Археология в исследованиях молодых : сборник научных статей Четвертой международной

научной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения профессора А. З. Винникова, Белгород, 11–12 ноября 2020 года. – Белгород : Издательский дом «Белгород», 2022-а. – С. 178–180.

89. Карепин К. В. Теоретический аспект применения каменноугольного сырья в чугуноплавильном производстве золотоордынского времени на территории Донбасса / К. В. Карепин // Геоархеология и археологическая минералогия. – 2023. – Т. 10. – С. 191–196.

90. Карепин К. В. Импорты в керамическом комплексе памятников XIV века на территории Днепро-Донского междуречья / К. В. Карепин // Верхнедонской археологический сборник : материалы V Международной археологической конференции, Липецк, 22-23 октября 2021 года. – Липецк : ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. – Вып. 12. – С. 101–104.

91. Карепин К. В. Среднее течение Северского Донца в XIV в.: пограничье или контактная зона? / К. В. Карепин // Новые материалы и методы археологического исследования: территории и границы в археологическом измерении: материалы VIII конференции молодых ученых, Москва, 1-4 апреля 2025 года. – М. : ИА РАН, 2025. – С. 157–158.

92. Карепин К. В. Реконструкция этнической истории на землях Донбасса в золотоордынский период / К. В. Карепин // 300-летие Российской академии наук – археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия : материалы LXIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, Новосибирск, 26–29 апреля 2023 года. – Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2023-б. – С. 448–450.

93. Карепин К. В. Возможности локализации центров производства средневековых каменных котлов / К. В. Карепин // Геоархеология и археологическая минералогия. – 2025. – № 12. – С. 90–95.

94. Карепин К. В. Структура поселенческих памятников среднего течения Северского Донца как особой зоны землепользования в золотоордынский период / К. В. Карепин // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда : в 3 т. – Т. II. – Красноярск, 6-10 октября 2025 г. / отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. В. Поляков, П. В. Мандрыка. – Красноярск: СФУ, 2025. – С. 388–390.

95. Абуков С. Н. Киевский князь Всеволод Ярославич: личность, правление и семейные отношения / С. Н. Абуков // Самарский научный вестник. – 2022-а. – Т. 11, № 4. – С. 192–199. – DOI: 10.55355/snv2022114205.

96. Абуков С. Н. К вопросу о происхождении первой жены Всеволода Ярославича / С. Н. Абуков // Вестник ДонНУ. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2024-а. – № 2. – С. 3–12. – DOI: 10.5281/zenodo.14500747.

97. Абуков С. Н. Князь Мстислав Романович киевский: штрихи биографии / С. Н. Абуков // Вестник ДонНУ. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2025. – № 2. – С. 5–13. – DOI: 10.5281/zenodo.16889877.

98. Абуков С. Н. Илья Ярославич – забытый сын Ярослава Мудрого / С. Н. Абуков // Самарский научный вестник. – 2022. – Т. 11, № 1. – С. 220–224.

99. Абуков С. Н. Мстислав Всеволодович Мстиславича: о родоначальнике городенских князей / С. Н. Абуков // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2022. – № 3 (89). – С. 7–14. – DOI: 10.25986/IRI.2022.8.89.002.

100. Абуков С. Н. Семейные конфликты Рюриковичей в свете происхождения князей от разных матерей (кон. X – перв. пол. XIII вв.) / С. Н. Абуков // Вестник ДонНУ. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2025. – № 4. – С. 5–13. – DOI: 10.5281/zenodo.18330687.

101. Абуков С. Н. Аланский брак Мстислава Святославича в известии Ипатьевской летописи / С. Н. Абуков // Cultural Heritage and Modern Technologies. – 2024. – № 2. – С. 300–307.

102. Битва на Калке 1223 года в контексте исторической эпохи: коллективная монография / под ред. А. В. Колесника и В. В. Разумного. – Донецк; Москва: Изд-во «Перо», 2023. – 138 с.

103. Донбасс в историческом и социокультурном контекстах : коллективная монография / под ред. С. В. Беспаловой, А. И. Минаева, А. В. Колесника. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2025. – 319 с.

104. Шепко Л. Г. Формы и условия историко-археологического изучения Северного Приазовья и Подонцовья в 60-80-х гг. XX в. / Л. Г. Шепко // Черноморско-средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: история, политика, культура : материалы Международной научно-практической конференции, Судак, 13-15 мая 2022 года. – Краснодар: КубГУ, 2022. – С. 52–58.

105. Карепин К. В. Деятельность археологической секции Донецкого отделения Украинского общества охраны памятников истории и культуры в 1966-1970 гг. / К. В. Карепин // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2023. – № 2 (85). – С. 37–45.

106. Климова К. И. Археологические исследования крепостей и казачьих поселений Нижнего Дона, Турецкого Азака XVII-XVIII вв.: краткий историографический очерк / К. И. Климова // Cultural Heritage and Modern Technologies. – 2024. – № 2. – С. 275–290.

107. История нашего Края. Донецкая Народная Республика. Учебник для обучающихся 5-7 классов общеобразовательных организаций. Часть 1. 5 класс / авт.-сост. А. В. Колесник, Т. Ю. Людоровская, О. В. Хаталах [и др.]. – Донецк: ГБОУ ДПО «ДОНРИПО», 2024. – 143 с. 107.

108. История Новороссии: учебное пособие для образовательных организаций высшего образования / А. В. Полосин (науч. ред.); А. В. Аверьянов, А. В. Броварь [и др.]. – Ростов-на-Дону; Таганрог: ЮФУ, 2024. – 474 с.

REFERENCES

1. Kolesnik, A.V., Shepko, L.G., Man'ko, N.V. & Polyakova, O.A. (2024-a) [Archaeology at Donetsk National University in 2014–2022]. In: Shepko, L.G., Razumnyy, V.V. & Kolesnik, A.V. (eds.) Essays on the history of the Donetsk People's

Republic. Donetsk, FGBOU VO «DonGU»; Moscow, Pero Publishing House, pp. 112–126. (In Russian).

2. Kolesnik, A.V., Abukov, S.N., Krasnonosov, Yu.N., Razumnyy, V.V., Chebotareva, A.V., Klimova, K.I. & Man'ko, N.V. (2024-b) [Department of Archaeology, Historiography, Source Studies and Methods of Historical Research]. In: Istoricheskoe znanie v Donbasse v 2014–2022 godakh [Historical knowledge in Donbas in 2014-2022]. St. Petersburg, Aleteyya, pp. 86–124. (In Russian).

3. Kolesnik, A.V., Zorov, Yu.N., Danil'chenko, A.Yu., Titov, V.V., Konstantinov, E.A., Frolov, P.D. & Sychev, N.V. (2023) [Nikolaevo-Otradnoye II – a new site of the Early and Middle Paleolithic in the North-Eastern Azov region]. Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 51 (3), 25–31. (In Russian).

4. Kolesnik, A.V., Girya, E.Yu., Danil'chenko, A.Yu., Titov, V.V., Olikh, O.G. & Otcherednoy, A.K. (2023) [Bone products from the Middle Paleolithic site Rozhok I (cultural horizon VI) in the North-Eastern Azov region]. Stratum plus. (1), 101–125. (In Russian).

5. Kolesnik, A.V., Girya, E.Yu., Barkov, A.V. & Artem'ev, E.V. (2025-a) [On determining the completeness of technological contexts in the stone industry of cultural layer 3 of the Late Paleolithic site Strelka-1 in Krasnoyarsk (on the example of scrapers)]. Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History and Philology. 24 (5), 38–51. (In Russian).

6. Kolesnik, A.V. (2023) [Belokuzminovskaya group of sites in the context of modern problems of the Paleolithic of Eastern Europe]. In: Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. (29), 17–25, doi: 10.31600/2310-6557-2023-29-17-25. (In Russian).

7. Kolesnik, A.V. & Danil'chenko, A.Yu. (2023) [Truncated-faceted type products of the Belokuzminovskaya group of Middle Paleolithic sites of the East European Plain: a view from Central Asia]. In: Zhaken Taymagambetov and problems of the Paleolithic of Eurasia. Almaty, IA im. A.Kh. Margulana, pp. 24–37. (In Russian).

8. Kolesnik, A.V. (2024) [Bifacially worked D-shaped products from Middle Paleolithic sites in Donbass and the North-Eastern Azov region]. Primitive Archaeology. Journal of Interdisciplinary Studies. (1), 5–23. (In Russian).

9. Kolesnik, A.V. (1996) [On the determination of functional variability of Middle Paleolithic sites in Donbass]. Archaeological Almanac. (5), 49–70. (In Russian).

10. Kolesnik, A.V. (1999) ["Eastern Micoquian" – myth or reality?]. Archaeological Almanac. (8), 37–50. (In Russian).

11. Kolesnik, A.V. (2018) [Sites of the "Eastern Micoquian type" in Donbas and the North-Eastern Azov region]. Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. (17), 141–150. (In Russian).

12. Otcherednoy, A.K., Remizov, S.O., Stepanova, K.N., El'tsov, M.V., Voskresenskaya, E.V., Vishnyatskiy, L.B., Nekhoroshev, P.E., Blokhin, E.K., Titov, V.V. & Kolesnik, A.V. (2020) [Middle Paleolithic site Sukhaya Mechetka: resumption of comprehensive research]. The Lower Volga Archaeological Bulletin. 19 (1), 230–253. (In Russian).

13. Tsveybel', D.S., Kolesnik, A.V. (1987) [Primary flaking technique of the Mousterian site Belokuzminovka in Donbass]. *Sovetskaya arkheologiya = Soviet Archaeology*. (1), 5–20. (In Russian).

14. Kolesnik, A.V., Otcherednoy, A.K., Stepanova, K.N. & Danil'chenko, A.Yu. (2020) [Stone primary flaking technology at the Sukhaya Mechetka site]. *Camera Praehistorica*. (2)(5), 67–99. (In Russian).

15. Kolesnik, A.V., Barkov, A.V., Opekunova, M.Yu., Golubtsov, V.A., Vishnevskiy, A.V., Klement'ev, A.M., Artem'ev, E.V., Razgil'deeva, I.I., Girya, E.Yu., Khlopachev, G.A. & Gurulev, D.A. (2025) [The Late Paleolithic site Strelka-1 in Krasnoyarsk]. Kolesnik, A.V. (ed.). Krasnoyarsk, Ofset Publishing House. 384 p. (In Russian).

16. Zieba, A., Sitlivy, V., Sobczyk, K. & Kolesnik, A.V. (2008) [Raw Material Exploitation and Intra-site Spatial Distribution at Two Late Middle and Early Upper Paleolithic Sites in the Krakow Region: Piekary IIa and Ksiecia Jozefa]. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 33, 46–57.

17. Girya, E.Yu., Barkov, A.V., Khlopachev, G.A. & Kolesnik, A.V. (2025) [A unique product made of a tusk flake from the Upper Paleolithic site Strelka-1 (Krasnoyarsk)]. *Stratum plus*. (1), 315–331. (In Russian).

18. Kolesnik, A.V., Girya, E.Yu., Barkov, A.V., Artem'ev, E.V. & Murza, E.V. (2025-b) [Products of counter-impact stone knapping in cultural layer 3 of the Late Paleolithic site Strelka-1 in Krasnoyarsk]. *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy = Journal of Historical, Political and International Studies*. (1)(92), 6–35. (In Russian).

19. Chub, A.A. (2025-a) [Bone retouchers of the Middle Paleolithic: a historiographic review]. In: Besspalova, S.V. (ed.) *Donetskie chteniya – 2025 [Donetsk Readings – 2025]*. Donetsk, DonGU Publishing House, Vol. 7, pp. 321–324. (In Russian).

20. Chub, A.A. (2024-a) [On the nature of "chisel-like bone products" of the Middle Paleolithic]. In: Bessudnov, A.N. (ed.) *Verkhnedonskoy arkheologicheskiiy sbornik [Upper Don Archaeological Collection]*. Lipetsk, LGPU imeni P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, Vol. 13, pp. 8–11. (In Russian).

21. Chub, A.A. (2024-b) [Products with chisel-like wear from the Bronze Age settlement "Kamenogorye I" in the lower reaches of the Seversky Donets]. In: Besspalova, S.V. (ed.) *Donetsk Readings 2024*. Donetsk, DonGU Publishing House, Vol. 7, pp. 331–333. (In Russian).

22. Chub, A.A. (2025-b) [Paleolithic bone products with chisel-like wear]. In: Derevyanko, A.P., Makarov, N.A., Polyakov, A.V. & Mandryka, P.V. (eds.) [Proceedings of the VII (XXIII) All-Russian Archaeological Congress. Krasnoyarsk, SFU, Vol. 1, pp. 270–272. (In Russian).

23. Kolesnik, A.V., Titov, V.V., Danil'chenko, A.Yu., Olikh, O.G., Levchenko, M.T. & Chub, A.A. (2025) [Distribution of cultural remains across the horizons of the Rozhok I site: reconstruction of hunting strategy and settlement structures]. *Camera Praehistorica*. (1)(14), 42–69. (In Russian).

24. Levchenko, M.T. (2024) [Micoquian-Prondnik issues in the works of Western European archaeologists in the 1960s-1980s]. In: Bepalova, S.V. (ed.) Donetsk Readings 2024. Donetsk, DonGU Publishing House, Vol. 7, pp. 304–306. (In Russian).
25. Levchenko, M.T. (2025-a) [The concept of the "Eastern Micoquian" in the works of V.N. Gladilin]. In: Derevyanko, A.P., Makarov, N.A., Polyakov, A.V. & Mandryka, P.V. (eds.) Proceedings of the VII (XXIII) All-Russian Archaeological Congress. Krasnoyarsk, SFU, Vol. 1, pp. 182–184. (In Russian).
26. Levchenko, M.T. (2025-b) [V.N. Gladilin's views on the cultural division of the Middle Paleolithic]. In: Bepalova, S.V. (ed.) Donetsk Readings – 2025. Donetsk, DonGU Publishing House, Vol. 7, pp. 298–301. (In Russian).
27. Kolesnik, A.V., Danil'chenko, A.Yu. & Levchenko, M.T. (2025) [The problem of local differences in the Middle Paleolithic of Eastern Europe]. *Vestnik DonNU. Seriya B: Gumanitarnye nauki = Bulletin of DonNU. Series B: Humanities. (3), 32–42. (In Russian).
28. Kolesnik, A.V. (2019) [The first miners of Donbass]. Vestnik of Saint Petersburg University. History. 64 (2), 599–620, doi: 10.21638/11701/spbu02.2019.211. (In Russian).
29. Man'ko, N.V. (2024) [Structure of the Donetsk center of flint mining and processing in the Neo-Eneolithic era]. In: Donetsk Readings 2024. Donetsk, DonGU Publishing House, Vol. 7, pp. 309–312. (In Russian).
30. Kolesnik, A.V., Degermendzhi, S.M. & Man'ko, N.V. (2023) Krasnyanskiy gorno-kremneobrabatyvayushchiy kompleks neolita-eneolita v Severo-Zapadnom Donbasse [Krasnyansk mining and flint-working complex of the Neolithic-Eneolithic in North-Western Donbas]. Donetsk; Moscow, Pero Publishing House. 197 p. (In Russian).
31. Kolesnik, A.V., Degermendzhi, S.M. & Man'ko, N.V. (2024-c) [Belogorsk flint-working complex of the Stone Age in North-Western Donbas (preliminary information)]. In: Stone Age of the Volga-Kama region and adjacent territories. Samara, SGSPU, IIMK RAN, pp. 79–84. (In Russian).
32. Man'ko, N.V. (2025-a) [Kramatorsk mining and flint-working center of the Neo-Eneolithic time in North-Western Donbass]. In: Derevyanko, A.P., Makarov, N.A., Polyakov, A.V. & Mandryka, P.V. (eds.) Proceedings of the VII (XXIII) All-Russian Archaeological Congress. Krasnoyarsk, SFU, Vol. 1, pp. 354–356. (In Russian).
33. Man'ko, N.V., Danil'chenko, A.Yu. (2024) [Neolithic layer of the archaeological complex Maryeva Gora near the village of Kulbakovo, Rostov region: materials for the Corpus of Sites]. Cultural Heritage and Modern Technologies. (2), 233–247. (In Russian).
34. Degermendzhi, S.M. & Man'ko, N.V. (2024) [Perekat tract – a unique archaeological and taphonomic Neo-Eneolithic object in the middle reaches of the Seversky Donets]. In: Zaykov, A.V. (ed.) Mir pervobytnogo cheloveka [The world of primitive man]. Sevastopol, GIA MZ «Khersones Tavricheskiy», pp. 18–23. (In Russian).

35. Man'ko, N.V. (2025-b) [New Eneolithic flint-working workshops with a large-blade component in North-Western Donbas]. Proceedings of Petrozavodsk State University. 47 (2), 8–17. (In Russian)

36. Man'ko, N.V. (2022-a) [On the issue of complex gathering in the Neolithic of Donbas and the North-Eastern Azov region]. In: Bespalova, S.V. (ed.) Donetskie chteniya 2022 [Donetsk Readings 2022]. Donetsk, DonNU Publishing House, Vol. 7, pp. 270–272. (In Russian).

37. Man'ko, N.V. (2025-c) [Features of dog domestication in the territory of Donbas and the North-Eastern Azov region in the Neolithic era]. In: Bespalova, S.V. (ed.) Donetsk Readings – 2025. Donetsk, DonGU Publishing House, Vol. 7, pp. 304–306. (In Russian).

38. Man'ko, N.V. (2023-a) [Rock crystal in Neo-Eneolithic burials of the Dnieper-Don interfluvium as a reflection of the phenomenon of individuality]. In: Rodinkova, V.E. (ed.) New materials and methods of archaeological research. Moscow, IA RAN, pp. 31–32. (In Russian).

39. Man'ko, N.V. (2023-b) [Secondary burials as a reflection of ritual activity in cemeteries of the Mariupol type]. In: Art and funerary rite of the Late Stone Age. Samara; St. Petersburg, IIMK RAN, pp. 48–50. (In Russian).

40. Man'ko, N.V. (2022-b) [Population of Donbass and the North-Eastern Azov region in the Neolithic era according to anthropology: state of the problem]. Journal of Historical, Political and International Studies. (2)(81), 6–13. (In Russian).

41. Ryazanov, S.V., Shepko, L.G., Shchipanova, A.G., Kozorezov, A.A. & Revina, E.I. (2022) [A new site of the Early Iron Age on the Lower Don]. Journal of Historical, Political and International Studies. (3)(82), 3–19. (In Russian).

42. Shepko, L.G. (2022-a) [Means of ethno-social presentation among the Sarmatians]. In: Bespalova, S.V. (ed.) Donetskie chteniya 2022 [Donetsk Readings 2022]. Donetsk, DonNU Publishing House, Vol. 7, pp. 63–66. (In Russian).

43. Shepko, L.G. (2023-a) [Ancient import in Sarmatian burials of the Northern Black Sea region: information possibilities]. In: Bosporean phenomenon: quarta pars saeculi. St. Petersburg, Chistiyy list, pp. 175–180. (In Russian).

44. Shepko, L.G. (2025-a) [Bosporean import in Sarmatian sites of the North-Eastern Azov region]. In: Bosporean phenomenon. Export/import. St. Petersburg; Moscow, Indrik, pp. 300–308. (In Russian).

45. Shepko, L.G. (2023-b) [The theme of confrontation on Scythian toreutics objects]. In: Bespalova, S.V. (ed.) Donetsk Readings 2023. Donetsk, DonGU Publishing House, Vol. 7, part 2, pp. 69–71. (In Russian).

46. Shepko, L.G. (2024-a) [Some problems of the ancient history of the North-Eastern Azov region: the Sarmatian period]. In: Bespalova, S.V. (ed.) Donetsk Readings 2024. Donetsk, DonGU Publishing House, Vol. 7, pp. 66–69. (In Russian).

47. Shepko, L.G. (2025-b) [Sites of the Scythian-Sarmatian circle of the North-Eastern Azov region in the light of the problem of ethnocultural interaction]. In: Savostina, E.A. & Fokeeva, E.V. (eds.) XXVI Bosporean Readings. Moscow, Indrik, pp. 296–300. (In Russian).

48. Shepko, L.G. (2025-c) [Formation of the source base for studies of the Early Iron Age in the North-Eastern Azov region]. In: Kovalenko, A.N. (ed.) International relations in the Black Sea basin. Rostov-on-Don; Taganrog, YuFU Publishing House, pp. 307–312. (In Russian).

49. Shepko, L.G., Solov'ev, S.L., Vakhoneev, V.V. & Kasimov, A.Yu. (2024-b) [Archaeological surveys in the Donetsk People's Republic and Zaporozhye region in 2024]. Bulletin of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences: (Rescue Archaeology). (16), 125–135. (In Russian).

50. Grib, V.K. (2022-a) [Settlements of the Khazar time in the North-Eastern Azov region and Central Donbas (Berdianske, Bezymenne, Verovka)]. Rostov-on-Don, Donskoy izdatel'skiy Dom. 264 p. (In Russian).

51. Grib, V.K., Larenok, P.A. & Zavershinskaya, M.P. (2024) [Sites of the Khazar time of the North-Eastern Azov region]. Donetsk; Rostov-on-Don, Donskoy izdatel'skiy Dom. 506 p. (In Russian).

52. Grib, V.K. (2015) [Dobroe Pole – a site of the early Middle Ages in the northeastern part of the Donetsk Ridge]. Donetsk Archaeological Collection. (19), 152–166. (In Russian).

53. Grib, V.K. & Shvetsov, M.L. (2017) [Dwellings and outbuildings of the population of the Northern Azov region in the early Middle Ages]. Archaeological Notes. Rostov-on-Don, Altair Publishing House, Vol. 9, pp. 292–313. (In Russian).

54. Grib, V.K. (2018) [On an early medieval yurt-shaped dwelling at the settlement Bezymennoe I in the Northern Azov region]. In: Skripkin, A.S. (ed.) Problems of archaeology and museology. Volgograd, VolGU Publishing House, pp. 217–221. (In Russian).

55. Kolesnik, A.V., Grib, V.K. & Sanzharov, V.A. (2022) [Fundamentals of chronology and periodization of the history of Donbass lands in the Middle Ages. Part 1]. Bulletin of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences. 4 (2)(14), 132–140. (In Russian).

56. Kolesnik, A.V., Grib, V.K. & Sanzharov, V.A. (2022) [Fundamentals of chronology and periodization of the history of Donbass lands in the Middle Ages. Part 2]. Bulletin of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences. 4 (3)(15), 124–133. (In Russian).

57. Grib, V.K., Kolesnik, A.V. (2020) [Rhythms of cultural genesis, settlement and land use on the lands of Donbass in the early Middle Ages]. Bulletin of DonNU. Series B. Humanities. (1), 5–16. (In Russian).

58. Grib, V.K. (2016) [Eco-friendliness of the peoples of Khazaria: on the example of sites of the North-Eastern Azov region]. In: Protection, restoration and study of steppe ecosystems in the 21st century. Donetsk, Noulidzh, Donetskoe otdelenie, pp. 196–202. (In Russian).

59. Grib, V.K. (2017-a) [Ecological aspect in the culture of the peoples of Khazaria (on the example of sites of the North-Eastern Azov region)]. In: Materials of the All-Russian interdisciplinary scientific conference with international participation «Paleosols. Paleoecology. Paleoeconomics». Pushchino, KMK, pp. 44–48. (In Russian).

60. Grib, V.K. & Shvetsov, M.L. (2016-a) [On some "steppe habits" of the inhabitants of the early medieval settlement "Berdianske-2" (North-Eastern Azov region)]. In: Protection, restoration and study of steppe ecosystems in the 21st century. Donetsk, Noulidzh, Donetskoe otdelenie, pp. 203–204. (In Russian).
61. Grib, V.K. (2025) [Bronze figurine of a «freak» from the left bank of the Dnieper]. In: Derevyanko, A.P., Makarov, N.A., Polyakov, A.V. & Mandryka, P.V. (eds.) Trudy VII (XXIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda [Proceedings of the VII (XXIII) All-Russian Archaeological Congress]. Krasnoyarsk, SFU, Vol. 2, pp. 211–213. (In Russian).
62. Davydenko, V.V., Grib, V.K. (2009) [Many-faced bronze figurines of freaks in Eastern Europe: Typology and semantics]. Steppes of Europe in the Middle Ages. Donetsk, DonNU, Vol. 7. Khazar time, pp. 187–206. (In Russian).
63. Grib, V.K., Davydenko, V.V. (2012) [New finds of anthropomorphic bronze figurines of freaks]. Steppes of Europe in the Middle Ages. Donetsk, DonNU, Vol. 9. Khazar time, pp. 361–372. (In Russian).
64. Grib, V.K. (2022-b) [Belt set with protective symbolism from burial 40 of the Zlivki cemetery]. In: Turk Attila (ed.) «Hadak Útján». A népvándorlások fiatal Kutatóinak XXIX konferenciája. Budapest, pp. 85–103. (In Russian).
65. Grib, V.K. & Shvetsov, M.L. (2019) [Silver belt from burial 40 of the Zlivki cemetery]. In: Kruglov, E.V., Lapshin, A.S. & Lapshina, I.Yu. (eds.) Arkheologiya kak zhizn' [Archaeology as life]. Volgograd, Sfera, pp. 158–173. (In Russian).
66. Grib, V.K. (2019) [Shield as an element of defensive equipment among the population of the Saltovo-Mayaki culture]. Bulletin of DonNU. Series B: Humanities. (3), 34–38. (In Russian).
67. Grib, V.K., Tishin, V.V. & Usachuk, A.N. (2021) [A find of a bone product with rune-like signs in the upper reaches of the Olkhovaya River (Donetsk Ridge)]. Archaeological Heritage. Voronezh, Nauchnaya kniga, (1)(4), 375–385. (In Russian).
68. Davydenko, V.V. & Grib, V.K. (2011) [Gosudarev Yar – a new site of the 10th-11th centuries in the middle reaches of the Seversky Donets (preliminary publication)]. Archaeological Almanac. (25), 250–269. (In Russian).
69. Grib, V.K., Shvetsov, M.L. (2016-b) [Zhdansky ground cemetery – a site of the early Middle Ages in the Northern Azov region]. In: Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages. Moscow, Avtorskaya kniga, pp. 150–170. (In Russian).
70. Grib, V.K. (2017-b) [Burial under a kurgan of the Khazar time from the North-Eastern Azov region]. Arkheologicheskie zapiski = Archaeological Notes. Rostov-on-Don, Altair Publishing House, Vol. 9, pp. 314–327. (In Russian).
71. Kvitnitskiy, M.V. Grib, V.K. (2023) [A medieval helmet from Gruzskoye]. Stratum Plus. (5), 403–417. (In Russian).
72. Grib, V.K. (2023) [Chest decoration from a Polovtsian burial near the village of Kamenka, Donetsk region (North-Eastern Azov region)]. In: Bepalova, S.V. (ed.) Donetskie chteniya 2023 [Donetsk Readings 2023]. Donetsk, DonGU Publishing House, Vol. 7, part 2, pp. 26–29. (In Russian).
73. Grib, V.K., Polyakova, O.A. (2023) [On a new type of chest decoration in the costume of Polovtsian women of the pre-Mongol period]. In: Kolesnik, A.V.,

Razumnyy, V.V. (eds.) The Battle of the Kalka River in 1223 in the context of the historical era. Donetsk; Moscow, Pero Publishing House, pp. 71–92. (In Russian).

74. Potemkina, T.M. (2024-a) [Once again about the statue of the so-called Polovtsian Amazon]. Cultural Heritage and Modern Technologies. (2), 173–183, doi: 10.24412/2837-0759-2024-2173183. (In Russian).

75. Potemkina, T.M. (2024-b) [The Polovtsian «Amazon» from Nikolaev: debunking the myth]. Journal of Historical, Political and International Studies. (2)(89), 6–13. (In Russian).

76. Potemkina, T.M. (2010) [The institution of «Amazonism» among the Polovtsians: myth and reality]. Chronicle of Donbas. Donetsk, (18), 51–57. (In Russian).

77. Potemkina, T.M. (2024-c) [Female Polovtsian statue with arrow-shaped pendants from the Hermitage]. Cultural Heritage and Modern Technologies. (2), 132–153, doi: 10.24412/2837-0759-2024-2132153. (In Russian).

78. Potemkina, T.M. (2025-a) [Polovtsian statues with offensive weapons]. Cultural Heritage and Modern Technologies. (3), 34–95, doi: 10.24412/2837-0759-2025-3034095. (In Russian).

79. Potemkina, T.M. (2025-b) [Rods with movable rings on Polovtsian statues: a new interpretation]. Archaeology of the Eurasian Steppes. (5), 51–61, doi: 10.24852/2587-6112.2025.5.51.61. (In Russian).

80. Potemkina, T.M. (2025-c) [Belt clothing on Polovtsian statues]. In: Bespalova, S.V. (ed.) Donetsk Readings – 2025. Donetsk, DonGU Publishing House, Vol. 7, pp. 310–312. (In Russian).

81. Potemkina, T.M. (2025-d) [Problems of typology and evolution of Polovtsian statues]. In: Derevyanko, A.P., Makarov, N.A., Polyakov, A.V. & Mandryka, P.V. (eds.) Proceedings of the VII (XXIII) All-Russian Archaeological Congress. Krasnoyarsk, SFU, Vol. 2, pp. 236–238. (In Russian).

82. Isaev, V.A., Isaeva, I.V. & Polyakova, O.A. (2012) [Products made of biomineral, mineral formations and rocks in burials of medieval nomads of Eastern Europe]. = Steppes of Europe in the Middle Ages. Donetsk, DonNU, Vol. 10. Polovtsian time, pp. 261–280. (In Russian).

83. Polyakova, O.A. (2012) [Lazurite pendants from burials of nomads of South-Eastern Europe of the 11th-13th centuries]. Steppes of Europe in the Middle Ages. Donetsk, DonNU, Vol. 10. Polovtsian time, pp. 281–298. (In Russian).

84. Polyakova, O.A. (2025) [Depiction of jewelry on Polovtsian stone statues]. In: Derevyanko, A.P., Makarov, N.A., Polyakov, A.V. & Mandryka, P.V. (eds.) Proceedings of the VII (XXIII) All-Russian Archaeological Congress. Krasnoyarsk, SFU, Vol. 2, pp. 234–235. (In Russian).

85. Grib, V.K. & Polyakova, O.A. (2023) [On a new type of chest decoration in the costume of Polovtsian women of the pre-Mongol period]. In: Kolesnik, A.V., Razumnyy, V.V. (eds.) The Battle of the Kalka River in 1223 in the context of the historical era. Donetsk; Moscow, Pero Publishing House, pp. 71–92. (In Russian).

86. Polyakova, O.A. (2023) [Coral jewelry among Eastern European nomads in the 12th-14th centuries]. In: Kolesnik, A.V., Razumnyy, V.V. (eds.) The Battle of the

Kalka River in 1223 in the context of the historical era. Donetsk; Moscow, Pero Publishing House, pp. 93–106. (In Russian).

87. Polyakova, O.A. (2024) [Jingling pendants on Polovtsian stone statues]. In: Bespalova, S.V. (ed.) Donetsk Readings 2024. Donetsk, DonGU Publishing House, Vol. 7, pp. 318–321. (In Russian).

88. Karepin, K.V. (2022-a) [Cast iron production in the Dnieper-Don interfluve in the second half of the 13th-14th centuries]. In: Arkheologiya v issledovaniyakh molodykh [Archaeology in research of young scientists]. Belgorod, Belgorod Publishing House, pp. 178–180. (In Russian).

89. Karepin, K.V. (2023-a) [Theoretical aspect of the use of coal raw materials in cast iron production of the Golden Horde time on the territory of Donbass]. Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. 10, 191–196. (In Russian).

90. Karepin, K.V. (2022-b) [Imports in the ceramic complex of 14th century sites on the territory of the Dnieper-Don interfluve]. In: Upper Don Archaeological Collection. Lipetsk, LGPU im. P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, Vol. 12, pp. 101–104. (In Russian).

91. Karepin, K.V. (2025-a) [The middle reaches of the Seversky Donets in the 14th century: borderland or contact zone?]. In: New materials and methods of archaeological research. Moscow, IA RAN, pp. 157–158. (In Russian).

92. Karepin, K.V. (2023-b) [Reconstruction of ethnic history on the lands of Donbas in the Golden Horde period]. In: 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences - archaeology and ethnography of Siberia. Novosibirsk, IAET SO RAN, pp. 448–450. (In Russian).

93. Karepin, K.V. (2025-b) [Possibilities of localization of production centers of medieval stone cauldrons]. Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya = Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. (12), 90–95. (In Russian).

94. Karepin, K.V. (2025-c) [Structure of settlement sites in the middle reaches of the Seversky Donets as a special zone of land use in the Golden Horde period]. In: Derevyanko, A.P., Makarov, N.A., Polyakov, A.V. & Mandryka, P.V. (eds.) Proceedings of the VII (XXIII) All-Russian Archaeological Congress. Krasnoyarsk, SFU, Vol. 2, pp. 388–390. (In Russian).

95. Abukov, S.N. (2022-a) [Kyiv Prince Vsevolod Yaroslavich: personality, reign and family relations]. Samara Scientific Bulletin. 11 (4), 192–199, doi: 10.55355/snv2022114205. (In Russian).

96. Abukov, S.N. (2024-a) [On the origin of the first wife of Vsevolod Yaroslavich]. Bulletin of DonNU. Series B. Humanitie. (2), 3–12. (In Russian).

97. Abukov, S.N. (2025-a) [Prince Mstislav Romanovich of Kyiv: biographical sketches]. Bulletin of DonNU. Series B. Humanities. (2), 5–13, doi: 10.5281/zenodo.16889877. (In Russian).

98. Abukov, S.N. (2022-b) [Ilya Yaroslavich – the forgotten son of Yaroslav the Wise]. Samara Scientific Bulletin. 11 (1), 220–224. (In Russian).

99. Abukov, S.N. (2022-c) [Mstislav Vsevolodkovich Mstislavich: on the founder of the Goroden princes]. Old Rus. Questions of Medieval Studies. (3)(89), 7–14, doi: 10.25986/IRI.2022.8.89.002. (In Russian).

100. Abukov, S.N. (2025-b) [Family conflicts of the Rurikids in light of the origin of princes from different mothers (late 10th first half of the 13th centuries)]. Bulletin of DonNU. Series B. Humanities. (4), 5–13. (In Russian).

101. Abukov, S.N. (2024-b) [The Alan marriage of Mstislav Svyatoslavich in the report of the Hypatian Chronicle]. Cultural Heritage and Modern Technologies. (2), 300–307. (In Russian).

102. Kolesnik, A.V. & Razumnyy, V.V. (eds.) (2023) The Battle of the Kalka River in 1223 in the context of the historical era. Donetsk; Moscow, Pero Publishing House. 138 p. (In Russian).

103. Bespalova, S.V., Minaev, A.I. & Kolesnik, A.V. (eds.) (2025) [Donbas in historical and socio-cultural contexts]. Donetsk, DonGU Publishing House. 319 p. (In Russian).

104. Shepko, L.G. (2022-b) [Forms and conditions of historical and archaeological study of the Northern Azov region and the Donetsk region in the 60s-80s of the 20th century]. In: The Black Sea-Mediterranean region in the context of Russia's national interests. Krasnodar, KubGU, pp. 52–58. (In Russian).

105. Karepin, K.V. (2023) [Activities of the archaeological section of the Donetsk branch of the Ukrainian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments in 1966-1970]. Journal of Historical, Political and International Studies. (2)(85), 37–45. (In Russian).

106. Klimova, K.I. (2024) [Archaeological research of fortresses and Cossack settlements of the Lower Don, Turkish Azak in the 17th-18th centuries: a brief historiographic essay]. Cultural Heritage and Modern Technologies. (2), 275–290. (In Russian).

107. Kolesnik, A.V., Lyudorovskaya, T.Yu., Khatalakh, O.V. et al. (2024) [History of our Land. Donetsk People's Republic]. Part 1. 5th grade. Donetsk, GBOU DPO «DONRIRO». 143 p. (In Russian).

108. Polosin, A.V. (ed.) (2024) [History of Novorossia]. Rostov-on-Don; Taganrog, YuFU. 474 p. (In Russian).

Данные авторов статьи

Левченко Максим Тихонович	Levchenko Maxim Tikhonovich
Чуб Андрей Андреевич	Chub Andrey Andreevich

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94+930.2(=352.3)

DOI: 10.5281/zenodo.20693169

EDN: YZOFTQ

А.В. Кушхабиев

доктор исторических наук, начальник научно-инновационного центра «Экспертные системы источниковедения и историографии» Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук

E-mail: anzor-vk@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАБАРДЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (ПО ДОКУМЕНТАЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Аннотация

В статье на основе анализа документальных источников исследуются социально-политические процессы в Кабарде в первой половине XIX в.: политические ориентации феодальных группировок; крестьянские волнения; характер отношений политической элиты Кабарды с царскими властями; проблемы переселения кабардинцев за Кубань; поход имама Шамиля в Кабарду в 1846 г. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке обобщающих научных трудов по истории Северо-Кавказского региона.

***Ключевые слова:** Российская империя, Северный Кавказ, Кабарда, социально-политические процессы, документальные источники.*

Summary

This article examines socio-political processes in Kabarda in the first half of the 19th century based on the analysis of documentary sources: political orientations of feudal groups; peasant unrest; the nature of relations between the Kabardian political elite and the tsarist authorities; the problems of Kabardian emigration beyond the Kuban; Imam Shamil's campaign to Kabarda in 1846. The results of the study can be used in the preparation of general scientific works on the history of the North Caucasus region.

***Keywords:** Russian Empire, North Caucasus, Kabarda, socio-political processes, documentary sources.*

В современный период публикуется значительное количество научных исследований по истории народов Северного Кавказа в Новое время. Вместе с тем, в ряде работ представлен избирательный подбор, а нередко и субъективная

трактовка источников и, как следствие, недостаточно объективные выводы. В этой связи исследование социально-политических процессов в Кабарде в 1-й половине XIX в. на основе анализа документальных источников (делопроизводственные документы и др.) позволяет глубже изучить развитие социально-политической ситуации на Северном Кавказе, особенности интеграции народов региона в административно-правовое пространство Российской империи.

Анализ документальных источников, опубликованных и архивных, позволил верифицировать и дополнить ряд аспектов политической истории Кабарды 1-й половины XIX в. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке обобщающих научных трудов и учебных пособий по проблемам истории Северо-Кавказского региона в новый период.

Анализ проблем развития социально-политической ситуации, политики царского правительства на Центральном Кавказе в Новое время содержится в исследованиях Р.У. Туганова [1; 2], А.Х. Касумова и Х.А. Касумова [3], Ж.А. Калмыкова [4], З.А. Кожева [5], В.Х. Кажарова [6], Б.К. Мальбахова [7], Т.Х. Алоева [8] и др. Вместе с тем, многие аспекты проблем истории субрегиона остаются еще недостаточно исследованными и дискуссионными (проблемы взаимоотношений феодальных группировок в Кабарде и их отношений с российскими органами власти в регионе и др.).

Настоящая работа подготовлена на основе анализа опубликованных документов (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией) [9]; документов, выявленных в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, г. Москва) и др.

Во второй половине XVIII – 1-й половине XIX вв. царское правительство проводило политику по присоединению политий народов Северного Кавказа и включению их в административно-правовое пространство империи. В этой связи, в ряде делопроизводственных документов, составленных российскими военными чиновниками в 1-й половине XIX в., содержится описание социально-политических процессов в регионе, в частности в Кабарде.

Политические ориентации феодальных группировок в Кабарде.

В делопроизводственных документах начала XIX в. (всеподданнейшие рапорты, рапорты, донесения, прокламации, отношения, письма, прошения) зафиксировано разделение политической элиты Кабарды, состоявшей из князей и их вассалов – дворян, на две основные группировки. При этом разделение происходило не по клановой принадлежности, а по политическим интересам. Представители одного княжеского рода оказывались в разных группировках. Одна группировка, наиболее многочисленная, – князья, возглавлявшие исламское шариятское движение, выступали против упрочения российских органов власти в регионе. В конце XVIII – начале XIX в. ее лидером был князь Адиль-Гирей Атажукин, ранее получивший российский чин премьер-майора. К началу XIX в. данная группировка стала доминирующей в Кабарде. Военные чиновники стали принимать меры по привлечению мусульманских священнослужителей на свою сторону [10, с. 649] и [11]. После же введения в

Кабарде духовного суда Мехкеме в 1807 г. власть духовенства значительно возросла, так, что даже князья стали его опасаться [12, с. 659].

Другую группировку – пророссийскую возглавляли князья – офицеры Российской императорской армии. Среди них: полковник Измаил-бей (Исмаил) Атажукин, подполковник Кучук Джанхотов (род Бекмурзиных)¹ и др. [13; 14; 15; 16]. Относительно положения князей данной группировки в Кабарде Астраханский генерал-губернатор главнокомандующий на Кавказе и инспектор Кавказской линии генерал от инфантерии П.Д. Цицианов в своем всеподданнейшем рапорте от 9 февраля 1803 г. сообщал, что князья, преданные России, были презренны, в связи с тем, что недостаточно отличены и поддержаны [16].

Сведения, зафиксированные в данных документах, излагаются в соответствии с идеологическими установками. В них кабардинские князья и дворяне, за исключением тех, кто находились на царской службе, охарактеризованы негативно. По отношению к ним используются уничижительные термины: хищники, ветреные, корыстолюбивые и т. п.

В делопроизводственных документах зафиксированы и противоречия между шариатской и пророссийской группировками князей. По сведениям начальника Кабарды в 1805-1810 гг. генерал-майора И.П. Дельпоццо, многие из князей и дворян роптали на представителей шариатской группировки, отмечая, что мусульманские священнослужители уже обладают большим влиянием в Кабарде, чем они [10]. Следует отметить, что муллами в Кабарде становились представители лично-свободных и зависимых крестьян, и крайне редко, представители дворян.

Крестьянские волнения.

В делопроизводственных документах содержатся также сведения об усилении волнений крестьян в Кабарде, что было обусловлено разрушением экономики в результате действий царских войск (угонов скота и лошадей, сожжения значительного количества селений) и эпидемией чумы в 1805–1812 гг. Главнокомандующий в Грузии генерал-аншеф И.В. Гудович в своем всеподданнейшем рапорте от 20-го сентября 1806 г. сообщал, что Кабарда разорена, много деревень сожжено «во время их обуздания», много народа умерло от чумы [17].

Командующий войсками на Кавказской линии (1810–1811) генерал-лейтенант П.К. Мусин-Пушкин в своем рапорте от 21-го марта 1810 г. отмечал, что волнения крестьян в Кабарде были вызваны и усилением их эксплуатации феодалами. Массовое восстание кабардинских крестьян произошло в 1809 г. Около 1 700 вооруженных крестьян собрались на р. Тереке и потребовали от своих феодалов соблюдения «издревле установленных обычаями прав». Восставшие крестьяне разошлись только после обещания, данного князьями и дворянами выполнить их требование [18].

¹ В источниках в качестве фамилий кабардинских князей указаны не наименования родов, а их отчества.

Характер отношений политической элиты Кабарды с царскими властями в регионе.

В анализируемых источниках зафиксирован сложный и противоречивый характер отношений кабардинской политической элиты с царскими властями в регионе (администрация Кавказской линии) в рассматриваемый период. В ряде документов сказано, что кабардинские князья в качестве главной причины обострения отношений с царскими властями в регионе объявили отторжение значительной территории Кабарды для возведения пограничной Кавказской линии (военные укрепления и поселения), вследствие чего кабардинцы стали испытывать нехватку земель под пашни и пастбища. Возникла и проблема обеспечения солью, так как соленые озера, из которых кабардинцы и соседние народы добывали соль, оказались за Кавказской линией. Многие кабардинские князья требовали возврата занятых земель.

Для лучшего понимания проблемы следует кратко обозначить границы Кабарды рассматриваемой эпохи. В начале XVIII в. границы Кабарды проходили: на западе по рекам Уруп и Лаба; на востоке доходили до нижнего течения Терека и побережья Каспийского моря; на севере проходили по долине р. Томузловки. К югу от территории Кабарды в верховьях рек от Кубани до Терека находились территории карачаевцев, балкарцев, осетин и вайнахов. Царские власти заняли значительные территории Кабарды под строительство пограничной Кизлярско-Моздокской (1763–1764 гг.), а затем – Азово-Моздокской (1777–1783 гг.) или Кавказской линии. Границы Кабарды были отодвинуты за реки Малку и Терек. Военно-казачья колонизация территории Кабарды продолжалась в 1803 г. (Кисловодская крепость), в 1820 и 1822 г. (укрепления внутри Кабарды) [4, с. 11-13], [6], [7, с. 291-297, 317-330, 358, 408-410], в 1825-1829 гг. (станции по течению Подкумка и Малки (Боргустанская, Ессентукская, Горячеводская, Марьинская, Старопавловская и др.)) [19, с. 74], а также в последующие годы.

В первые десятилетия XIX в. произошло значительное сокращение численности кабардинцев: в результате эпидемии чумы, военных действий, падения экономики и вынужденной эмиграции за Кубань. Если во 2-й половине XVIII в. численность кабардинского населения составляла приблизительно 250-300 тыс. человек, то к началу 1830-х гг. – около 30 тыс. человек (на территории Кабарды) [4, с. 13; 20].

Кабардинские князья также заявляли о произволе военных чиновников и казаков на линии: притеснениях кабардинского населения, запретах использования земель, оказавшихся за кордонной линией, захватах скота, ограблениях и др. Недовольства князей были вызваны и регулярным пребыванием царских войск в Кабарде – т. н. деташементов, использовавшихся для их устрашения.

П.Д. Цицианов в своем письме к В.П. Кочубею от 14-го декабря 1802 г. среди причин, вызывавших волнения разных слоев кабардинского населения, указал произвол военных чиновников и казачества на кордонной линии: самовольные поборы, конфискации скота, ограбления и убийства пастухов и др.

[21]. В своем предписании Кавказскому губернатору Гильденшельду от 9-го мая 1805 г. он отметил, что непомерные требования, предъявляемые к кабардинцам при малейшей потере (скота и др. – А. К.), озлобляют их и побуждают к мести за несправедливые взыскания [22].

Основные причины обострения ситуации на Кавказской линии, а также жалобы и просьбы кабардинских князей, адресованные российским военным чиновникам, содержатся в прошениях. В частности, в прошении князей фамилий Бекмурзиных, Кайтукиных и их дворян и священнослужителей к П.Д. Цицианову (начало XIX в.) сказано, что они (кабардинцы – А. К.) стеснены в пахотных и пастбищных местах по причине возведения Кисловодского укрепления, в связи с чем просят обеспечить их спокойствие дарованием «прежних удобств». В прошении содержатся просьбы: возврата невольников, бежавших в российские укрепления; позволения по-прежнему возить беспошлинно соль с озер, оказавшихся за пределами Кавказской линии. Отдельными пунктами зафиксированы просьбы: чтобы их пастухам, следующим по дороге, казаки и другие «ваши люди» не причиняли обид, чтобы казачьи посты во время проезда кабардинцев «пониже Малки (р. Малка – А. К.) нас не грабили и не убивали» [23].

В прошении кабардинских князей к главнокомандующему в Грузии (1806-1809) графу И.В. Гудовичу (1806 г.) сказано о просьбе возвращать их холопов, бежавших на российскую сторону [24].

Территориальная проблема – отторжение от Кабарды значительной части её земель и возведение на них крепости Моздок и кордонной линии на расстоянии 260 верст указана в качестве главной причины обострения отношений между кабардинскими князьями и царскими властями на Кавказской линии и в записке князя Измаил-бея Атажукина (1804 г.) [25, с. 958].

В записке И. Атажукина зафиксировано предложение царскому правительству по территориальной проблеме – вернуть кабардинцам земли, на которых основана Кавказская линия и поселения. Если же это невозможно, то предоставить им свободный проход в прежде принадлежавшие им места для выпаса скота и др. [25, с. 958]. Предложение И. Атажукина было отвергнуто военными чиновниками. В частности, Астраханский генерал-губернатор и главнокомандующий на Кавказе, инспектор Кавказской линии генерал от инфантерии П.Д. Цицианов осудил данное предложение в резкой форме [26] и [2, с. 55-61].

Начальник Кабарды в 1805-1810 гг. генерал-майор И.П. Дельпоццо в своем рапорте П.Д. Цицианову от 5-го апреля 1805 г. указал главную причину «недоверительного» отношения кабардинцев к царским властям на Кавказской линии – произвол начальников: притеснения и ограбления кабардинского населения; необоснованные претензии и обвинения; взыскания с кабардинцев якобы пропавшего скота и др. [27]. В рапорте И.В. Гудовичу от 3-го августа 1806 г. он отметил, что подобные случаи произвола были многочисленными [28, с. 640].

Причины обострения отношений кабардинских князей с царскими властями на Кавказской линии довольно подробно изложены в отношении главнокомандующего в Грузии и на Кавказской линии (1808–1811) генерала от кавалерии А.П. Торماسова к военному министру от 12-го октября 1810 г. В документе сказано, что расширение Кавказской линии за счет лучших земель кабардинцев и жестокости начальников привели их в уныние. Система, направленная на то, чтобы «через сокровенные пружины» производить вражду между владельцами (князьями – А. К.), узденями (дворянами – А. К.) и народом, и поддерживать между ними междоусобие, породило в них привычку к войне. Некоторые из начальствовавших на линии, суетно желавшие отличиться военными действиями против кабардинцев, вместо того, чтобы привлечь их к себе через кроткое и справедливое управление, стали каждый год действовать против них или других народов войсками, нередко без всякой причины [29].

В свою очередь некоторые военные чиновники обвиняли кабардинцев в регулярных нападениях на Кавказскую линию, в совершении ими убийств и угонов скота, а также требовали принесения верноподданнической присяги и уплаты за «похищения» с 1799 г. [28, с. 635].

В целом, в ряде делопроизводственных документов рассматриваемого периода зафиксированы взаимные обвинения российскими военными чиновниками и кабардинскими князьями в обострении ситуации в регионе.

В делопроизводственных документах содержится еще одна причина обострения отношений политической элиты Кабарды с командованием Кавказской линией – отказ кабардинских князей проводить выборы в подконтрольные военной администрации Родовые суды и расправы (учреждены в 1793 г. – А. К.), и их требование введения духовного суда, т. е. мусульманской правовой системы. Царское же командование требовало обеспечения дальнейшего функционирования Родовых судов и расправ. К началу 1804 г. кабардинские князья отказались проводить выборы в эти судебные органы и потребовали ликвидации Кисловодского укрепления. В сложившейся ситуации царское командование отправило в Кабарду отряд войск под командованием начальника Кавказской линии (1803-1807) генерал-лейтенанта Г.И. Глазенапа с целью приведения к покорности князей. В рапортах Г.И. Глазенапа Астраханскому генерал-губернатору главнокомандующему на Кавказе и инспектору Кавказской линии генералу от инфантерии П.Д. Цицианову за 1804 г. зафиксированы подробные описания этого похода и его последствий. Сказано, что 9 мая 1804 г. в районе р. Баксана состоялось первое столкновение между подразделениями царских войск и отрядами кабардинских князей (1500 чел.), в результате которого последние отступили. Второе сражение произошло в районе рек Чегема и Шалушки 14 мая 1804 г. Отмечено, что на стороне кабардинцев в сражении участвовали отряды балкарцев, чегемцев (жители Чегемского ущелья – А. К.), карачаевцев и осетин, всего (общее число) около 11 тыс. человек [30; 31; 32]. В этих рапортах отмечены значительные потери, понесенные кабардинцами. Сказано, что в результате сражения, проходившего 14 мая 1804 г. с 11 до 18 часов, царские войска сожгли 12 селений дворян Куденетовых и князя Адиль-

Гирея Атажукина. Отмечается, что в составе царского отряда в боях участвовали: ногайский пристав генерал-майор Султан Менгли-Гирей с конным отрядом; кабардинские князья – полковник Росламбек Мисостов, подполковник Кучук Джанхотов, ротмистр Темир-Булат. Полковник Атажуко Хамурзин и Девлет-Мурза Касаев находились в вагенбурге [32, с. 942].

Несмотря на победы, одержанные царскими войсками, отношения между частью кабардинских князей и командованием на Кавказской линии не урегулировались, а напротив, обострились. Боевые действия между сторонами продолжались еще в течение года. И.П. Дельпоццо в своем рапорте И.В. Гудовичу от 3-го августа 1806 г. сообщал, что по повелению П.Д. Цицианова, в марте 1805 г. Г.И. Глазенап с отрядом войск в третий раз вступил в Кабарду, чтобы «наказать кабардинцев и привести в полное повиновение», чтобы после этого они перестали делать возмущения, дали верноподданническую присягу и выплатили «за претензии» с 1799 г. и др. [28, с. 635]. Среди кабардинских князей, возглавлявших борьбу с отрядом Г.И. Глазенапа, указаны: Адиль-Гирей Атажукин, Каспулат Кильчукин (род Бекмурзиных) и Магомед Докшукин (род Кайтукиных) [28, с. 639]. Во время походов царских войск в Кабарду и боевых действий войска захватили скот, а также вынудили кабардинских князей и дворян выплатить контрибуцию крупным рогатым скотом, овцами, денежными средствами и даже невольниками [28, с. 637-638].

Военным чиновникам также удалось убедить кабардинских князей выступить совместно с российскими войсками в поход против чеченцев. 19 февраля 1807 г. к месту дислокации российских войск на р. Сунже прибыли 25 князей Большой Кабарды с войском численностью свыше 3 тыс. человек. 25 февраля туда прибыли 4 князя Малой Кабарды с войском численностью около 500 человек. Однако кабардинские князья отказались от похода в Чечню, ссылаясь на общую веру с чеченцами. По сведениям же И.П. Дельпоццо, причина отказа кабардинских князей вести войско против чеченцев заключалась в том, что представители чеченцев приезжали к кабардинским князьям и обещали выполнить все их требования (возвратить похищенных людей и скот) и выдали аманатов (почетные невольники – А. К.) [33, с. 648].

П.Д. Цицианов в своем донесении министру внутренних дел (в 1802-1807 гг.) В.П. Кочубею от 28-го февраля 1805 г. заявил, что всеобщее восстание в Кабарде было вызвано подстрекательством турецкого двора и персидского шаха [34]. Однако это заявление не соответствовало действительности. Во время Русско-турецкой (1806-1812) и Русско-иранской (1804-1813) войн правительства Османской империи и Каджарского Ирана стремились воспользоваться сложной ситуацией на Северном Кавказе. Они направляли к лидерам северокавказских народов эмиссаров, которые вводили последних в заблуждение относительно своих военных успехов, и призывали их поддержать османские и иранские войска в войне с Россией. Тем не менее, несмотря на сложный характер отношений кабардинских князей с царскими властями, они отказались поддержать османское и иранское правительства. В рапорте И.П. Дельпоццо И.В. Гудовичу от 22-го марта 1807 г. отмечается, что к кабардинским князьям

Адиль-Гирею Атажукину, Атажуко Атажукину, Каспулату Кильчукину, Пшемахо Наурузову (род Мисостовых) и эфендию Исхаку Абукову приезжал эмиссар от Анапского паши с призывом выступить с войском на стороне османских войск против России, однако кабардинские князья отказались [35].

Командующий войсками на Кавказской линии (1806-1811) командир 19-й дивизии генерал от инфантерии С.А. Булгаков в своем рапорте главнокомандующему в Грузии и на Кавказской линии (1808-1811) генералу от кавалерии А.П. Тормасову от 12-го ноября 1809 г. сообщал, что кабардинские князья получили письмо от османского военачальника, в котором содержится призыв о совместном выступлении против России [36].

Кабардинская политическая элита отказала османским эмиссарам в их призывах, но отношения между частью кабардинских князей и администрацией на Кавказской линии снова стали обостряться. А.П. Тормасов в своем отношении к министру внутренних дел А.Б. Куракину (1807-1811) от 5-го января 1810 г. сообщал, что кабардинцы вышли из повиновения и, соединившись с чеченцами и другими горскими народами, совершают нападения на Кавказскую линию [37].

В начале 1810 г. военные чиновники на Кавказской линии разработали план о переселении на линию 2 тыс. семей кабардинских крестьян, недовольных притеснениями своих князей и дворян. Планировалось осуществить переселение крестьян под прикрытием царских войск. И.П. Дельпоццо в своем рапорте А.П. Тормасову от 12-го февраля 1810 г. отметил, что депутаты от кабардинских крестьян в течение трех лет просили о принятии их под покровительство российского правительства и переселении за Кавказскую линию. В рапорте также сказано, что кабардинские князья планировали увести крестьян в горы и затем напасть на линию [38].

В рапортах С.А. Булгакова А.П. Тормасову и в рапорте А.П. Тормасова от 16-го июля 1810 г. зафиксированы краткие описания похода войск под командованием С.А. Булгакова в Кабарду. 14 апреля 1810 г. царские войска вступили в Кабарду с целью переселения крестьян. Однако во время следования по равнине С.А. Булгаков обнаружил только брошенные селения. Он не нашел крестьян, желавших переселиться на Кавказскую линию. Князья и дворяне успели увести крестьян в горы. После этого С.А. Булгаков развернул военные действия против отрядов кабардинских князей – 2 тыс. конных и стольких же пеших, которые при поддержке балкарцев закрепились в двух ущельях. С.А. Булгаков сообщил, что во время похода в Кабарду его отряд сжег двести селений, захватил около 20 тыс. голов скота, из которых 5 тыс. отдал войскам, а 15 тыс. планировал раздать жителям Кавказской линии [39; 40; 41]. 6 и 7 июля 1810 г. отряд царских войск преследовал группы кабардинцев за р. Малкой [42].

После похода царских войск под командованием генерала С.А. Булгакова, большинство кабардинских князей согласилось с его требованиями. В рапорте С.А. Булгакова А.П. Тормасову от 15-го июля 1810 г. сказано, что 9 июля 1810 г. 1000 кабардинских князей, дворян и духовенства на берегу р. Малки, напротив селения Прохладного учинили присягу «в верности вечного подданства Высочайшему Престолу перед знаменем Е.И.В.» [43].

После указанных событий российскими властями было принято решение об отправке в Санкт-Петербург делегации кабардинских князей. Весной 1811 г. в Санкт-Петербург отправилась кабардинская делегация с обращением к императору Александру I. Делегация состояла из князей: Хаджи-Бейзеруко Хамурзина, Кучук-бека Касаева, Шолоха Ахлово и дворян: Темрюка Казанчева, Гетаежа Куденетова и Мисоста Анзорова. В обращении содержатся самые актуальные для того времени проблемы Кабарды: 1. о подтверждении положений Грамоты Екатерины II кабардинским владельцам от 17-го августа 1771 г.; 2. о возвращении отторгнутых земель за р. Малкой; 3. о снятии с Кабарды военно-экономической блокады и др. После встречи с кабардинской делегацией император Александр I подписал «Высочайшую грамоту, данную 20-го января 1812 года». В ней император подтверждал положения Грамоты Екатерины II 1771 г., соглашался снять с Кабарды военно-экономическую блокаду, предоставлял кабардинцам право торговать в Кизляре и Астрахани. В Высочайшей грамоте также сказано, что кабардинцы должны «отвращать» соседние народы от набегов на российские пределы. В ней сказано о желании императора содержать особую гвардию «из почетнейших владельческих и узденских фамилий ваших, в виде особой гвардии, вооруженной по обыкновению вашему...». Но один из главных пунктов – о возвращении кабардинским князьям земель за р. Малкой не был решен положительно [44].

Некоторые делопроизводственные документы содержат сведения о деятельности командующего Отдельным кавказским корпусом генерала от инфантерии А.П. Ермолова (1816–1827), который придерживался силовых, чрезмерно жестких методов по отношению к народам Северного Кавказа. В частности, в предписании генерала от инфантерии А.П. Ермолова командующему войсками на Кавказской линии (1818–1824) генерал-майору К.Ф. Сталю от 28 ноября 1821 г. сказано о создании мобильного отряда войск из 1 тыс. пехоты с 4 орудиями и 200 казаков с одним орудием для постоянного пребывания в Кабарде. Перед отрядом были поставлены задачи: угонять у кабардинцев табуны лошадей и стада скота; не щадить вооруженных, особенно дворян; захватывать в плен князей. А.П. Ермолов также предписал – воспретить называть кабардинских князей князьями (только владельцами), за исключением тех, которые находились на российской службе [45]. В конце 1821 – начале 1822 г. отряд мобильных войск под командованием полковника Кацырева совершил ряд походов по всей территории Кабарды, в результате которых были разрушены десятки селений в районах рек Терека, Баксана, Чегема, Шалушки, Нальчика и др., захвачены стада крупного рогатого скота, отары овец, табуны лошадей, запасы хлеба и др. 22 мая 1822 г. начался крупномасштабный поход царских войск в Кабарду под общим командованием генерала Ермолова. Царские войска снова прошли по территории Кабарды, разрушили ряд селений, жители которых оказали сопротивление. В целях окончательного установления контроля над Кабардой, генерал А.П. Ермолов занялся возведением военной линии внутри неё. К осени 1822 г. вблизи рек Малка, Баксан, Чегем, Нальчик, Урвань, Черек и Урух появились укрепления и посты, которые стали контролировать выходы из

ущелий. Новая военная линия расчленила Кабарду на две части и отрезала кабардинские селения, расположенные на плоскости, от горных ущелий. Кабардинские селения, находившиеся в предгорьях, были переведены на контролируемую плоскость. В 1822 г. был упразднен институт великого княжения в Кабарде. Вооруженные столкновения между кабардинскими отрядами и царскими войсками на территории Кабарды происходили в декабре 1825 и весной 1826 г. [7, с. 394-421] и [5, с. 214-215].

Прокламации генерала А.П. Ермолова 1822 г.

Жесткая и бескомпромиссная позиция генерала А.П. Ермолова по отношению к кабардинским князьям и дворянам содержится в его пяти прокламациях 1822 г. [46]. Они начинаются с обвинения кабардинских князей и дворян в нападениях на Кавказскую линию, беспорядках и т. п. В Прокламации от 14 января 1822 г. сказано, что владельцы, которые обратятся к нему (генералу Ермолову) «с доверенностью», сохранят свои права, достоинство владельцев и власть над подданными. Владельцы же, которые не явятся к начальнику российских войск, изгоняются из Кабарды. Их подвластным даруется свобода [46, с. 257, 258]. В Прокламации от 26 июня 1822 г. сказано, что владельцы и уздени, остающиеся в горах (а также их дети), т. е. отказавшиеся подчиниться требованиям генерала Ермолова, лишаются своего достоинства и своих земель. Бежавшие их рабы получают свободу. Владельцам и узденям, ставшим подданными Российского государства, воспрещаются связи с ними (отказавшимися подчиниться требованиям А.П. Ермолова – А. К.), и, что в таких случаях они будут наказаны. У владельцев и узденей, ставших подданными России, не будут конфискованы их земли и собственность [46, с. 260]. Данные положения повторяются в Прокламации от 1 августа 1822. В ней также содержится повеление генерала Ермолова узденям и простому народу, чтобы при встрече с князьями и дворянами, ушедшими за Кубань или скрывавшимися в горах, стреляли в них, забыв о народном обычае, запрещавшем представителям других сословий применять оружие против князей. Данной прокламацией генерал Ермолов также запретил кабардинским князьям и дворянам, согласно обычаю аталычества (воспитательства – А. К.), отдавать своих детей на воспитание другим народам, а велел воспитывать их в Кабарде [46, с. 261-262]. В Прокламации от 9 августа 1822 г. повторяются положения предыдущих прокламаций о запрете поддержания связей с князьями и дворянами, ушедшими за Кубань и скрывавшимися в горах, и о даровании свободы их подвластным. В ней также сказано о запрете препятствовать тем, кто решил принять православие [46, с. 261-263]. Прокламация от 29 августа 1822 г. содержит информацию об учреждении суда в Кабарде (Временный кабардинский суд – А. К.) и составленных для него «Наставлениях» и формах дел [46, с. 263-270]. Прокламации генерала Ермолова в значительной степени ограничивали традиционные права князей и дворян и фактически провозглашали окончательное установление власти Российской империи в Кабарде.

Переселение кабардинцев за Кубань и в Чечню.

В ряде делопроизводственных документов зафиксирован регулярный уход кабардинцев – представителей разных сословий в еще неподконтрольные царскому правительству закубанские территории Кабарды, Западную (Закубанскую) Черкессию и Чечню. Основная причина заключалась в крайне напряженной ситуации в Кабарде; регулярных военных действиях. В них также отмечается, что чеченцы активизировали враждебные акции против кабардинцев: похищали людей и угоняли скот, укрывали «дворян-абреков» и отказывали кабардинским князьям в их возврате [47].

Силовые методы А.П. Ермолова способствовали дальнейшему обострению отношений между царскими властями в регионе и разными слоями кабардинского общества. Десятки кабардинских семей и отдельных лиц, не желавших мириться с новым режимом, продолжали уходить за Кубань. В конце января 1821 г. за Кубань переселилось 250 кабардинских семей. В сентябре 1825 г. отряды закубанских кабардинцев и западных черкесов под предводительством князей Мухаммеда Атажукина и Джанхота Кайтукина отправились в Кабарду, чтобы оказать помощь желающим переселиться за Кубань. В Кабарде к ним примкнули некоторые феодалы со своими подвластными. Объединенные отряды ушли через Баксанское ущелье по высокогорным тропам на р. Лабу, миновав кордоны царских войск [7, с. 418-421].

Следует отметить, что численность кабардинцев, переселившихся за Кубань в 1-й четверти XIX в., составляла около 20 тыс. человек. В начале 1830-х гг. за Кубанью насчитывалось 62 кабардинских селения [48, с. 143-145] и [8, с. 4-9]. Ещё несколько тысяч кабардинцев переселились в Чечню.

В российских документах закубанские кабардинцы получили наименование «беглых кабардинцев». В Кабарде ушедших в соседние регионы по политическим мотивам, называли хаджретами – т. е. переселившимися, эмигрантами. Царские власти рассматривали «беглых кабардинцев» как «немирных горцев», как абреков – т. е. опасных преступников и предпринимали серьезные меры по борьбе с ними. В кабардинском же обществе абрекам оказывали традиционное гостеприимство, укрывали их во время преследований. В делопроизводственных документах также содержится информация о кабардинской конной милиции, которую царские власти сформировали и использовали в борьбе с абреками [49, с. 46-47].

В то же время часть эмигрировавших кабардинцев постепенно возвращалась в Кабарду на прежние места жительства. В отношении начальника Главного штаба генерал-фельдмаршала графа И.И. Дибича к главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом командующему Каспийской военной флотилией главноуправляющему гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской областях (1827-1831) генерал-фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу-Эриванскому от 4-го февраля 1828 г. сказано, что кабардинцы были разорены кордонными командирами и доведены до крайней бедности, в связи с чем вынужденно ушли за Кубань. Но в 1822 г. до 500 кабардинских крестьян возвратились в Кабарду [50].

Процесс эмиграции из Кабарды недовольных царским режимом стал возрастать в 40-е гг. XIX в. В 1843 г. 40 кабардинских дворян и 80 крестьян ушли в Чечню, где просили имама Шамиля позволения поселиться отдельным селом и участвовать в военных действиях [3, с. 49].

Командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал от инфантерии Е.А. Головин (1837-1842) в своем рапорте военному министру А.И. Чернышеву (1841 г.) представил краткую характеристику политической ситуации в Кабарде в 1841 г. В рапорте сказано, что наиболее влиятельные князья преданы правительству России. Менее благонадежные мелкие дворяне и черный народ лишены средств к обогащению, и так как они находятся в полной зависимости от князей и первостепенных дворян, то не могут предпринимать чего-либо «вредного» [51]. Информация данного документа свидетельствует об относительной стабилизации политической ситуации и упрочении российских органов власти в Кабарде.

Поход имама Шамиля в Кабарду в 1846 г.

В делопроизводственных документах (отношения, журналы военных происшествий и др.) зафиксирован значительный объем информации о походе имама Шамиля в Кабарду. 17 апреля 1846 г. имам Шамиль с десятитысячным войском вступил в Кабарду. Целью похода было соединение с Западной Черкесией и создание сплошной линии фронта в борьбе с царскими войсками. В задачи похода также входило перекрытие сообщения по Военно-Грузинской дороге. Для борьбы с войском имама Шамиля царское командование стало перебрасывать войска в Кабарду. 18 апреля 1846 г. вблизи станицы Урухской произошло первое сражение войск имама Шамиля с царскими войсками под командованием генерал-лейтенанта Фрейтага. После пятичасового боя царские войска стали отступать. Но надежды имама Шамиля на массовое восстание в Кабарде не осуществились. Большинство населения Кабарды отказалось поддержать имама Шамиля, так как не желало установления его власти, а также в связи с тем, что воины имама стали захватывать скот в кабардинских селениях. Не получив поддержки от большей части кабардинцев и не дождавшись отрядов из Западной Черкесии, 25 апреля имам Шамиль начал отступление. Вместе с ним ушли 37 кабардинских князей и дворян, а также немалое число крестьян [52; 53; 54; 55].

Таким образом, на основе анализа сведений, зафиксированных в делопроизводственных документах, которые составлены российскими военными чиновниками, социально-политическую ситуацию в Кабарде в начале XIX в. можно охарактеризовать как крайне напряженную. Политическая элита Кабарды, состоявшая из князей и их вассалов дворян, была разделена на две соперничавшие группировки – шариатскую, выступавшую против упрочения российских органов власти в регионе, и пророссийскую, которую возглавляли князья – офицеры Российской императорской армии.

Усиливались волнения крестьян, что было вызвано разрушением экономики в результате действий царских войск (угонов скота и лошадей, сожжения значительного количества селений) и эпидемии чумы в 1805–1812 гг.

Обострились отношения кабардинской политической элиты с царскими властями в регионе, что по сведениям ряда документов, было обусловлено занятием царскими властями равнинных территорий Кабарды под Кавказскую линию, произволом военных чиновников и казачества, военными действиями между отрядами некоторых кабардинских князей и царскими войсками, отказом кабардинских князей проводить выборы в подконтрольные военной администрации Родовые суды и расправы.

В ряде документов вина за обострение политической ситуации в регионе возлагается на политическую элиту Кабарды. Некоторые военные чиновники обвиняли кабардинцев в регулярных нападениях на Кавказскую пограничную линию, а также требовали принесения верноподданнической присяги и уплаты за «похищения» с 1799 г.

В результате бескомпромиссной силовой политики генерала А.П. Ермолова произошло дальнейшее разрушение хозяйственной деятельности кабардинцев, значительное ограничение традиционных прав князей и дворян и окончательное установление власти Российской империи в Кабарде.

В 1-й половине XIX в. происходил уход кабардинцев – представителей разных сословий в еще неподконтрольные царскому правительству закубанские территории Кабарды, Западную Черкессию и Чечню. Основная причина заключалась в крайне напряженной ситуации в Кабарде. В то же время, часть эмигрировавших кабардинцев возвращалась на прежние места жительства.

В 1846 г. политическая ситуация в Кабарде обострилась в связи с вторжением войск имама Шамиля. Большинство населения Кабарды отказалось поддержать имама Шамиля, так как не желало установления его власти, а также в связи с тем, что воины имама стали захватывать скот в кабардинских селениях.

Вместе с тем шел процесс упрочения российских органов власти. К началу 1840-х гг. большинство кабардинских князей и дворян было лояльным российскому правительству.

Список источников и литературы:

1. Туганов, Р.У. Шариатское движение в Кабарде против царизма в 1799-1807 гг. / Р.У. Туганов // Живая старина. – 1991. – № 1. – С. 8–18.
2. Туганов, Р.У. Измаил-Бей : монография / Р.У. Туганов. – Нальчик: Эльбрус, 1972. – 176 с.
3. Касумов, А.Х., Касумов, Х.А. Геноцид адыгов: монография / А.Х. Касумов, Х.А. Касумов. – Нальчик: «Логос», 1992. – 200 с. – ISBN 5-87 910-004-5
4. Калмыков, Ж.А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века : монография / Ж.А. Калмыков. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. – 232 с. – ISBN 978-5-88195-854-1
5. Кожев, З.А. Кавказская война (1763-1864) / З.А. Кожев // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М.: Фонд Б.Х. Акбашева, 2006. – С. 204-221. –

ISBN 5-99003-371-0

6. Кажаров, В.Х. Территория феодальной Кабарды / В.Х. Кажаров // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М.: Фонд Б.Х. Акбашева, 2006. – С. 120-128. – ISBN 5-99003-371-0

7. Мальбахов, Б.К. Кабарда на этапах политической истории (середина XVI – первая четверть XIX века) : монография / Б.К. Мальбахов. – М. : Поматур, 2002. – 512 с. – ISBN 5-86208-106-2

8. Алоев, Т.Х. Очерки политической истории хаджретской Кабарды в первой половине XIX в. : монография / Т.Х. Алоев – Нальчик: РИО ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 126 с.

9. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. – Т. 1–10. – Тифлис: Тип. Главного управления Наместника кавказского, 1866–1885 (АКАК).

10. Рапорт ген.-м. Дельпоццо гр. Гудовичу, от 11-го марта 1807 года, № 103. – Прохладная // АКАК. – 1869. – Т. 3. – С. 647-650.

11. Предписание гр. Гудовича ген.-м. Дельпоццо, от 7-го апреля 1807 года, № 256 // АКАК. – 1869. – Т. 3. – С. 655.

12. Отношение гр. Гудовича к кн. Куракину, от 16-го мая 1808 года, № 81 // АКАК. – 1869. – Т. 3. – С. 658-659.

13. Всеподданнейший рапорт ген.-л. Кнорринга, от 15-го февраля 1802 года // АКАК. – 1866. – Т. 1. – С. 742.

14. Рапорт ген.-м. Дельпоццо гр. Гудовичу, от 3-го августа 1806 года, № 394. – Прохладная // АКАК. – 1869. – Т. 3. – С. 638.

15. Предписание кн. Цицианова ген.-л. Глазенапу, от 5-го апреля 1804 года, № 157 // АКАК. – 1868. – Т. 2. – С. 954.

16. Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова, от 9-го февраля 1803 года // АКАК. – 1868. – Т. 2. – С. 952.

17. Всеподданнейший рапорт гр. Гудовича, от 20-го сентября 1806 года // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 846. ВУА. Оп. 16. Д. 6166 (1). Л. 140.

18. Рапорт ген.-л. Мусина-Пушкина ген. от инф. Булгакову, от 21-го марта 1810 года, № 1673 // АКАК. – 1870 – Т. 4. – С. 864-865.

19. Фоменко, В.А. Российские укрепления второй половины XVIII – XIX в. в верхней и средней части долины реки Кубань // Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы: материалы международной научно-практической конференции (г. Вологда, 28 июня 2017 г.). – Вологда: ООО «Маркер», 2017. – Часть 1. – С. 73-75. – ISBN 978-5-906850-53-9

20. Прасолов, Д.Н., Губжоков, М.Н. Численность населения Черкесии в XVI – первой половине XIX в. // Адыгская (Черкесская) энциклопедия. – М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. – С. 128–130. – ISBN 5-99003-371-0

21. Письмо кн. Цицианова к гр. Кочубею, от 14-го декабря 1802 года, № 131 // АКАК. – 1868. – Т. 2. – С. 951.

22. Предписание кн. Цицианова Кавказскому губернатору Гильденшельду, от 9-го мая 1805 года, № 309 // АКАК. – 1868. – Т. 2. – С. 944-945.

23. Прошение фамилий Бекмурзина, Кайтукина и их узденей, эфендиев и хаджи кн. Цицианову // АКАК. – 1868. – Т. 2. – С. 950.
24. Прошение владельцев кабардинских гр. Гудовичу, 1806 год // АКАК. – 1869. – Т. 3. – С. 644-645.
25. Записка о беспорядках на Кавказской линии и о способах прекратить оные (1804 г.) // АКАК. – 1868. – Т. 2. – С. 957-958.
26. Донесение кн. Цицианова гр. Кочубею от 28-го февраля 1805 года, № 126 // АКАК. – 1868. – Т. 2. – С. 960-961.
27. Рапорт ген.-м. Дельпоццо кн. Цицианову, от 5-го апреля 1805 года, № 39. – Слоб. Прохладная // АКАК. – 1868. – Т. 2. – С. 962-963.
28. Рапорт ген.-м. Дельпоццо гр. Гудовичу, от 3-го августа 1806 года, № 394. – Прохладная // АКАК. – 1869. – Т. 3. – С. 635-641.
29. Отношение ген. Торماسова к военному министру, от 12-го октября 1810 года, № 194 // АКАК. – 1870. – Т. 4. – С. 828-830.
30. Всеподданнейший рапорт ген.-л. Глазенапа, от 8-го июля 1804 года. – Константиногорск // АКАК. – 1868. – Т. 2. – С. 940-941.
31. Рапорт ген.-л. Глазенапа кн. Цицианову, от 10-го мая 1804 года. № 167. – Лагерь на р. Баксане // РГВИА. Ф. 846 ВУА. Оп. 16. Д. 6164. Ч. 37 (2). Л. 132.
32. Рапорт ген.-л. Глазенапа кн. Цицианову, от 18-го мая 1804 года. № 171. – Лагерь при р. Чегеме // АКАК. – 1868. – Т. 2. – С. 941-942.
33. Рапорт ген.-м. Дельпоццо гр. Гудовичу, от 11-го марта 1807 года, № 103. – Прохладная // АКАК. – 1869. – Т. 3. – С. 647-650.
34. Донесение кн. Цицианова гр. Кочубею, от 28-го февраля 1805 года, № 126 // АКАК. – 1868. – Т. 2. – С. 960-961.
35. Рапорт ген.-м. Дельпоццо гр. Гудовичу, от 22-го марта 1807 года, № 118. – Прохладная // АКАК. – 1869. – Т. 3. – С. 651-652.
36. Рапорт ген. от инф. Булгакова ген. Тормасову, от 12 ноября 1809 года, № 296. – Прохладная // АКАК. – 1870. – Т. 4. – С. 854-856.
37. Отношение ген. Торماسова к кн. Куракину, от 5-го января 1810 года, № 3 // АКАК. – 1870. – Т. 4. – С. 858.
38. Рапорт ген.-м. Дельпоццо ген. Тормасову от 12-го февраля 1810 года, № 43. – Прохладная // АКАК. – 1870. – Т. 4. – С. 859-860.
39. Рапорт ген. от инф. Булгакова ген. Тормасову, от 30-го апреля 1810 года, № 942. – Лагерь при Черее // АКАК. – 1870. – Т. 4. – С. 868.
40. Рапорт ген. от инф. Булгакова ген. Тормасову, от 18-го июня 1810 года, № 1492. – Георгиевск // АКАК. – 1870. – Т. 4. – С. 869.
41. Рапорт генерала от кавалерии Тормасова (от 16-го июля 1810 года) // РГВИА. Ф. 846. ВУА. Оп. 16. Д. 6186 (1). Л. 63-66.
42. Рапорт ген.-м. Дельпоццо ген. Тормасову, от 12-го июля 1810 года, № 44. – Владикавказ // АКАК. – 1870. – Т. 4. – С. 870-871.
43. Рапорт ген. от инф. Булгакова, ген. Тормасову от 15-го июля 1810 года, № 2125. – Георгиевск // АКАК. – 1870. – Т. 4. – С. 873-874.
44. Высочайшая грамота, данная 20-го января 1812 года // АКАК. – 1873. – Т. 5. – С. 866-867.

45. Предписание ген. Ермолова ген-м. Сталю, от 28-го ноября 1821 года, № 212 // АКАК. – 1875. – Т. 6. – Ч. 2. – С. 468-469.
46. Прокламации, данные кабардинскому народу бывшим главнокомандующим ген. Ермоловым // Леонтович, Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. – Вып. 1. – Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1882. – С. 257-265.
47. Рапорт ген.-м. Дельпоццо гр. Гудовичу, от 17-го декабря 1806 года, № 621. – Прохладная // АКАК. – 1869. – Т. 3. – С. 644.
48. Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы / Хан-Гирей Султан. – Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. – 672 с. – ISBN 978-5-7992-0643-7
49. Письмо начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Голицина в Кабардинский временный суд о сборе для похода 150 кабардинских всадников, 1844 г. апреля 24-го // Документы по истории адыгов 20-50-х годов XIX века (по материалам ЦГА КБР) / Сост. З.М. Кешева. – Нальчик: КБИГИ, 2011. – С. 46, 47. – ISBN 978-5-91766-041-7
50. Отношение гр. Дибича к ген. Паскевичу, от 4-го февраля 1828 года, № 425 // АКАК. – 1878. – Т. 7. – С. 864-869.
51. Рапорт командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала от инфантерии Головина военному министру Чернышеву. 1841 г. // РГВИА. Ф. 846. ВУА. Оп. 16. Д. 6436. 2 л.
52. Отношение кн. Воронцова к кн. Чернышеву, от 21-го апреля 1846 года, № 22 // АКАК. – 1885. – Т. 10. – С. 578-579.
53. Журнал военных происшествий ген-л. Фрейтага с 11-го по 30-е апреля 1846 года. – Секретно // АКАК. – 1885. – Т. 10. – С. 579-583.
54. Отношение кн. Воронцова к кн. Чернышеву, от 1-го мая 1846 года, № 60. – Владикавказ // АКАК. – 1885. – Т. 10. – С. 583-585.
55. Документы по истории адыгов 20-50-х годов XIX века (по материалам ЦГА КБР) / Сост. З.М. Кешева. – Нальчик: КБИГИ, 2011. – 202 с. – ISBN 978-5-91766-041-7

REFERENCES

1. Tuganov, R.U. (1991) [Sharia movement in Kabarda against Tsarism in 1799–1807]. // *Zhivaya starina* = Living antiquity. 1, 8-18. (In Russian).
2. Tuganov, R.U. (1972) *Izmail Bey*. Nalchik : Elbrus. 176 p. (In Russian).
3. Kasumov, A.Kh. & Kasumov, Kh.A. (1992) *Genocide of the Circassians*. Nalchik : Logos. 200 p. ISBN 5-87 910-004-5 (In Russian).
4. Kalmykov, Zh.A. (2007) *Integration of Kabarda and Balkaria into the all-Russian system of governance (second half of the 18th – early 20th century)*. – Nalchik: El-Fa Publishing Center. 232 p. – ISBN 978-5-88195-854-1 (In Russian).
5. Kozhev, Z.A. (2006). [Caucasian War (1763-1864)]. In: *Adyghe (Circassian) Encyclopedia*. M.: B.Kh. Akbashev Foundation. 204-221. ISBN 5-99003-371-0 (In Russian).

6. Kazharov, V.Kh. (2006). [Territory of feudal Kabarda]. In: Adyghe (Circassian) Encyclopedia. M.: B.Kh. Akbashev Foundation. 120-128. ISBN 5-99003-371-0 (In Russian).
7. Malbakhov, B.K. (2002) *Kabarda at the stages of political history (mid-16th – first quarter of the 19th century)*. M.: Pomatur. 512 p. ISBN 5-86208-106-2 (In Russian).
8. Alov, T.Kh. (2017) *Essays on the political history of Hadjret Kabarda in the first half of the 19th century*. Nalchik: RIO IGI KBNC RAS. 126 p. (In Russian).
9. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. 1–10. Tiflis: printing house of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1866–1885 (further – ACAC). (In Russian).
10. Report of General-Major Delpozzo to Earl Gudovich, dated March 11, 1807, No. 103. Prokhladnaya. In: ACAC. 1869. 3, pp. 647-650. (In Russian).
11. Prescription of Earl Gudovich to General-Major Delpozzo, dated April 7, 1807, No. 256. In: ACAC. 1869. 3, p. 655. (In Russian).
12. The attitude of Earl Gudovich to Prince Kurakin, dated May 16, 1808, No. 81. In: ACAC. 1869. 3, pp. 658-659. (In Russian).
13. Most humble report of Lieutenant General Knorring, dated February 15, 1802. In: ACAC. 1866. 1, p. 742. (In Russian).
14. Report of General-Major Delpozzo to Earl Gudovich, dated August 3, 1806, No. 394. Prokhladnaya. In: ACAC. 1869. 3, p. 638. (In Russian).
15. Prescription of Prince Tsitsianov to Lieutenant General Glazenap, dated April 5, 1804, No. 157. In: ACAC. 1868. 2, p. 954. (In Russian).
16. Most humble report of Prince Tsitsianov, dated February 9, 1803. In: ACAC. 1868. 2, p. 952. (In Russian).
17. Most humble report of Earl Gudovich, dated September 20, 1806. In: Russian State Military Historical Archive (further – RSMHA). F. 846. VUA. Op. 16. D. 6166 (1), sh. 140. (In Russian).
18. Report of the Lieutenant General Musin-Pushkin to General of Infantry Bulgakov, dated March 21, 1810, No. 1673. In: ACAC. 1870. 4, pp. 864-865. (In Russian).
19. Fomenko, V.A. (2017) Russian fortifications of the second half of the 18th – 19th centuries in the upper and middle parts of the Kuban River valley. In: Science today: facts, trends, forecasts: materials of the international scientific and practical conference (Vologda, June 28, 2017). Vologda: OOO Marker. Part 1, pp. 73-75. ISBN 978-5-906850-53-9 (In Russian).
20. Prasolov, D.N., Gubzhokov, M.N. (2006) [Population of Circassia in the 16th – first half of the 19th century]. In: Adyghe (Circassian) Encyclopedia. M.: B.Kh. Akbashev Foundation, pp. 128-130. ISBN 5-99003-371-0 (In Russian).
21. Letter from Prince Tsitsianov to Earl Kochubey, dated December 14, 1802, No. 131. In: ACAC. 1868. 2, p. 951. (In Russian).
22. Order of Prince Tsitsianov to Caucasian Governor Gildenshteld, dated May 9, 1805, No. 309. In: ACAC. 1868. 2, pp. 944-945. (In Russian).

23. Petition from the families of Bekmurzin, Kaytukin and their uzdens, effendiys and hajjis to Prince Tsitsianov. In: ACAC. 1868. 2, p. 950. (In Russian).
24. Petition of the owners of Kabardian to Earl Gudovich, 1806. In: ACAC. 1869. 3, pp. 644-645. (In Russian).
25. Note on the unrest on the Caucasian line and ways to stop it (1804). In: ACAC. 1868. 2, pp. 957-958. (In Russian).
26. Report of Prince Tsitsianov to Earl Kochubey dated February 28, 1805, No. 126. In: ACAC. 1868. 2, pp. 960-961. (In Russian).
27. Report of Major General Delpozso to Prince Tsitsianov, dated April 5, 1805, No. 39. Slob. Prokhladnaya. In: ACAC. 1868. 2, pp. 962-963. (In Russian).
28. Report of General-Major Delpozso to Earl Gudovich, dated August 3, 1806, No. 394. Prokhladnaya. In: ACAC. 1869. 3, pp. 635-641. (In Russian).
29. Attitude of General Tormasov to Minister of War, dated October 12, 1810, No. 194. In: ACAC. 1870. 4, pp. 828-830. (In Russian).
30. Most humble report of Lieutenant General Glazenap, dated July 8, 1804. Konstantinogorsk. In: ACAC. 1868. 2, pp. 940-941. (In Russian).
31. Report of Lieutenant General to Prince Tsitsianov, dated May 10, 1804. No. 167. Camp on the river Baksan. In: RSMHA. F. 846. VUA. Op. 16. D. 6164. 37 (2), sh. 132. (In Russian).
32. Report of Lieutenant General Glazenap to Prince Tsitsianov, dated May 18, 1804, No. 171. Camp at the river. Chegeme. In: ACAC. 1868. 2, pp. 941-942. (In Russian).
33. Report of the Major General Delpozso to Earl Gudovich, dated March 11, 1807, No. 103. Prokhladnaya. In: ACAC. 1869. 3, pp. 647-650. (In Russian).
34. Report of Prince Tsitsianov to Earl Kochubey, dated February 28, 1805, No. 126. In: ACAC. 1868. 2, pp. 960-961. (In Russian).
35. Report of the Major General Delpozso to Earl Gudovich, dated March 22, 1807, No. 118. Prokhladnaya. In: ACAC. 1869. 3, pp. 651-652. (In Russian).
36. Report of General of Infantry Bulgakov to General Tormasov, from November 12, 1809, No. 296. Prokhladnaya. In: ACAC. 1870. 4, pp. 854-856. (In Russian).
37. Attitude of General Tormasov to Prince Kurakin, dated January 5, 1810, No. 3. In: ACAC. 1870. 4, p. 858. (In Russian).
38. Report of Major General Delpozso to General Tormasov, dated February 12, 1810, No. 43. Prokhladnaya. In: ACAC. 1870. 4, pp. 859-860. (In Russian).
39. Report of General of Infantry Bulgakov to General Tormasov, dated April 30, 1810, No. 942. Camp at Cherek. In: ACAC. 1870. 4, p. 868. (In Russian).
40. Report of General of Infantry Bulgakov to General Tormasov, dated June 18, 1810, No. 1492. Georgievsk. In: ACAC. 1870. 4, p. 869. (In Russian).
41. Report of Cavalry General Tormasov (dated July 16, 1810). In: RSMHA. F. 846. VUA. Op. 16. D. 6186 (1), sh. 63-66. (In Russian).
42. Report of Major General Delpozso to General Tormasov, dated July 12, 1810, No. 44. Vladikavkaz. In: ACAC. 1870. 4, pp. 870-871. (In Russian).

43. Report of General of Infantry Bulgakov to General Tormasov, dated July 15, 1810, No. 2125. Georgievsk. In: ACAC. 1870. 4, pp. 873-874. (In Russian).
44. The highest charter given on January 20, 1812. In: ACAC. 1873. 5, pp. 866-867. (In Russian).
45. Prescription of General Ermolov to Major General Stahl, dated November 28, 1821, No. 212. In: ACAC. 1875. 6 (2), pp. 468-469. (In Russian).
46. Proclamations given to the Kabardian people by the former commander-in-chief, General Ermolov. In: Leontovich, F.I. (1882) *Customs of the Caucasian highlanders. Materials on the customary law of the Northern and Eastern Caucasus*. Issue 1. Odessa: Printing House of P.A. Zeleny, pp. 257-265. (In Russian).
47. Report of Major General Delpozzo to Earl Gudovich, dated December 17, 1806, No. 621. Prokhladnaya. In: ACAC. 1869. 3, p. 644. (In Russian).
48. Sultan Khan-Girey. (2009) *Selected Works and Documents*. Maykop: OJSC «Poligraf-Yug». 672 p. ISBN 978-5-7992-0643-7 (In Russian).
49. Letter of Chief of the Center of the Caucasian Line, Major General Golitsyn, to the Kabardin Temporary Court regarding the gathering of 150 Kabardian horsemen for the campaign, April 24, 1844. In: Documents on the history of the Circassian people of the 1820s-1850s (based on materials from the Central State Archives of the Kabardino-Balkarian Republic) / Comp. Z.M. Kesheva. Nalchik: KBIGI, 2011, pp. 46, 47. ISBN 978-5-91766-041-7 (In Russian).
50. The attitude of Earl Dibich to General Paskevich, dated February 4, 1828, No. 425. In: ACAC. 1878. 7, pp. 864-869. (In Russian).
51. Report of Commander of the Separate Caucasian Corps, General of Infantry Golovin, to Minister of War Chernyshev. 1841. In: RSMHA. F. 846. VUA. Op. 16. D. 6436. 2 sh. (In Russian).
52. Attitude of Prince Vorontsov to the Earl Chernyshev, dated April 21, 1846, No. 22. In: ACAC. 1885. 10, pp. 578-579. (In Russian).
53. Journal of military incidents of Lieutenant General Freytag from April 11 to 30, 1846. Secret. In: ACAC. 1885. 10, pp. 579-583. (In Russian).
54. Attitude of Prince Vorontsov to Prince Chernyshev, dated May 1, 1846, No. 60. Vladikavkaz. In: ACAC. 1885. 10, pp. 583-585. (In Russian).
55. Documents on the history of the Circassian people in the 1820s-1850s (based on materials from the Central State Archives of the Kabardino-Balkarian Republic) / Comp. Z.M. Kesheva. Nalchik: KBIGI, 2011. 202 p. ISBN 978-5-91766-041-7 (In Russian).

Данные автора статьи

Кушхабиев Анзор Викторович

Kushkhabiev Anzor Viktorovich

УДК 94:351.761.1(477.62)"1914/1917"

DOI: 10.5281/zenodo.20693188

EDN: WNFIWR

Н.Н. Разумная

Кандидат исторических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: nnrzumnaya@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ «СУХОГО ЗАКОНА» НА ЮГЕ РОССИИ В 1914–1917 гг.

Аннотация

В статье на основе материалов Акцизного управления второго округа Екатеринославской губернии (г. Мариуполь) исследуется реализация «сухого закона» на Юге России в 1914–1917 гг. Рассматриваются ограничения на продажу спиртных напитков, практика выдачи разрешений на приобретение спирта предприятиями, медицинскими и учебными учреждениями, воинскими лазаретами и аптеками, а также случаи нарушений запрета (тайное винокурение, торговля суррогатами).

Ключевые слова: *«сухой закон», Юг России, Первая мировая война, акцизное управление, спирт, аптеки, больницы.*

Summary

The article, based on the materials of the Excise Department of the Second District of Yekaterinoslav Governorate (Mariupol), examines the implementation of the “Prohibition Law” in Southern Russia in 1914–1917. It analyzes restrictions on the sale of alcoholic beverages, the practice of issuing permits for alcohol purchase to enterprises, medical and educational institutions, military hospitals and pharmacies, as well as cases of violations of the ban (illegal distilling, trade in surrogates).

Keywords: *Prohibition, Southern Russia, World War I, excise department, alcohol, pharmacies, hospitals.*

В годы Первой мировой войны в Российской империи были введены строгие ограничительные меры на потребление спиртных напитков, а местные власти также получили полномочия на запрещение и слабоалкогольных напитков. Соблюдение введенного законодательства и трудовая дисциплина на целом ряде промышленных предприятий и в сельской местности были необходимы в условиях военного времени. От успешной работы стратегически важных промышленных объектов и поддержки населения тыловых губерний фронта зависело очень многое. Полностью запретить реализацию спирта было невозможно, поскольку существовали учреждения, постоянно его приобретающие. Существовала практика выдачи разрешений на приобретение

спирта Акцизными управлениями определенным учреждениям. Данная тема малоизученна [1; 2]. Специальных работ, посвященных изучению данной проблемы на территории Юга России, практически нет. Ранее данная проблема рассматривалась автором в публикации, основанной на материалах региональной прессы без использования архивных материалов [3].

Целью данного исследования является изучение процесса реализации «сухого закона» на Юге Российской империи в 1914–1917 гг. Источниками исследования послужили материалы Государственного архива ДНР фонда – Акцизного управления второго округа по Екатеринославской губернии г. Мариуполь.

В июне 1914 г. Акцизным управлениям была разослана информация о том, что сельским обществам предоставлялось право инициировать запрет на торговлю крепкими напитками в казенных и частных местах продажи питей как в праздничные, так и в будние дни [4, Л.125].

В 1914 г. состоялись сельские сходы на территории Мариупольского уезда, на которых были приняты приговоры о закрытии казенных винных лавок и частных пивных в: с. Мангуш [4, Л.159], с. Никольское [4, Л.203], с. Ласпа [4, Л.217], с. Сартана [4, Л.208], с. Старая-Карань [4, Л.220], совместного схода сел Селидовского, Лазоватского, Кочуринского [4, Л.222-223], с. Новотроицкого [4, Л.230], Платоновской волости [4, Л.235], с. Карань [4, Л.238], с. Петровского [4, Л.242], с. Павловского [4, Л.244], с. Захаровского [4, Л.248], с. Больше-Каракубского [4, Л.250], Камарского сельского общества [4, Л.168]. В феврале 1914 г. в приговоре Скотоватского сельского схода было подчеркнuto, что постоянно имели место хулиганство, воровство, жертвы, самоубийства из-за пропитого имущества и т.д. [4, Л.133]. 28 июня 1914 г. был составлен протокол о несоблюдении времени работы пивной лавки в Мариупольском порту [4, Л.173].

В июне 1914 г. при обсуждении вопроса о пресечении уличного распития вина в пос. Юзовке было подчеркнuto, что это происходило вблизи казенных винных лавок. Распитие наблюдалось чаще всего во время обеденного перерыва на местном заводе. Рабочие, выйдя из завода, устремлялись к тем из винных лавок, которые были открыты, покупали в них вино и распивали его на улице. Рекомендовалось установить одновременный перерыв в лавках и на заводах [4, Л.103].

В феврале 1916 г. Управление Акцизными сборами Екатеринославской губернии сообщало, что казенный и ректифицированный спирт, находящийся в цистернах спиртоочистительных заводов и отделений, должен был храниться в этих цистернах в том же количестве, в котором был сдан по документам на 28 января 1915 г. [5, Л.36]. В апреле 1916 г. в документах речь шла о случаях незаконного сбыта спирта из винокуренных заводов. В целях предупреждения злоупотреблений было рекомендовано провести строгий учет спирта, расписав все имеющееся количество. Все хранилища следовало опломбировать так, чтобы доступ к спирту был невозможен без повреждения пломб всех кранов, люков, задвижек и водомерных стекол, фляг, в бочках – втулок, в чанах – кранов,

крышек. Советовали пломбировать не одной бичевкой, а металлическим пластинками так, чтобы краны были неподвижны. Составлялись акты, раз в месяц проводилась ревизия [5, Л.76]. Предписывалось провести опломбировку до 12 июля 1916 г. или рекомендовалось усилить охрану [5, Л.47].

По утвержденному 19 июля 1915 г. положению Совета Министров об установлении акциза на виноградные плодовые, ягодные и изюмные вина, при оплате акциза на товар наклеивались бандероли [5, Л.147]. Продажа крепких напитков была запрещена [5, Л. 150]. В Мариупольской таможне предстояла продажа с аукциона лекарственного вина [5, Л.147]. В связи с запланированной продажей, изъятого таможней, по документам в 1914 г., Департамент таможенных сборов сообщал, что это было возможно при соблюдении определенных условий. Его продажа осуществлялась заведениям, имеющим разрешения на торговлю виноградным вином; лазаретам и госпиталям; частным лицам, имеющим разрешения полиции, акцизного надзора, на право его приобретения [5, Л.150, 155].

В феврале 1916 г. владельцу пивоваренного завода в Мариуполе Екатеринославской губернии А.А. Сиберу было отправлено разъяснение о производстве. Мед не являлся солодовым напитком, производство его из солода на пивоваренном заводе без уплаты акциза, согласно п.4 инструкции Министерства финансов от 18 мая 1916 г., было запрещено. Из солода без уплаты акциза разрешалось выпускать только солодовые напитки, предусмотренные в ст.127 Устава Акцизного от 27 августа 1915 г. [5, Л.34].

В связи с постановлением Совета министров от 22 марта 1916 г. было объявлено, что распределения на поставки спирта в казну в 1917 г. между винокуренными и дрожжево-винокуренными заводами не предполагалось [5, Л.92].

В марте 1916 г. было принято постановление о том, что владельцам закрытых питейных заведений, у которых остались на момент прекращения торговли нереализованные запасы вина, предоставлялась возможность реализации до 1 июля. Данную продукцию приобретали владельцы заведений, обладающие данным правом торговли. До 20 июня служащим Акцизного надзора следовало предоставить отчеты. Запрашивалась информация о закрытых заведениях, не избавившихся от запасов виноградных вин, количестве запасов, был ли уплачен акциз или нет. Следовало указать причины, по которым запасы вин не были ликвидированы [5, Л.117]. 17 июня 1916 г. поступило распоряжение о дополнительном продлении до 1 октября 1916 г. сроков разлива и распродажи имеющихся запасов виноградных, солодовых, ягодных и изюмных вин, для владельцев питейных заведений [5, Л.119].

Было разрешено духовным и хозяйственным правлениям при еврейских молельных синагогах приобретать с 20 марта по 12 апреля 1916 г. необходимое виноградное и изюмное вино в количестве, определенном удостоверениями местных раввинов [5, Л. 54]. Вино «Кошер» могло быть приобретено с 20 марта по 12 апреля 1916 г. из назначенных погребов в г. Екатеринославе – Авраменко, Тавровского, Бертона и Тихомирова, в г. Павлограде – Машкевича; в г. Верхнеднепровске – Немировского и Белоусова; в г. Новомосковске –

Стремовского; в г. Луганске – Крязевой, в г. Бахмуте – Клейлесковой, в г. Никополе – Железнякова [5, Л.55] В марте 1916 г. было выдано разрешение Духовному Правлению молитвенного еврейского дома в п. Гришино на приобретение 45 ведер вина «Кошер» для пасхальных надобностей в погребе Авраменко в г. Екатеринославе [5, Л.63].

В июле 1916 г. от Управляющего акцизными сборами Харьковской губернии поступило уведомление, что при расследовании случаев тайного винокурения и продажи суррогатов были выявлены следующие факты. В Изюмском, Купянском и Старобельском уездах был замечен ввоз крепких напитков из Бахмутского уезда. Преимущественно из каменноугольного района этого уезда, который являлся средоточием тайного винокурения и продажи крепких напитков и их суррогатов не только для Бахмутского уезда, но и для вывоза их в соседние уезды Харьковской губернии через рабочих жителей этих уездов. До этого сельское население Изюмского, Купянского и Старобельского уездов даже не было знакомо со способом приготовления крепкой бражки, и лишь возвращавшиеся домой шахтеры ознакомили своих односельчан с производством этого напитка, а также принесли с собой крепкие напитки и их суррогат для продажи. После запрещения продажи казенного вина, среди жителей пограничных с Бахмутским уездом, Харьковской губернии распространялись слухи о возможном приобретении в Бахмуте, Луганске и Лисичанске подобного вина по высокой цене. Кроме того, в Бахмутском уезде после запрещения продажи казенных питей, появилось винокурение из кишмыша, проникшее и в Изюмский уезд. Было предложено полиции вести борьбу с тайным винокурением, принять самые решительные меры к его искоренению и преследовать виновных [5, Л.146].

В августе 1916 г. Министерство торговли и промышленности при обсуждении и объединении мероприятий по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений после доклада Главноуполномоченного Председателя Особого Совещания по топливу С. С. Чернышева в Министерстве торговли и промышленности направило предписание. Данное распоряжение касалось мер для борьбы с тайным винокурением и продажей питей на территории Екатеринославской губернии. Начальнику полиции было рекомендовано принять самые энергичные меры. Было подчеркнуто, что одним из условий повышения производительности каменноугольных рудников и горных заводов являлось уничтожение тайного винокурения и продажи спиртного, широко распространенное на рудниках и заводах. Принимая во внимание, что производительность каменноугольных рудников и горных заводов обуславливала успешную работу предприятий в деле Государственной обороны [5, Л.147].

О том, что данная работа велась, говорят следующие факты. В августе 1916 г. пристав Рутченковских копей отправил протокол по осмотру вещественных доказательств тайного винокурения. Речь шла о длительной процедуре экспертизы, отправки протоколов о тайном винокурении прокурору [5, Л.156]. Об упрощении процедуры экспертизы и оформления всех последующих бумаг

речь шла и осенью 1916 г. В ноябре было предложено проводить экспертизу определения характера и крепости напитков на местах, и направлять протоколы, составленные полицейскими. Было предложено пользоваться аппаратом, находящимся в акцизной комнате Майорского завода. Если жидкость требовала дальнейшего исследования путем перегонки на специальном аппарате [5, Л.164]. Исследование проводилось с помощью спиртомера на Майорском заводе. По первому требованию предоставлялся перегонный аппарат для экспертизы [5, Л. 165].

Как свидетельствуют данные архивных материалов, в марте 1916 г. были обнаружены факты торговли переработанным денатурированным спиртом [6, Л.13]. Пристав Завода Новороссийского общества в пос. Юзовка составил протоколы дознания об изготовлении и продаже хмельного кваса [6, Л.61], об изготовлении и хранении аппаратов для изготовления спиртных напитков [6, Л. 62].

В марте 1916 г. в с. Авдотьино Григорьевской волости Бахмутского уезда был составлен протокол Окружного надзирателя, о хранении запрещенной спиртосодержащей продукции. Контролеры, надсмотрщик, пристав рудников «Русский-Провиданс», полицейский надзиратель шахты №5 Горловских копей, в присутствии городских Горловских рудников и Дружковского завода, провели обыск помещения, принадлежащего мещанке Зельде Иоселевне Брусиловской, 45 лет. Она оказалась уроженкой с. Медвелевки Чигиринского уезда, Киевской губернии. Было обнаружено: раскрытыми $\frac{1}{4}$ казенного вина, обыкновенного запечатанного вина – 55 бутылок мерой в $\frac{1}{30}$ ведра, столового вина запечатанного 6 бутылок в $\frac{1}{20}$ ведра, столового вина запечатанного в $\frac{2}{40}$, $\frac{3}{20}$ неказенного происхождения крепостью 39,7 градусов, кадка с изюмной массой в состоянии брожения. При составлении протокола за неграмотную владелицу расписались. Изюмное вино вместе с изюмной массой уничтожили [6, Л.100].

К материалам дела прилагались составленные многочисленные акты составленные в течение 1916 г. об осуществлении экспертизы крепости пробы изюмного вина обнаруженного у населения [6, Л. 112, 115, 118, 124, 130, 134, 137, 140, 143, 146]. К делу был подшит рапорт об изъятии и составе аппарата для варки кишмишевой водки у Агафьи Винокуровой [6, Л. 218].

Днем 28 марта 1916 г. городским третьей части Мариуполя Константином Перчуком был задержан человек в нетрезвом виде. Опрошенный после отрезвления оказался крестьянином Тульской губернии Филиппом Николаевичем Дадыкиным в возрасте 21 года. Он утверждал, что приобрел денатурированный спирт в погребе, опрошенный оказался неграмотным. Продажу данного спирта владелец погреба отрицал [6, Л.256]. 17 мая 1916 г. был составлен протокол о задержании одной бутылки водки у мещанина Александра Артемьева [6, Л. 394].

В апреле 1916 г. в пос. Юзовка был составлен протокол о доставке жестяного аппарата для варки кишмишевой водки, состоящего из трех частей. Он был обнаружен в квартире мещанина Климентия Дробицкого, проживающего по 12 линии. Обвиняемый оказался уроженцем Мариуполя 39

лет, утверждал, что аппарат купил накануне у ведерника за 1,5 рубля не для себя, а для последующей его реализации [6, Л. 432, 433].

В июне 1916 г. были доставлены в акцизное управление вещественные доказательства по делу Федора и Ефима Захарченко. Их обвиняли в приготовлении изюмного вина. В ящике с вещественными доказательствами, присланном приставом Мариупольского уезда, находилось не по 2 бутылки, как сообщалось в документах, а всего лишь по одной. Вещественное же доказательство по делу гражданки Глинкиной находящееся в $\frac{1}{4}$ ведра, оказалось утраченным и бутылка была разбита [6, Л. 466].

За период с 23 января 1916 г. по 4 апреля 1916 г. исполняющим обязанности надзирателя второго округа пятого участка Самойловым и контролером того же участка Буковским было обнаружено 13 случаев тайного винокурения. За это им была объявлена благодарность [5, Л.75].

В июле 1916 г. полицейский надзиратель рудников «Ветка» Бахмутского уезда направил рапорт по обвинению Анисии Кондрашевой в тайной продаже хмельного кваса. При этом был направлен квас на определения градусов в количестве $\frac{2}{20}$ ведра [6, Л.541].

20 июня 1916 г. в 9 ч. утра, участковый Надзиратель второй части Мариуполя Львов составил протокол. В этот день, будучи на базаре по делам службы в 8 часов утра, крестьянка Тульской губ. Евдокия Яковлевна Козлова, проживающая в доме Арабаджи, доставила ему на базаре кошелку с 4 бутылками водки и заявила, что данную сумку с водкой она отбила у неизвестного ей человека. Она видела, как ему вручил кошелку с водкой продавец спиртных напитков Исаак Хришинский, а сам вернулся в свою квартиру. Сумку Хришинский отдал неизвестному потому, что боялся полицейского обыска. В то время к его соседу Сагалу пришел Львов с обыском с целью обнаружения похищенных у местных жителей золотых и серебряных вещей. Неизвестный отказался рассказывать о назначении содержимого в сумке и заявил, что ему дал ее Исаак Гришинский, и сейчас же бросил сумку, а сам скрылся. Заявительница Козлова торговала на базаре зелеными продуктами и неоднократно видела, как в квартиру Хришинского заходили лица в трезвом виде, а выходили пожилые и молодые совершенно пьяные. 30 июня по этому делу была опрошена свидетельница, крестьянка Полтавской губернии, Варвара Андреевна Ивашкова, 55 лет. На Базарной площади она торговала зеленью и ежедневно видела, как в квартиру Исаака Хришинского и его сожительницы Сарры Давидовны заходила посторонняя публика. Распивали там водку, напивались допьяна так, что даже иногда бывали драки [6, Л. 507 -508]. 31 июня был опрошен хозяина вышеуказанного дома. Им оказался уроженец г. Липовцы Киевской губ., Исаак Рафаилович Хришинский, 31 год. Ранее осенью 1915 г. в административном порядке он привлекался к ответственности за продажу спиртных напитков на семь суток ареста и 20 руб. штрафа. Движимого имущества, как и капиталов не имел, а существовал на 60 руб. в месяц, заработанных от продажи спиртного, на те же средства и содержал сожительницу Сару Бутылкину. Происхождение

спиртного объяснил покупкой в 8 утра у пришедшего к нему неизвестного армянина [6, Л.508].

В ноябре 1916 г. Врачебное отделение Екатеринославской Губернии уведомяло о том, что проба кваса, приготовленная Логиновым, не была получена. Сообщалось, что, согласно заключения Штатного фармацевта Никитина, крепость кваса 1,8 градусов и даже 2,05 являлась нормальной. Виновными считались те, кто изготавливал и хранил квас с большим градусом спирта. Квас подлежал конфискации, во второй раз нарушения назначался штраф – 50 руб., в третий раз – 200 руб. Данные нормы действовали до 25 августа 1916 г.. 10 июня 1916 г. последовали уточнения к закону. За изготовление для торговли кваса вышеназванной крепости и за приобретение к квасу несвойственных этим напиткам вредных для здоровья веществ (настой табака, калгана, перца и т.п.) также предполагалось наказание. Виновные, кроме уничтожения кваса, в первый раз оплачивали штраф от 50 до 100 руб., и подлежали аресту от 2 недель до 1 месяца. В третий раз подлежали штрафу от 200 до 400 руб. и заключению в тюрьму от 2 до 4 месяцев [6. Л. 619].

В августе 1916 г. в доме Ивана Дмитриевича Будыки в присутствии хозяйки дома Марии Федоровны Будыки 44 лет в с. Ялта был проведен обыск. Окружной надзиратель Каминским с контролером Христофоровым и Ялтинским урядником Корбаня провели досмотр помещений и обнаружили в погребе 11 ведер виноградного вина в двух бочках, из которых в одной было 8 ведер, в другой – 3 ведра, 0,5 ведра в стеклянном бутылке. Было обнаружено 36 бутылок такого же вина. Из показаний хозяйки дома, вино было приготовлено для собственной надобности из собственного винограда, который не продали. Уничтожить виноград означало понести убытки [6, Л. 619, Л. 763].

В ноябре 1916 г. был составлен протокол по обвинению Этли Свердлин в производстве тайного винокурения. Поводом к возбуждению дела послужил арест на ее квартире 7 бутылок со спиртовой жидкостью не казенного происхождения и затора из кишмиша. При отсутствии перегонного аппарата и указания на производство (предположение для суда являлось недействительным) обвинение могло последовать только в хранении водки и приготовлении бражки [5, Л.241]. Составлено донесение о Марии Чайковской, обвиняемой в производстве тайного винокурения. Данное нарушение обнаружил контролер Ивановский. Ему высказали нарекание, что не было других свидетелей [5, Л.242].

Тем не менее, спирт требовался для различных целей. Право на его приобретение выдавали служащие акцизного управления. Спирт требовался, прежде всего, для приготовления кондитерских изделий. Было выдано разрешение кондитерской фабрике Ш. Эйцнова, расположенной в Мариуполе, на приобретение 3 ведер спирта по цене 32 коп. [7, Л.16]. Было разрешено его приобретение для производства уксуса на уксусных заводах и в уксусных заведениях. Наряду с казенным спиртом было выдано разрешение на приобретение вина по цене 5 коп. за градус [5, Л.229].

Для учебного процесса разрешения запрашивали учебные учреждения и органы местного самоуправления. В феврале 1917 г. Мариупольской уездной земской управе было выдано разрешение на право приобретения 3 ведер по цене 32 коп., для химической лаборатории при Мариупольском опытном поле [7, Л. 39]. Директору Мариупольской учительской семинарии для физического и химического кабинета было выдано разрешение на право приобретения 4 ведер по цене 20 коп. [7, Л. 211]. Игнатьевской Второклассной греческой школе Мариупольского уезда, на право приобретения 1 ведра по цене 20 коп. [7, Л.210].

Спирт требовался для медицинских учреждений. Так, в октябре 1916 г. было выдано разрешение старшему врачу завода Новороссийского общества каменноугольного, железного, стального и рельсового производства в пос. Юзовке на право приобрести из Мариупольского казенного склада для больницы данного общества на 1917 год 100 ведер ректифицированного спирта по цене 21 коп. [7, Л.1].

По цене 21 копейка за градус были выданы разрешения в январе 1917 г.. На право приобретения 24 ведер спирта, больнице завода Акционерного общества Русский – Провиданс, расположенного в районе с. Сартана [7, Л.28]. Для аптеки при больнице Рутченковского рудника Акционерного общества Брянского завода на 1917 г. на 5 ведер [7, Л. 5]. Владельцу аптеки Н. П. Никитину в Рутченково Бахмутского уезда на 4 ведра [7, Л. 24]. На 5 ведер больнице Чулковского рудника Акционерного общества Брянского завода [7, Л.30]. На 14 ведер представителю больницы Чутновского рудника для лазарета раненных, которая имела невыполненные разрешения на 1916 г., [7, Л.31-32]. Конторе Берестовского рудника Акционерного общества Сулинского завода, на 3 ведра для больницы и 2 ведер для лазарета при больнице рудника по цене 5 коп. и 21 коп. [7, Л.7]. Провизору с. Николаевка Таганрогского округа Области Войска Донского на приобретение 15 ведер [7, Л.23]. Г.Левитскому для Юзовской аптеки 15 ведер [7, Л.17].

1 февраля 1917 г. было выдано разрешение провизору С.Ф. Макарову на право приобретения 15 ведер, управляющему Юзовской аптекой [7, Л.36]. 6 февраля 1917 г. владельцу аптекой при ст. Юзово на право приобретения 6 ведер [7, Л.38].

О подорожании спирта говорят следующие документы. В ноябре 1917 г. было выдано разрешение Л.И. Сороковичу на приобретение двух ведер спирта для больницы Александровского каменноугольного рудника, расположенного в Юзовке, по цене 32 к. [7, Л 205].

В декабре 1917 г. было выдано разрешение провизору аптеки Беверману, находящейся в с. Криндачевке Области Войска Донского на право приобретения 1 ведра по цене 25 коп. [7, Л.214]. Для Юзовской земской больницы по цене 25 коп. [7, Л.212, 213].

Было выдано разрешение на право приобретения 1 ведра спирта Акционерному обществу Ртутное и Угольное дело Ауэрбаха и К^о по цене 25 коп. [7, Л.218]. Перечисленные факты разрешений на приобретения спирта

предоставляют также информацию о наличии медицинского обеспечения на промышленных предприятиях Юга России.

В январе 1917 г. было выдано 43 разрешения Мариупольской уездной земской управе на получение 272 ведер ректифицированного спирта для следующих врачебных участков: Александровского; Благодатовского; Богатырского; Быщевского с больницей и лазаретом; Больше-Ямпольского; Бальше-Каракубского; Елизаветовского; Ивановского; Игнатьевского с больницей и лазаретом, Камарского; Майорского с больницей и лазаретом; Михайловского с больницей и лазаретом; Мало-Янисольского с больницей; Мангушского; Мариупольского с больницей и лазаретом; Петровского; Новотроцкого; Новоспасовского с больницей и лазаретом; Ново-Каракубского с лазаретом; Павловского с больницей и лазаретом; Покровского; Портового с больницей; Романовского; Стретенского; Сартанского; Старо-Кременчинского; Темрюкского с больницей и лазаретом; Ялтинского, санитарному врачу для борьбы с эпидемиями; для Лазарета в доме Бремера; для Лазарета в 12-й школе – 10 ведер; для Лазарета сельских обществ; для ветеринарных участков – Александровского со скотолечебницей, Больше-Янисольского, Игнатьевского, Мариупольского, Благодатовского, Ялтинского, Мало-Янисольского, Михайловского, Новоспасовского, Павловского [7, Л.3].

Были выданы разрешения на приобретение спирта по цене 21 коп. за градус следующим лицам: управляющему Платоновской аптекой при ст. Волноваха на 5 ведер [7, Л. 13]. аптекарскому помощнику в с. Старая Карань – 5 в. [7, Л.14], управляющему сельской аптекой в с. Еленовка – 2 в. [7, Л.25], управляющему сельской аптекой в с. Стыла – 3 в. [7, л.26], держателю аптеки в с. Бешево, на 4 в. [7, Л. 27], Больше-Янисольской сельской аптеки – 5 в. [7, Л.29], управляющему аптекой в с. Мангуш – 3 в. [7, Л.33], на 3 ведра держателю аптеки в с. Марьенка [7, Л.34], на 4 ведра управляющему аптекой в с. Темрюки [7, Л.37], управляющему Мало-Янисольской аптекой – 3 в. [7, Л.18], управляющему аптекой в с. Старо-Керменчик – 5 в. [7, Л.22], управляющему аптекой в Мариупольском коммерческом порту – 8 в. [7, Л.21], аптекарскому помощнику А. З. Ротману Мариупольской сельской аптеки – 3 в. [7, Л.15], Мариупольской городской больнице и аптеке – 30 в. по 15 коп. [7, Л.6]. 22 декабря 1916 г. Мариупольской городской артельной аптеке, на 1917 год 50 в. по 15 копеек [7, Л.2]. Таким образом, перечисленные факты предоставления разрешений на продажу спирта для сельских и городских аптек позволяют говорить о созданной и в определенном смысле развитой аптечной системе на территории Екатеринославской губернии.

Встречаются также обращения в Акцизное управление с просьбой разрешить приобретение спирта от военных властей и воинских частей в 1916-1917 гг.. для лазаретов раненых, госпиталей и т.д. В июне 1916 г. сообщалось, что порядок выдачи разрешений на право пользования денатурированным спиртом офицерам и военным чиновникам, указанным в предписании 27 мая 1916 г. не распространялось на Мариупольский уезд Екатеринославской губернии как находящийся в районе военных действий и входивший в состав

Московского Военного округа [5, Л.114]. В мае 1916 г. по ходатайству начальника Мариупольского торгового порта и распоряжению Главного управления разрешалось Начальнику названного порта получить из Мариупольского казенного склада ректифицированный спирт для надобностей прибывающих в Мариупольский порт военных транспортов в количестве не более 1 ведра в каждом отдельном случае по цене 3,5 коп. за градус [5, Л.90].

Командир второго Прибалтийского полка просил отпустить полковому лазарету действующей армии из Мариупольского склада через корнета Полинцева 5 ведер. Было разрешено отпустить только два [7, Л.19]. Военному губернатору и Начальнику Гарнизона Мариуполя было разрешено приобрести 1 ведро по цене 32 к. для технических надобностей [7, Л.35]. Ветеринарный врач 38 Армейского корпуса действующей армии просил отпустить 2 ведра спирта 62 Полковому Артиллерийскому дивизиону через командированного солдата Якименко [7, Л.202]. Командир 62 Сибирского Стрелкового Полка действующей армии просил отпустить из Мариупольского склада 2 ведра спирта через подпоручика Скриншикова [7, Л.199].

В декабре 1917 г. Старшему врачу 11-го дивизионного войскового подвижного госпиталя было выдано разрешение на приобретение 1 ведра спирта по 9 коп. [7, Л.220]. Разрешение главному врачу передвижного отряда 7-го кавалерийской дивизии 3 ведра спирта по 9 коп. [7, Л.217, 218]. В ноябре 1917 года начальнику дивизии 15 Фельдфебельскому стрелковому полку было выдано разрешение на приобретение 1 ведра по 9 коп. [7, Л.207].

Командир транспорта «Сухумь» Черноморского флота и находящегося в Мариупольском порту по причине погрузки в него топлива Мариупольского ведомства, ходатайствовал об отпуске для технических и медицинских целей 2 ведер. Было выдано разрешение на продажу одной четверти чистого спирта, одного ведра и двух четвертей – спирта денатурированного [7, Л.85].

Командир расположенного Мариупольского 2 полка просил телеграфировать отпуск одного ведра для позолоты иконостаса полковой церкви [7, Л.143]. Начальник четвертой Финляндской дивизии просил отпустить с Мариупольского склада 1 ведро санитарному околотку 15 финляндского стрелкового полка через командированного Унгера [7, Л.208-209].

Были случаи обнаружения, хищения или недостачи спирта. Так, в ноябре 1917 г. врач Павловской больницы В. К. Эрбер в письме написал о том, что при взвешивании полученного 28 октября ведра винного спирта в баллоне не хватало 3-х фунтов спирта, хотя пломба была цела. Получающий из винного склада спирт Максенко сказал, что тот был нечаянно пролит лицом его отпускавшим [7, Л. 196].

В январе 1916 г. из с. Малый-Янисоль сообщалось, что было проведено дознание по доносу аптекарского помощника Шмуля-Иды Лейбова Вайнштейна на владельца аптеки, аптекарского помощника Владимира Исаака Волошина. Последний неправильно вел учет прихода и расхода спирта и отпускал частным лицам в большом количестве спирт и виноградное вино. При проверке сельской аптеки на месте не оказалось разрешения на приобретение спирта и книги для

учета расходования спирта. Было установлено, что во второй половине 1915 г. хозяин аптеки получил из Мариупольского винного склада 5,5 ведер спирта. 30 января 1916 г. при осмотре аптеки было обнаружено только около 2-х ведер. Путем допросов свидетелей была установлена неразрешенная продажа спирта из аптеки Волошина без рецептов врача [6, Л.96-99].

В июне 1916 г. было установлено, что аптекарский помощник Мало-Янисольской аптеки Яков Давыдович Познанский продал 3 больших бутылки спирта пяти цыганам. Данные лица были обнаружены пьяными, нашлись и свидетели [8, Л. 9]. В сентябре 1916 г. был составлен протокол в г. Мариуполе по доносу о тайной торговле казенным вином из Мариупольской городской аптеки [8, Л. 166].

Так, в материалах за октябрь 1917 г. прилагался акт обыска одной из квартир Мариуполя. В 12 ночи с 4 на 5 октября 1917 г. помощник начальника участковый произвел обыск в присутствии понятых в квартире Герша Гершевича Вайнера мещанина г. Мариуполя 59 лет, иудейского вероисповедания. Было найдено 4 больших ящика, с 66 четвертей и 1 четвертью в шкафу, итого 67 четвертей с ярлыками, казенное вино, крепостью 40°, но при вскрытии одной оказалось, что в ней не водка, а чистый спирт. Очевидно, во всех остальных также находился чистый спирт.

Герш Вайнер дал показания: «4 сентября в 3 ч. 30 минут ко мне пришел Исаак Гинсбург и сказал, что он везет 4 ящика и просит меня разрешить ему поставить их, так как лопнула рессора. Я позволил. На скольких подводах были привезены эти ящики я не знаю, что в них было тоже не знаю, так как не поинтересовался узнать». В ту же ночь был сделан обыск на квартире Исаака Абрамовича Гинсбурга, иудейского вероисповедания. Обыск не дал результатов. Протокол допроса Исаака: «В 8 ч. утра 4 сентября 1917 г. я встретил на Большой улице человека в военной форме, который попросил меня на некоторое время взять к себе спирт, который он должен был отправить на фронт, при этом он показал документы на получение этого спирта. Одну четверть спирта я раскрыл у Герша Вайнера, куда они потом делись не знаю» [7, Л.156].

Вследствие предложения Мариупольского общественного исполкома от 22 сентября 1917 г. спиртные и водочные конфискаты, отобранные у населения милицией следовало перелить в цистерны со спиртом [7, Л.154].

Таким образом, в связи с ограничительными мерами употребления спиртосодержащих напитков сокращается и их производство, а имеющиеся запасы подлежали строгой охране и отчетности. Конфискованные лекарственные вина реализовывались с аукциона на определенных условиях. Владельцам закрытых питейных заведений, у которых остались на момент прекращения торговли нереализованные запасы вина, предоставлялась возможность избавиться от них до 1 октября 1916 г. Духовным и хозяйственным правлениям при еврейских молельных синагогах было разрешено приобретать необходимое виноградное и изюмное вино в определенное время и в ограниченном количестве. Ограничительные меры вызвали распространения тайного винокурения и употребление суррогатов.

Производство спирта не было остановлено. Как свидетельствуют документы, население идет на всевозможные ухищрения. Проведенный анализ материалов Акцизного управления позволяет сделать вывод, что спирт был востребован и необходим, несмотря на существующие запреты. Основной мерой измерения было ведро. Определилось несколько категорий потребителей: лаборатории при учебных заведениях, аптеки, больницы и врачебные участки, лазареты и воинские части. На предоставляемую продукцию были установлены и различные цены, что позволяет сделать вывод о том, что широкому потребителю цена была назначена от 21 коп. за градус, военным частям по 9 коп. за градус. Случаи отказов в предоставлении разрешения на покупку спирта были редкостью, из всех изученных материалов только в одном случае было отказано в разрешении, поскольку не была обоснована необходимость его приобретения.

Список источников и литературы:

1. Чагадаева О. А. «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. А. Чагадаева. – Москва, 2013. – 32 с.

2. История питейного дела и трезвеннического движения в России с древнейших времен до наших дней : материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 28–30 июня 2021 г.) / Российская национальная библиотека, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Международная ассоциация исследователей истории торговли, купечества и таможенного дела ; сост. А. И. Раздорский. – Санкт-Петербург, 2021. – 460 с. – URL: <https://nepsis.ru/wp-content/uploads/2022/12/statya-kavecckoj-v.v.sbornik-materialov-2021-2.pdf> (дата обращения: 15.02.2026).

3. Разумная Н. Н. «Сухой закон» в годы Первой мировой войны (в освещении «Народной газеты» Бахмутского земства) / Н. Н. Разумная // Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество : сб. ст. междунар. науч. конф. (Новороссийск, 12–15 сентября 2016 г.). – Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. – С. 139–143.

4. Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). Ф. 116. Оп. 1. Д. 8.

5. Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). Ф. 116. Оп. 1. Д. 13. Циркуляры управляющего акцизными сборами Екатеринославской губернии.

6. Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). Ф. 116. Оп. 1. Д. 11. Протоколы, акты окружного надзирателя, переписка со съездом мировых судей и губернским акцизным управлением о нарушении Устава об акцизных сборах.

7. Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). Ф. 116. Оп. 1. Д. 10. Прошения и справки о выдаче спирта для больниц, лазаретов, аптек и др.

8. Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). Ф. 116. Оп. 1. Д. 14. Протоколы окружного надзирателя и переписка с губернским акцизным управлением о тайном беспошлинном винокурении.

REFERENCES

1. Chagadaeva O. A. (2013). “Sukhoi zakon” v Rossiiskoi imperii v gody Pervoi mirovoi voiny (po materialam Petrograda i Moskvy) [“Dry Law” in the Russian Empire during the First World War (based on materials from Petrograd and Moscow)]. Abstract of PhD thesis in History. Moscow. 32 p. (In Russian).

2. Istoriya piteinogo dela i trezvennicheskogo dvizheniya v Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of the drinking business and the temperance movement in Russia from ancient times to the present day] (2021). Materials of the International Scientific Conference (St. Petersburg, June 28–30, 2021). Compiled by A. I. Razdorsky. St. Petersburg. 460 p. Available at: <https://nepsis.ru/wp-content/uploads/2022/12/statya-kaveczkoy-v.v.sbornik-materialov-2021-2.pdf> (accessed 15 February 2026). (In Russian).

3. Razumnaya N. N. (2016). “Sukhoi zakon” v gody Pervoi mirovoi voiny (v osveshchenii “Narodnoi gazety” Bakhmutskogo zemstva) [“Dry Law” during the First World War (in the coverage of the “People’s Newspaper” of Bakhmut Zemstvo)]. In: Pamyat’ i vremya: vliyanie voyn i vooruzhennykh konfliktov XX v. na rossiiskoe obshchestvo [Memory and Time: the Influence of Wars and Armed Conflicts of the 20th Century on Russian Society]. Proceedings of the International Scientific Conference (Novorossiysk, 12–15 September 2016). Penza: PGU Publ. P. 139–143. (In Russian).

4. Gosudarstvennyi arkhiv Donetskoi Narodnoi Respubliki (GA DNR). F. 116. Op. 1. D. 8. (In Russian).

5. Gosudarstvennyi arkhiv Donetskoi Narodnoi Respubliki (GA DNR). F. 116. Op. 1. D. 13. Tsirkulyary upravlyayushchego aktsiznymi sborami Ekaterinoslavskoi gubernii [Circulars of the Head of Excise Duties of Yekaterinoslav Governorate]. (In Russian).

6. Gosudarstvennyi arkhiv Donetskoi Narodnoi Respubliki (GA DNR). F. 116. Op. 1. D. 11. Protokoly, akty okruzhnogo nadziratelya, perepiska so s"ezdom mirovykh sudei i gubernskim aktsiznym upravleniem o narushenii Ustava ob aktsiznykh sborakh [Protocols, acts of the district supervisor, correspondence with the Congress of Magistrates and the provincial excise department on violation of the Statute on Excise Duties]. (In Russian).

7. Gosudarstvennyi arkhiv Donetskoi Narodnoi Respubliki (GA DNR). F. 116. Op. 1. D. 10. Prosheniya i spravki o vydache spirta dlya bol'nits, lazaretov, aptek i dr. [Petitions and certificates for the issuance of alcohol for hospitals, infirmaries, pharmacies, etc.]. (In Russian).

8. Gosudarstvennyi arkhiv Donetskoi Narodnoi Respubliki (GA DNR). F. 116. Op. 1. D. 14. Protokoly okruzhnogo nadziratelya i perepiska s gubernskim aktsiznym

upravleniem o tainom besposhlinnom vinokurenii [Protocols of the district supervisor and correspondence with the provincial excise department on secret duty-free distilling]. (In Russian).

Данные автора статьи

Разумная Надежда Николаевна

Razumnaya Nadezhda Nikolaevna

УДК 94(477.6)"1943"

DOI: 10.5281/zenodo.20693221

EDN: WTEUTU

Г.В. Мишечкин

кандидат исторических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»

E-mail: mishechkin2213@mail.ru

54-Я ГВАРДЕЙСКАЯ СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ В ДОНБАССКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ 1943 ГОДА

Аннотация

В статье на основе, в первую очередь, оперативно-тактических документов, представлен анализ боевой деятельности 54-й гвардейской стрелковой дивизии в ходе Донбасской стратегической наступательной операции 1943 года. Автор акцентирует внимание на особенностях и ключевых аспектах боевой работы.

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, Южный фронт, 3-й гвардейский стрелковый корпус, 54-я гвардейская стрелковая дивизия, М.М. Данилов, Донбасс, Донбасская стратегическая наступательная операция, Красная армия, вермахт.*

Summary

The article presents an analysis of the combat activities of the 54th Guards Rifle Division during the Donbass Strategic Offensive Operation of 1943, based primarily on operational-tactical documents. The author focuses on the features and key aspects of combat operations.

***Keywords:** The Great Patriotic War, South Front, 3rd Guards Rifle Corps, 54th Guards Rifle Division, M.M. Danilov, Donbass, Donbass Strategic Offensive Operation, the Red Army, the Wehrmacht.*

Великая Отечественная война – неиссякаемый источник информации, черпать из которого будут до тех пор, пока существует Россия как самобытное государство-цивилизация, фундаментом российского общества являются традиционные духовные ценности, а живущие поколения россиян ощущают связь с судьбой ушедших поколений, с теми, кто отдал свою жизнь за свободу и независимость Родины.

В период проведения Специальной военной операции, с освобождением населенных пунктов в Донбассе, все чаще поднимаются вопросы, связанные с изгнанием врага из Донецкого региона в годы Великой Отечественной войны,

боевой деятельностью частей и соединений Рабоче-Крестьянской Красной Армии (далее – РККА) и Военно-морского флота.

Несмотря на «архивную революцию», возросшую возможность ознакомления и изучения документов противоборствующих сторон, далеко не все эпизоды и аспекты ликвидации нацистской оккупации в нашем регионе в ходе Донбасской стратегической наступательной операции (13 августа – 22 сентября 1943 г.) известны и в полной мере освещены. Среди них – боевая деятельность 54-й гвардейской стрелковой дивизии (полное наименование – 54-я Гвардейская стрелковая Макеевская ордена Ленина, Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова дивизия; далее по тексту – 54 Гв. сд) в ходе указанной стратегической операции РККА. Важно подчеркнуть, что по итогам Донбасской операции дивизия получила почетное наименование «Макеевская». Дополнительный интерес к названному соединению связан еще и с тем, что в январе 2026 года исполнилось 125 лет командиру дивизии – генерал-майору Михаилу Матвеевичу Данилову, прошедшему всю войну и принимавшему участие в целом ряде ключевых сражений – в Московской и Сталинградской битвах, Среднедонской, Донбасской, Никопольско-Криворожской, Люблин-Брестской, Инстербургско-Кенигсбергской, Берлинской и Пражской операциях.

Историография анализируемого вопроса не столь широка, хотя он отчасти освещается в целом ряде публикаций – монографиях, статьях, очерках и т. д. [1–14]. Указанная тема частично представлена в коллективной монографии «Донбасс 1943. Освобождение индустриального сердца России» [15]. В названных исследованиях боевая деятельность 54 Гв. сд подается фрагментарно, в общем русле Донбасской стратегической наступательной операции. Исключение составляет военно-исторический очерк Г. И. Хрупачева и С. С. Хивренко, который непосредственно посвящен боевой деятельности дивизии [16]. Тем не менее, следует констатировать, что данная публикация посвящена всему периоду Великой Отечественной войны, а не только избранной нами проблеме и временному промежутку. Авторы очерка были непосредственными участниками Донбасской операции, и эмоциональная сторона темы передана достаточно хорошо. Однако, обозначенная работа страдает общими недостатками, присущими очеркам и мемуарной литературе. Отдельные факты, которые приводятся в ней, не в полной мере подтверждаются источниками.

Донбасская операция 1943 г. отражена в зарубежной историографии, в частности в исследованиях Э. Земке, К. Пауля, Р. Тёппеля, К.-Х. Фризера и др. [17–21]. Однако интересующий нас аспект не затронут, зарубежные исследования помогают представить только общий фон операции. К тому же, они зачастую субъективны и предвзяты.

Переходя к анализу источниковой базы, следует отметить, что с каждым годом появляется все больше документов, в которых представлена боевая деятельность 54 Гв. сд – непосредственно документы дивизии, а также тех соединений, которые действовали по соседству – 50-я гвардейская стрелковая дивизия (далее – 50 Гв. сд) и 96-я гвардейская стрелковая дивизия (далее – 96 Гв. сд), либо куда входила 54 Гв. сд – 3-й гвардейский стрелковый корпус (3 Гв. ск),

5-я Ударная армия (5 УА), Южный фронт (ЮФ). К сожалению, мало сохранилось документов воинских частей, находившихся в подчинении 54 Гв. сд.

Определенную помощь при написании работы оказали немецкие документы 6-й полевой армии вермахта (далее – 6 А вермахта), которые находятся на Интернет-ресурсе «Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г.». Но эти документы зачастую касаются армейского и корпусного звена, что не способствует более полному раскрытию выбранной темы. В небольшом исследовании сложно сделать полный историографический обзор и целостно охарактеризовать источниковедческую базу анализируемой проблемы.

Учитывая вышесказанное, в исследовании поставлена цель – выявление особенностей и анализ ключевых аспектов боевой деятельности 54 Гв. сд в Донбасской стратегической наступательной операции 1943 года, опираясь, в первую очередь на оперативно-тактические советские и немецкие документы.

Предваряя изложение основного материала по сути проблемы, следует напомнить, что в соответствии с документами, 13 августа 1943 года (т. е. в день, когда с наступления правого крыла Юго-Западного фронта началась Донбасская операция) в состав 5 УА ЮФ прибыл 3 Гв. ск (включал управление корпуса, 50 и 54 Гв. сд) и 387 стрелковая дивизия. 54 Гв. сд, как и весь 3 Гв. ск, получила приказ быть готовой к наступлению к 18.00 17 августа 1943 года [22, л. 8]. Заранее предупредим, что состав 3 Гв. ск в ходе Донбасской операции будет существенно меняться, но его основными структурными подразделениями будут 50, 54 и 96 Гв. сд., хотя последняя какое-то время будет действовать в составе особой опергруппы 5 УА (при взятии Саур-Могилы) или находиться в ее резерве.

Еще 13 августа был взят в плен разведгруппой в районе высоты 174.6 немецкий ефрейтор Вернер Рихтер, который принадлежал 11-й роте 515-го пехотного полка 294-й пехотной дивизии (далее – 294 пд). При этом, 54 Гв. сд к утру 15 августа находилась в районе юго-восточных скатов высоты 131.3 и балки Дедова, а 16 августа продолжалась частичная перегруппировка сил 5 УА для предстоящего наступления [22, л. 11-12].

Перед началом наступления в 3 Гв. ск вместе с частями усиления насчитывалось 12 231 человек (кроме 96 Гв. сд, которая находилась в резерве командарма 5 УА генерал-лейтенанта В.Д. Цветаева). 18 августа после мощной артподготовки в 7.15 войска ЮФ (5 УА, 2 гвардейская и часть сил 28-й армий) перешли в наступление. 5 УА продвинулась до 8-10 км, что было на тот момент наибольшим показателем для частей фронта. В армейских документах также зафиксировано, что части 3 Гв. ск, т. е. 50 Гв. сд и 54 Гв. сд, своими атакующими действиями вышли на рубежи населенных пунктов Калиновка, 2,5 км юго-западнее Елизаветинский, а также высоты 175.5 [22, л. 15-17]. В своих послевоенных мемуарах В.С. Антонов также отметил, что «наиболее успешно наступали» 50 Гв. сд и 54 Гв. сд [2, с. 14]. Важно дополнить, что за указанными дивизиями в качестве эшелона развития успеха наступал 4-й гвардейский механизированный корпус (далее – 4 Гв. мк) Т.И. Танасчишина.

Согласно документов 54 Гв. сд, «командир дивизии гвардии генерал-майор Данилов решил нанести главный удар своим правым флангом в направлении РЕПЕХОВАТАЯ, ЕЛИЗАВЕТИНСКИЙ в составе 163 гв сп /командир полка гвардии майор БУГАЕВ/ и вспомогательный удар наносил 162 гв сп /командир полка гвардии подполковник ШЕВЧЕНКО/ [*Названия населенных пунктов и фамилии командиров полков в документах обозначены заглавными буквами; Григорий Онуфриевич Шевченко погиб 20 августа 1943 года – М.Г.В.*]. Дивизия выполнила боевую задачу раньше срока, в тяжелых боях противник уничтожался, в т. ч. в «рукопашной схватке штыком и гранатой». Только во второй половине дня был введен в бой резерв комдива – 160-й гвардейский стрелковый полк (командир полка гвардии подполковник Яценко) [23, Л. 64-65].

В оперативных документах 6 А вермахта засвидетельствовано, что наступление советских войск 18 августа определено «не сковывающей атакой», а «новой попыткой прорыва». Кроме того, подтверждался прорыв 5 УА, и тот факт, что высота населенного пункта Крепаки перешла под контроль советских войск, а «главный удар противника нацелен на 294 пд». Констатировалось, что «противник ввел в бой только 4-й гвардейский мехкорпус с 60 танками». В немецких документах указывалось, что к концу дня у Калиновки «врагу удалось совершить глубокое, но не очень широкое вклинение» [24].

Используя полнолунную ночь, на чем заострялось внимание в немецких документах [25], войска 5 УА совместно с 4 Гв. мк продолжали наступление и согласно Журналу боевых действий армии, захватили населенные пункты Семёновский, Криничка, Артемовка, Рубашкино, Надежный, Колпаковка, Ольховский. При этом, по советским данным, за 19 августа самолеты люфтваффе совершили «360 самолетопрелетов» с целью приостановить или существенно замедлить советское наступление [22, Л. 18]. Занятие Кринички и Артемовки, вхождение танков и мотопехоты в Колпаковку, создание плацдарма у Надежного полностью подтверждаются в немецких документах [24].

В то время, когда 5 УА решала «проблему неба» (принято решение, что 18-й зенитный артдивизион переподчинили командующему 5 УА), немецкая разведка обнаружила, что против XVII армейского корпуса 6 А вермахта находится одна 50 Гв. сд, что определялось немецким командованием как хорошие шансы на успех контр наступления [26].

20–21 августа 1943 года в районе населенного пункта Семеновский и высоты 188.4 наблюдались ожесточенные бои – «качели», обозначенными объектами 20 августа овладели немцы, а на следующий день – советские части, что не в полной мере отражено в документах 5 УА, но хорошо прослеживается в оперативных бумагах 6 А вермахта [27].

21-22 августа 1943 года количество «самолетопрелетов» уменьшилось по сравнению с первыми днями операции, но все же представляло серьезную угрозу – 256 и 168 пролетов самолетов люфтваффе за 21 и 22 августа соответственно [22, Л. 25, 27].

Противник не оставлял надежд провести серьезные контратаки и 23 августа на участке Криничка, Артемовка, по советским данным, силами свыше

полка пехоты и до 85 танков осуществил, и в итоге в 8.00 овладел указанными населенными пунктами [22, Л. 28]. 163 Гв. сп 54 Гв. сд удерживал рубежи Бол. Мешково, Благодатного, освобожденные в ночь на 23 августа, в то время как 160 Гв. сп перерезал железную дорогу Таганрог-Сталино, овладев железнодорожной станцией и городом Донецко-Амвросиевка (Амвросиевка) [23, Л. 65].

В журнале боевых действий 5 УА указано, что частями 3 Гв. ск только «в ночь на 24.8.43» армия овладела населенными пунктами «Криничка, Артемовка (первое и второе вторично), Бол. Мешково, Амвросиевка, Донецко-Амвросиевка» [22, Л. 30]. Как видим, есть небольшие расхождения в документах дивизии и армии в отношении даты освобождения Донецко-Амвросиевки (Амвросиевки). Следует указать, что одну из ключевых ролей при освобождении Амвросиевки сыграл 4 Гв. мк.

На наш взгляд, показательным, что именно 23 августа 1943 года в приказе командующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала Э. фон Манштейна командующему 6 А – генералу пехоты К.-А. Холлидту определена важность исторического момента: «В текущем кульминационном моменте сражения, в котором неприятель уже успел очень тяжело пострадать, победителем останется тот, чьи силы закончатся минутой позже, чем у другого» [28].

С 24 по 27 августа «54 Гв. сд обеспечивая левый фланг корпуса, перешла к обороне», отражая контратаки противника. 162 Гв. сп оборонялся у Бол. Мешково, 163 Гв. сп – у Благодатного, южной окраины Надежного, 162 Гв. сп – на северо-западной окраине Амвросиевки, южной окраине Колпаковки [22, л. 31]. В соответствии с журналом боевых действий 5 УА, 3 Гв. ск перешел в наступление 27 августа 1943 года. Фланги корпуса обеспечивали 78 Укрепленный район и 54 Гв. сд, только один усиленный батальон дивизии находился в движении по направлению к населенному пункту Николаевка [22, Л. 36-38]. За 28-31 августа дивизия смогла, выполняя приказ командующего 3 Гв. ск генерал-майора А.И. Белова, овладеть Свистунами, Ново-Петровкой, высотами 189,2, 180, 3 и 202, 5 и вновь перешла к обороне [23, Л. 66].

В преддверии решительного наступления, 5 УА была усилена 30 августа 9-м Краснознаменным стрелковым корпусом (далее – 9 Кск). Кроме того, части 96-й и 40-й гвардейских стрелковых дивизий 5 УА овладели очень важной в тактическом плане высотой 277,9 – Саур-Могилой. 31 августа части XVII армейского корпуса 6 А вермахта отбили ее, но через несколько часов высота вновь была взята нашими войсками [22, Л. 43].

В предпоследний день лета 1943 г. начальник штаба отдал приказ оберквартирмейстеру 6 А: немедленно начать вывоз и подготовку к уничтожению всех промышленных объектов, лежащих перед позицией «Черепаша» [*линия немецкой обороны, находящаяся на высоком берегу реки Кальмиус – М.Г.В.*] [29]. Был отдан очередной приказ о тотальной ликвидации всех социально-экономических объектов в Донбассе. С учетом нацистской политики выжженной земли, руководство РККА торопилось и делало все, чтобы Донбасская наступательная операция как можно скорее вошла в решающую стадию.

В конце августа 1943 года, ввиду болезни гвардии генерал-майора М.М. Данилова, временно исполнять обязанности командира дивизии стал гвардии подполковник Г.Л. Рыбалка. Кроме того, в очерке «54-я Гвардейская Макеевская стрелковая дивизия в боях за Отечество» отмечалось, что комдивом он был до 25 сентября 1943 года [16, с. 63]. Информация об этой временной кадровой перестановке отсутствует в документах 54 Гв. сд, 3 Гв. ск, 5 УА, но тот факт, что большинство наградных документов по дивизии в сентябре 1943 г. подписывал Г.Л. Рыбалка об этом свидетельствует.

Согласно документов 5 УА, боевой состав 54 Гв. сд и соседней 50 Гв. сд, на 1 сентября 1943 года характеризовался показателями, отображенными в Таблице 1.

Таблица 1. Боевой состав 54 Гв. сд и 50 Гв. сд на 1 сентября 1943 года [22, Л. 46]

Личный состав	Офицеры	Сержанты	Рядовые	Всего
50 Гв. сд	711	932	2435	4078
54 Гв. сд	643	844	3331	4818

Следует заметить, что 54 Гв. сд по численности была одной из наиболее укомплектованных среди других дивизий 5 УА (без учета подъехавших дивизий 9 Кск), уступая по численности только 99-й и 126-й стрелковым дивизиям 55-го стрелкового корпуса.

Лошадей в дивизии перед решительным наступлением насчитывалось 616, автомашин – 84 ед., винтовок – 2 453 ед., автоматов ППШ – 1 512 ед. Численность пулеметов, минометов и орудий указанной дивизии и ее соседки – 50 Гв. сд на 1 сентября 1943 г. представлена в Таблице 2.

Таблица 2. Отдельные показатели материальной части 54 Гв. сд и 50 Гв. сд на 1 сентября 1943 года [22, Л. 46].

Показатель	Пулеметы			Минометы		Орудия		
	Ручной	Станковый	Зенитный	120 мм	82 мм	122 мм	76 мм	ПТ*
50 Гв. сд	60	19	-	9	28	8	25	28
54 Гв. сд	67	48	3	11	33	8	25	28

* противотанковые орудия

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие зенитных орудий, и полное – тяжелой артиллерии, в частности 152 мм орудий.

В период с 1 по 4 сентября части 54 Гв. сд с боями, «ломаю сопротивление противника», овладели высотой 205,0, населенными пунктами Григорьевка, 2-м отделением совхоза «Металлист». 4 сентября 160 Гв. сп 54 Гв. сд во взаимодействии с частями 96-й Гв. сд, вышел на юго-западную окраину г. Иловайск, 162 Гв. сп – на южную окраину Иловайской, а 163 Гв. сп на северо-

западную окраину Иловайской. В документах дивизии подытожено, что на выше указанную дату «дивизия подошла к важнейшему угольному бассейну страны – центру Донбасса – Макеевка-Сталино» [23, Л. 66].

В журнале боевых действий 3 Гв. ск за 4 сентября 1943 г. указывалось, что «54 Гв. сд, сея панику в тылу отступающего пр-ка [*противника – М.Г.В.*] путём высадки небольших подвижных групп и уничтожая прикрывающие части к исходу дня вышла на рубеж: кладбище сев. Нов. Николаевка, перекресток дорог /.../ [*в скобках неразборчиво – М.Г.В.*] зап. окраины Иловайская, фронтом на северо-запад» [30, Л. 105 об.].

6 сентября 54 Гв. сд вела бои в пригородной зоне Макеевки, встретила контратаки роты пехоты противника, поддержанной танками и «на плечах отступающих ворвалась в гор. Макеевка с южной стороны» [30, Л. 109 об.]. При этом, в первом эшелоне действовали 162 и 163 Гв. сп, а во втором – 160 Гв. сп дивизии [23, Л. 66].

В журнале боевых действий 125-го гвардейского артиллерийского полка (далее – 125 Гв. ап) 54 Гв. сд за 8 сентября 1943 записано: «Особенную смелость и находчивость в бою за Макеевку проявил ком-р 1 дивизиона Гв. капитан Шурлаков Алексей Игнатьевич. Под его руководством дивизион самостоятельно отбил контратаку немцев силою до батальона пехоты при поддержке 6 танков и 7 самоходных орудий» [31, Л. 85 об.].

Скучно и схематично в журналах боевых действий 54 Гв. сд, 3 Гв. ск и 5 УА отображена информация о боевой деятельности 54 Гв. сд за 7-8 сентября 1943 года. Однозначно указано, что дивизия генерал-майора М.М. Данилова принимала участие в боях за Сталино, к исходу 7 сентября вместе с другими частями овладела Сталино и заняла оборону в западной части города [23, Л. 66].

Армейский журнал боевых действий дает информацию в целом по 3 Гв. ск, в отношении которого зафиксировано: «3-й Гвардейский стрелковый корпус под командованием Гвардии Генерал-майора [*в тексте звание записано заглавными буквами – М.Г.В.*] Белова овладел юго-восточной частью города и к 21.00 7.9.43 вышел в западную часть, занимая кварталы 192, 159, 229» [22, Л. 59].

10-12 сентября 1943 г., после овладения Рутченково, 54 Гв. сд стала преследовать противника в юго-западном направлении. К концу 14 сентября полки дивизии – 162, 163 и 160 Гв. сп – вышли в район населенных пунктов Привольный, Раздольный, Красный Маяк соответственно [23, Л. 67]. Активная фаза Донбасской операции 1943 года подошла к своему логическому завершению.

Таким образом, боевая деятельность 54 Гв. сд в ходе Донбасской стратегической наступательной операции характеризовалась тем, что соединение находилось на ключевых направлениях не только 3 Гв. ск, но и 5 УА и ЮФ. Документы свидетельствуют, что за период с 17 августа по 15 сентября 1943 года дивизия прошла 270 км, освободив 72 населенных пункта, в т. ч. Донецко-Амвросиевку (Амвросиевку), Иловайск, Сталино, Рутченково, Макеевку. Не случайно, приказом Верховного Главнокомандующего от 8 сентября 1943 года за освобождение последнего упомянутого города, дивизии,

как отличившейся в боях, было присвоено почетное наименование «Макеевская» [23, Л. 67].

В дальнейшем 54-я Гвардейская стрелковая Макеевская ордена Ленина Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова дивизия прошла славный боевой путь, участвуя в освобождении Левобережья Днепра, Беларуси, в Инстербургско-Кенигсбергской, Берлинской и Пражской операциях. До конца войны ее бессменным командиром был генерал-майор Михаил Матвеевич Данилов.

Данное исследование не раскрывает в полной мере боевую деятельность 54 Гв. сд в Донбасской стратегической наступательной операции 1943 года, но полагаем, позволит приблизиться к более глубокому анализу хода указанной операции на примере боевой работы различных подразделений РККА.

Список источников и литературы:

1. Агапов В.Л. Штурм Саур-Могилы 29–31 августа 1943 г.: этапы и проблемы изучения // Вестник ДонНУ. Сер. Б: Гуманитарные науки. – 2023. – № 2. – С. 5-14.
2. Антонов В. С. Путь к Берлину. – М.: Наука, 1975. – 378 с.
3. Бирюзов С.С. Когда гремели пушки. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1961. – 280 с.
4. Ботев Ю. Л. Битва за Донбасс: к 80-летию Донбасской наступательной операции / Ю. Л. Ботев, В. В. Изонов, В. С. Хохлов // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2023. – № 3(128). – С. 144-154.
5. Василевский, А.М. Дело всей жизни / А.М. Василевский. – М.: Вече, 2014. – 608 с.
6. Донбасская наступательная операция // Вестник Академии военных наук. – 2023. – № 3(84). – С. 178-181.
7. Ершов, А. Г. Освобождение Донбасса: военно-ист. очерк / А. Г. Ершов. – М.: Воениздат, 1973. – 240 с.
8. Исаев А. Прорыв Миус-фронта. Июль – август 1943 года // Фронтовая иллюстрация. 2006. № 3. – 86 с.
9. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 228 с.
10. Медведев М.В. Южный фронт в прорыве немецких рубежей на Миус-фронте в августе 1943 года // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2021. №2 (210). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuzhnyy-front-v-proryve-nemetskih-rubezhey-na-mius-fronte-v-avguste-1943-goda> (дата обращения: 15.02.2026).
11. Мишечкин Г. В. 5-я ударная армия в Донбасской стратегической наступательной операции (август-сентябрь 1943 г.): подготовка, ход и итоги /

Г. В. Мишечкин // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2023. – № 4 (87). – С. 81-94.

12. Мишечкин Г. В. Предварительные итоги Донбасской стратегической наступательной операции в оперативных документах общевойсковых армий Южного фронта / Г. В. Мишечкин // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IX Международной научной конференции, Донецк, 15 – 17 октября 2024 года. – Донецк: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», 2024. – С. 127-129.

13. Рослый И.П. Последний привал – в Берлине. – М.: Воениздат, 1983. – 303 с.

14. Твои освободители, Донбасс: очерки, воспоминания / сост. Г. В. Тепляков. – 5-е изд., доп. – Донецк : Донбасс, 1976. – 423 с.

15. Донбасс 1943. Освобождение индустриального сердца России // Под общей ред. А.В. Дробкина. М.: Яуза, 2023. - 736 с.

16. Хрупачёв, Г.И. 54-я Гвардейская Макеевская стрелковая дивизия в боях за Отечество: [Воен.-ист. очерк] / Г. И. Хрупачёв, С. С. Хивренко. – Тула: ГМРИП "Левша", 1994 (1995). – 183 с.

17. Земке, Э. От Сталинграда до Берлина. Операции советских войск и вермахта. 1942–1945 / Пер. с англ. А.Л. Андреева. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. – 604 с.

18. Пауль, К. Восточный фронт. Книга вторая. Выжженная земля. 1943 – 1944. – М.: Изографус, ЭКСМО, 2003. – 432 с.

19. Тёппель, Р. Курск 1943: Величайшая битва Второй мировой войны / Роман Тёппель; [пер. с нем. С.В. Вельможкина]. – М.: Вече, 2019. – 304 с.

20. Frieser, Karl-Heinz, Die Ostfront 1943/44. Der Krieg im Osten und an den Nebenfronten. – München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2007. – 1319 p.

21. Хаупт, Вернер. Сражение группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта / Вернер Хаупт; [пер. с нем. С. Липатова]. – Москва: Яуза: Эксмо, 2006 (Тверь: Тверской полиграфкомбинат). – 445 с.

22. Журнал боевых действий 5 Ударной армии за период с 11.8.43 по 10.9.43 // ЦАМО. Ф. 333. Оп. 4885. Д. 109.

23. Выписка из журнала боевых действий 54 гвардейской стрелковой дивизии с 17 августа по 15 сентября 1943 года // ЦАМО. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 23. Л. 64.

24. Журнал боевых действий 6-й армии. 18-31 августа 1943 г. (Данные за 18 августа 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г. – URL. : <https://donbass43.ru/> (дата обращения: 14 февраля 2026 г.).

25. Журнал боевых действий 6-й армии. 18-31 августа 1943 г. (Данные за 19 августа 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца

России в июле-сентябре 1943 г. – URL : <https://donbass43.ru/> (дата обращения: 14 февраля 2026 г.).

26. Журнал боевых действий 6-й армии. 18-31 августа 1943 г. (Данные за 20 августа 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г. – URL: <https://donbass43.ru/> (дата обращения: 14 февраля 2026 г.).

27. Журнал боевых действий 6-й армии. 18-31 августа 1943 г. (Данные за 20-21 августа 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г. – URL: <https://donbass43.ru/> (дата обращения: 14 февраля 2026 г.).

28. Журнал боевых действий 6-й армии. 18-31 августа 1943 г. (Данные за 23 августа 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г. – URL: <https://donbass43.ru/> (дата обращения: 14 февраля 2026 г.).

29. Журнал боевых действий 6-й армии. 18-31 августа 1943 г. (Данные за 30 августа 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г. – URL: <https://donbass43.ru/> (дата обращения: 14 февраля 2026 г.).

30. Журнал боевых действий 3 гв. ск за период с 04.03.1943 по 31.12.1943 г. // ЦАМО. Ф. 812. Оп. 1. Д. 20.

31. Журнал боевых действий 125 гв. ап // ЦАМО. Ф. 10893. Оп. 0000001. Д. 0006.

REFERENCES

1. Agapov, V.L. (2023) [The Attack of Saur-Mogily on August 29-31, 1943: stages and problems of study]. *Vestnik DonNU. Seria B. Gumanitarnye nauki* = Bulletin of DonNU. Ser. B: Humanities. 2, 5-14. (In Russian).

2. Antonov, V. S. (1975) *Put` k Berlinu*. M.: Nauka, 378 p. (In Russian).

3. Biryuzov, S.S. (1961) *Kogda gremeli pushki*. M.: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony` SSSR, 280 p. (In Russian).

4. Botev, Yu. L. (2023) [Bitva za Donbass: k 80-letiyu Donbasskoj nastupatel'noj operacii] / Yu. L. Botev, V. V. Izonov, V. S. Xoxlov // *Izvestiya Rossijskoj akademii raketny`x i artillerijskix nauk*. 3(128), 144-154. (In Russian).

5. Vasilevskij, A.M. (2014) *Delo vsej zhizni* / A.M. Vasilevskij. M.: Veche, 608 p. (In Russian).

6. [Donbasskaya nastupatel'naya operaciya] (2023) // *Vestnik Akademii voenny`x nauk*. 3(84), 178-181 pp. (In Russian).

7. Ershov, A. G. (1973) *Osvobozhdenie Donbassa: voenno-ist. ocherk* / A. G. Ershov. M.: Voenizdat, 240 p. (In Russian).

8. Isaev A. (2006) *Prory`v Mius-fronta. Iyul` – avgust 1943 goda* // *Frontovaya illyustraciya*, 3, 86 p. (In Russian).

9. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F. (2011) *Mius-front v Velikoj Otechestvennoj vojne*. 2-e izd., ispr. i dop. Rostov n/D.: Izd-vo YuNCz RAN, 228 p. (In Russian).
10. Medvedev, M.V. (2021) *Yuzhny`j front v prory`ve nemeczkix rubezhey na Mius-fronte v avguste 1943 goda*. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuzhnyy-front-v-proryve-nemetskih-rubezhey-na-mius-fronte-v-avguste-1943-goda> (date of application: 15.02.2026). (In Russian).
11. Mishechkin G. V. (2023) [5-ya udarnaya armiya v Donbasskoj strategicheskoy nastupatel`noj operacii (avgust-sentyabr` 1943 g.): podgotovka, hod i itogi] // *Zhurnal istoricheskix, politologicheskix i mezhdunarodny`x issledovanij*. 4 (87), 81-94. (In Russian).
12. Mishechkin G. V. (2024) *Predvaritel`ny`e itogi Donbasskoj strategicheskoy nastupatel`noj operacii v operativny`x dokumentax obshhevojskovy`x armij Yuzhnogo fronta* // *Doneczkie chteniya 2024: obrazovanie, nauka, innovacii, kul`tura i vy`zovy` sovremennosti: Materialy` IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Doneczk, 15 – 17 oktyabrya 2024 goda*. – Doneczk: Federal`noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel`noe uchrezhdenie vy`sshego obrazovaniya «Doneczkij gosudarstvenny`j universitet», 127-129 pp. (In Russian).
13. Rosly`j I.P. (1983) *Poslednij prival – v Berline*. M.: Voenizdat, 303 p. (In Russian).
14. *Tvoi osvoboditeli, Donbass: ocherki, vospominaniya* (1976) / sost. G. V. Teplyakov. – 5-e izd., dop. – Doneczk : Donbass, 423 p. (In Russian).
15. *Donbass 1943. Osvobozhdenie industrial`nogo serdca Rossii* (2023) // Pod obshhej red. A.V. Drabkina. M.: Yauza, 736 p. (In Russian).
16. Xrupachyov, G.I. (1994 (1995)). *54-ya Gvardejskaya Makeevskaya strelkovaya diviziya v boyax za Otechestvo: [Voen.-ist. ocherk]* / G. I. Xrupachyov, S. S. Xivrenko. Tula: GMRIP Levsha, 183 p. (In Russian).
17. Zemke, E`. (2009) *Ot Stalingrada do Berlina. Operacii sovetskix vojsk i vermaxta. 1942–1945* / Per. s angl. A.L. Andreeva. M.: 3AO Centrpoligraf, 604 p. (In Russian).
18. Paul`, K. (2003) *Vostochny`j front. Kniga vtoraya. Vy`zhzhennaya zemlya. 1943 – 1944*. M.: Izografus, E`KSMO, 432 p. (In Russian).
19. Tyoppel`, R. (2019) *Kursk 1943: Velichajshaya bitva Vtoroj mirovoj vojny`* [per. s nem. S.V. Vel`mozhkina]. M.: Veche, 304 p. (In Russian).
20. Frieser, Karl-Heinz, (2007) *Die Ostfront 1943/44. Der Krieg im Osten und an den Nebenfronten*. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 1319 p. (in German).
21. Haupt, Verner. (2006) *Srazhenie gruppy` armij «Yug». Vzglyad oficera vermaxta* [per. s nem. S. Lipatova]. Moskva: Yauza: E`ksmo, (Tver`: Tverskoj poligrafkombinat). – 445 p. (In Russian).
22. *Zhurnal boevy`x dejstvij 5 Udarnoj armii za period s 11.8.43 po 10.9.43*. Retrieved from: // CzAMO. F. 333. Op. 4885. D. 109. (In Russian).
23. *Vy`piska iz zhurnala boevy`x dejstvij 54 gvardejskoj strelkovoj divizii s 17 avgusta po 15 sentyabrya 1943 goda*. Retrieved from: // CzAMO. F. 1169. Op. 1. D. 23. L. 64. (In Russian).

24. *Zhurnal boevy`x dejstvij 6-j armii. 18-31 avgusta 1943 g. (Danny`e za 18 avgusta 1943 g.)*. Retrieved from: // Donbass-1943: osvobozhdenie industrial`nogo serdcza Rossii v iyule-sentyabre 1943 g. URL. - <https://donbass43.ru/> (date of application: 14.02.2026). (In Russian).

25. *Zhurnal boevy`x dejstvij 6-j armii. 18-31 avgusta 1943 g. (Danny`e za 19 avgusta 1943 g.)*. Retrieved from: // Donbass-1943: osvobozhdenie industrial`nogo serdcza Rossii v iyule-sentyabre 1943 g. URL. - <https://donbass43.ru/> (date of application: 14.02.2026). (In Russian).

26. *Zhurnal boevy`x dejstvij 6-j armii. 18-31 avgusta 1943 g. (Danny`e za 20 avgusta 1943 g.)*. Retrieved from: // Donbass-1943: osvobozhdenie industrial`nogo serdcza Rossii v iyule-sentyabre 1943 g. URL. - <https://donbass43.ru/> (date of application: 14.02.2026). (In Russian).

27. *Zhurnal boevy`x dejstvij 6-j armii. 18-31 avgusta 1943 g. (Danny`e za 20-21 avgusta 1943 g.)*. Retrieved from: // Donbass-1943: osvobozhdenie industrial`nogo serdcza Rossii v iyule-sentyabre 1943 g. URL. - <https://donbass43.ru/> (date of application: 14.02.2026). (In Russian).

28. *Zhurnal boevy`x dejstvij 6-j armii. 18-31 avgusta 1943 g. (Danny`e za 23 avgusta 1943 g.)*. Retrieved from: // Donbass-1943: osvobozhdenie industrial`nogo serdcza Rossii v iyule-sentyabre 1943 g. URL. - <https://donbass43.ru/> (date of application: 14.02.2026). (In Russian).

29. *Zhurnal boevy`x dejstvij 6-j armii. 18-31 avgusta 1943 g. (Danny`e za 30 avgusta 1943 g.)* Retrieved from: // Donbass-1943: osvobozhdenie industrial`nogo serdcza Rossii v iyule-sentyabre 1943 g. URL. - <https://donbass43.ru/> (date of application: 14.02.2026). (In Russian).

30. *Zhurnal boevy`x dejstvij 3 gv. sk za period s 04.03.1943 po 31.12.1943 g.* Retrieved from: // CzAMO. F. 812. Op. 1. D. 20. (In Russian).

31. *Zhurnal boevy`x dejstvij 125 gv. ap.* Retrieved from: // CzAMO. F. 10893. Op. 0000001. D. 0006. (In Russian).

Данные автора статьи

Мишечкин Геннадий Валерьевич	Mishechkin Gennadiy Valerievich

УДК 94(47+57)+061.2:726
DOI: 10.5281/zenodo.20693238
EDN: UMGXYX

О.Б. Пенькова

кандидат исторических наук,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: moruzhenko63@mail.ru

К.Д. Посредников

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: posrednikovcyril@ya.ru

**РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И СОХРАНЕНИЕ
РЕЛИГИОЗНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ:
ОТ ДЕРЕВЯННЫХ ХРАМОВ СЕВЕРА ДО БУДДИЙСКИХ ДАЦАНОВ**

Аннотация

Статья посвящена анализу вклада Русского географического общества в выявление, фиксацию, консервацию и возрождение культовых сооружений традиционных конфессий России. Исследование основано на историко-генетическом, сравнительно-историческом и институциональном подходах и охватывает период с 1845 до 2026 года. Рассматриваются ключевые проекты РГО, механизмы взаимодействия с государственными, религиозными и общественными структурами, а также их социально-культурное значение в условиях многоконфессионального государства.

Ключевые слова: Русское географическое общество, реставрация культовых сооружений, волонтерские инициативы, храм, монастырь, дацан.

Summary

The article analyzes the contribution of the Russian Geographical Society to the identification, documentation, conservation, and revival of religious buildings of Russia's traditional confessions. The study is based on historical-genetic, comparative-historical, and institutional approaches and covers the period from the mid-nineteenth century to 2026. It examines key RGS projects, mechanisms of interaction with state, religious, and public institutions, as well as their socio-cultural significance in a multi-confessional state.

Keywords: Russian Geographical Society, restoration of religious buildings, volunteer initiatives, temple, monastery, datsan.

Сохранение культурного наследия в Российской Федерации представляет собой комплексную задачу государственной и общественной политики в условиях многонационального и многоконфессионального характера российского общества. Конституция Российской Федерации закрепляет принцип светского государства, при этом признаёт особую историческую и духовно-нравственную роль традиционных религий – православия, ислама, буддизма и иудаизма – в формировании национальной идентичности и культурного кода народов страны [2]. Культовые сооружения – православные храмы и часовни, мусульманские мечети и медресе, буддийские дацаны, синагоги, а также объекты локальных (включая шаманизм) традиций – выступают не только центрами религиозной жизни, но и памятниками архитектуры, градостроительства, декоративно-прикладного искусства, этнографии и исторической памяти. Их физическая сохранность напрямую влияет на устойчивость этнокультурных традиций, преемственность поколений и межэтническую гармонию в обществе.

Источниковую базу исследования образуют: уставные и программные документы РГО [17], годовые и тематические отчеты Общества и его региональных отделений [7; 8; 9], материалы специализированных проектов и фондов [12], публикации музейных и реставрационных учреждений [10; 15], труды участников и исследователей деятельности РГО [3; 6; 16; 19], а также официальные электронные ресурсы [11].

Цель данной статьи: выявить вклад РГО в реставрацию и сохранение культовых сооружений различных конфессий России.

Методологическую основу данного исследования составляет комплекс взаимодополняющих научных подходов. Сравнительно-исторический метод использован для сопоставления моделей сохранения культовых сооружений, реализуемых РГО, с практиками иных институций – музейно-заповедных комплексов, общественных организаций и федеральных программ. Институциональный анализ применяется для выявления механизмов взаимодействия РГО с органами государственной власти, религиозными организациями и гражданским обществом. Дополнительно используются элементы источниковедческого анализа при работе с отчётами экспедиций, нормативными документами и архивными публикациями, а также социокультурного подхода при оценке общественного и идентификационного значения реализуемых проектов.

Русское географическое общество, основанное 18 августа 1845 года по инициативе императора Николая I и группы выдающихся ученых (Ф.П. Литке, К.М. Бэра, В.Я. Струве и др.), изначально ориентировалось на комплексное изучение географии, включая физическую, экономическую и гуманитарную составляющие [17]. Уже в первые десятилетия существования РГО инкорпорировало в свою повестку этнографические и культурно-исторические исследования. Экспедиции XIX – начала XX века под руководством П.П. Семенова-Тян-Шанского, Н.М. Пржевальского, Н.Н. Миклухо-Маклая и других фиксировали не только природные ландшафты, но и религиозные практики, культовые объекты и сакральные топонимы коренных народов

Сибири, Дальнего Востока, Центральной Азии и Кавказа – от шаманских святилищ и бурятских дацанов до мусульманских мечетей и православных храмов. Эти материалы заложили фундамент для понимания культовых сооружений как неотъемлемой части культурного ландшафта и национального достояния [16].

В дореволюционный период Общество активно способствовало документированию и популяризации религиозной архитектуры через издание карт, атласов, фотоколлекций и описательных трудов. Советский этап характеризовался существенным ограничением деятельности РГО и масштабными утратами культовых объектов в результате государственной политики секуляризации и атеизации. После 1991 года, с возобновлением полноценной работы Общества, акцент сместился на комплексное сохранение историко-культурного наследия, включая консервацию, реставрацию и научное осмысление разрушенных или заброшенных сооружений [3].

Новый импульс деятельности РГО придало избрание в 2009 году В.В. Путина председателем Попечительского совета, а С.К. Шойгу – президентом Общества. Это привело к запуску масштабных грантовых программ, экспедиционных проектов и стратегических партнёрств с Министерством культуры РФ, Федеральным агентством по управлению государственным имуществом, Русской православной церковью, Духовным управлением мусульман Российской Федерации, традиционными буддийскими сангхами Бурятии, Калмыкии и Тывы, а также региональными властями [8; 9]. С 2010 года реализовано более 2 700 экспедиций, значительная доля которых включала культурно-исторический и этнографический компонент, в том числе мониторинг состояния культовых объектов, их научную фиксацию и содействие консервационным мероприятиям.

При этом характер участия Русского географического общества в проектах по сохранению религиозного наследия следует рассматривать дифференцированно. В большинстве случаев РГО не выступает прямым заказчиком или исполнителем реставрационных работ, а выполняет функции научного инициатора, координатора, грантодателя и информационного партнера. Такая модель позволяет Обществу сохранять статус междисциплинарной общественно-научной платформы, не подменяя собой профильные государственные и музейные структуры, но обеспечивая гибкость, межрегиональный охват и высокий уровень общественного доверия к реализуемым инициативам.

Реализация проекта «Общее Дело» Возрождение деревянных храмов Севера» предполагала поэтапное решение задач: первоочередные противоаварийные мероприятия, консервацию и частичную реставрацию. Такие меры позволяли продлить физическое существование объекта на 20–40 лет, после чего уход за объектом предполагалось передать местным жителям и приходам [12]. На начало 2026 года проект демонстрирует значительную динамику: обследовано свыше 360 храмов и часовен; организовано 700 экспедиций; в более чем 205 объектах проведены консервационные или

реставрационные работы; привлечено свыше 6 000 добровольцев из 36 регионов России и зарубежья [12].

Проект сочетает практическую деятельность с образовательным и просветительским компонентами. С 2017 года в Москве функционирует столярно-плотницкая реставрационная школа, подготовившая сотни специалистов, обязующихся участвовать в северных экспедициях. Организуются мастер-классы по изготовлению иконостасов, главков и элементов декора, ежегодные научно-практические конференции и фотовыставки. В 2021 году проект стал лауреатом премии РГО в номинации «Лучший историко-культурный проект», а в 2024–2025 годах удостоен премии Правительства РФ в области культуры и премии «Своя колея» [4].

Среди знаковых восстановленных объектов – храм Николая Чудотворца в д. Ворзогоры (Онежский район Архангельской обл.), часовня Георгия Победоносца в д. Нермуша, церковь Покрова Пресвятой Богородицы в д. Козловское, храм Трёх святителей в д. Кадь, церковь Рождества Богородицы в Винницах, часовни в Подпорожье и Кубовской (Карелия). Деятельность проекта стимулирует развитие культурно-познавательного и паломнического туризма, возрождение приходской жизни, локальной экономики и гражданской активности [12].

В сфере сохранения буддийского наследия РГО акцентирует внимание на регионах традиционного распространения тибетского буддизма – Бурятии, Калмыкии, Тыве. Общество поддерживает популяризацию и научное осмысление дацанов как элементов историко-культурного каркаса этих территорий. В Тыве, пожалуй, самым значимым событием 2023 года стало открытие крупнейшего в России буддийского монастыря «Тубтен Шедруб Линг» («Обитель объяснения и практики учения Будды Шакьямуни») в Кызыле. Комплекс высотой 56 метров (12 этажей), площадью 9,3 га, включает 10-метровую статую Будды Шакьямуни, реликвии (шарира Будды, личные вещи Далай-ламы XIV), священные тексты. 23 октября 2025 года при монастыре открыт Российский буддийский университет – первый в стране духовный вуз по профилю «Буддийские науки» (бакалавриат «Буддийская философия», 4 года очного обучения) с изучением тибетского и старомонгольского языков, буддийской логики, философии и истории религий [1]. Хотя основное финансирование осуществлялось Культурным фондом им. Кужугета Шойгу и региональными властями, РГО способствовало освещению проекта в научных и общественных кругах как важного элемента культурного наследия народов России.

В Бурятии РГО поддерживает деятельность Иволгинского дацана – центра традиционной сангхи, а также проекты по документации и популяризации Цугольского и Агинского дацанов. В Калмыкии Общество участвовало в грантовых программах по восстановлению хурулов в Элисте и иных районах [1]. Маршрут Тыва–Бурятия–Калмыкия подчеркивает роль данных объектов в развитии межрегионального религиозного туризма.

В исламской традиции РГО содействует проектам по сохранению мечетей на Северном Кавказе, в Поволжье и других регионах. Экспедиции в Дагестане фиксировали состояние древнейших объектов, включая Джума-мечеть в Дербенте (VIII в., объект Всемирного наследия ЮНЕСКО), способствуя привлечению внимания к необходимости их консервации [15].

Русское географическое общество (РГО) в контексте сохранения культурно-исторического наследия уделяет внимание локальной поддержке иудаизма и шаманизма, имеющих распространение среди народонаселения Дальнего Востока и Сибири. В частности, реализуются проекты, связанные с документацией и исследованием синагог в Биробиджане (Еврейская автономная область) и традиционных святилищ в Республике Саха (Якутия) [13].

В рамках международной деятельности РГО осуществляет сотрудничество с ЮНЕСКО, в процессе подготовки и поддержки номинаций объектов всемирного культурного наследия (в частности, Кижского погоста)[20]. Общество располагает представительствами в 20 странах мира. Одним из примеров успешного взаимодействия является сотрудничество с партнёрами в Армении, направленное на документирование и сохранение армянских церквей.

За пределами России РГО обеспечивает логистическую поддержку ремонта православного храма Святой Троицы на антарктической станции «Беллинсгаузен» (возведён в 2004 г. из сибирского кедра), в экстремальных условиях организуя доставку материалов и специалистов [18]. Общество сотрудничает с ЮНЕСКО по документации культовых объектов в Армении и иных странах, имеет представительства в 20 государствах [5].

Вместе с тем эффективность волонтерско-грантовой модели требует критического осмысления. С одной стороны, она доказала высокую результативность в условиях ограниченного государственного финансирования и удалённости объектов, обеспечив экстренное спасение сотен памятников. С другой стороны, временный характер вмешательств и зависимость от ресурсов местных сообществ создают риски фрагментарности сохранения наследия. В этом контексте деятельность РГО наиболее эффективна на этапах выявления, научной фиксации и первичной консервации, но нуждается в последующей институциональной поддержке со стороны государственных программ охраны культурного наследия.

Сравнение деятельности Русского географического общества с другими моделями сохранения религиозного наследия выявляет специфику его подхода. Так, музей-заповедник «Кижы», функционирующий в статусе объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО, демонстрирует централизованную и профессионально устойчивую модель реставрации, основанную на постоянных мастерских и научных школах [5; 14]. Однако подобная модель применима лишь к ограниченному числу объектов федерального значения.

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) ориентировано преимущественно на общественный контроль и экспертизу, тогда как РГО обладает более широкими возможностями экспедиционной деятельности и привлечения молодежи. Федеральные

программы в сфере культуры обеспечивают системное финансирование, но зачастую не охватывают малые и труднодоступные объекты. В этих нишах проекты РГО демонстрируют наибольшую социальную и культурную отдачу, дополняя, а не заменяя государственные механизмы.

Таким образом, деятельность Русского географического общества в сфере сохранения культовых сооружений традиционных конфессий России обладает устойчивым междисциплинарным потенциалом. Эффективность инициатив РГО проявляется прежде всего на этапах выявления, научной фиксации, первичной консервации и общественной мобилизации вокруг объектов культурного наследия. Перспективы дальнейшего развития связаны с цифровизацией фиксации и мониторинга памятников (геоинформационные системы, 3D-сканирование, фотограмметрия), расширением участия молодежи через образовательные и волонтерские программы, а также с более глубокой интеграцией проектов РГО с федеральными программами и национальными проектами «Культура» и «Туризм». В данном контексте РГО способно выступать связующим звеном между наукой, государством и гражданским обществом, формируя устойчивую модель сохранения религиозного и культурного многообразия, единства народов Российской Федерации.

Список источников и литературы:

1. Грант Русского географического общества «Буддийское наследие народов России». – Элиста: Калмыцкое региональное отд. РГО, 2021. – 64 с.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп.). – М.: Юридическая литература, 2020. – 64 с.
3. Кузнецов А.Г. Русское географическое общество и сохранение культурного наследия России. – СПб: Русское географическое общество, 2015. – 212 с.
4. Лауреаты премии Русского географического общества 2021 года. – Санкт-Петербург: Русское географическое общество, 2021. – 56 с.
5. Международные проекты Русского географического общества: отчет за 2024 год. – Санкт-Петербург: Русское географическое общество, 2024. – 210 с.
6. Морозов В.В. Русское географическое общество как институт диалога науки и религии. – Москва: Изд-во «География», 2018. – 168 с.
7. Отчёт Бурятского регионального отделения Русского географического общества за 2022 год. – Улан-Удэ: Бурятское региональное отделение РГО, 2022. – 112 с.
8. Отчет о деятельности Русского географического общества 2010–2023 гг. – СПб: Русское географическое общество, 2023. – 180 с.
9. Отчёт о деятельности Русского географического общества за 2009–2024 годы. – СПб: Русское географическое общество, 2024. – 256 с.

10. Отчёт о состоянии и реставрации объектов музея-заповедника «Кижи». – Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижи», 2020. – 134 с.
11. Официальный сайт Русского географического общества [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rgo.ru> (дата обращения: 12.12.2025).
12. Проект «Общее Дело. Возрождение деревянных храмов Севера». Отчёт за 2024 год. – Москва: Фонд «Общее Дело», 2024. – 89 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://obsheedelo.ru/> (дата обращения: 10.12.2025).
13. Проекты по сохранению иудаистского и шаманского наследия в Еврейской автономной области. – Биробиджан: Еврейское региональное отделение РГО, 2018. – 48 с.
14. Протокол выездного заседания Попечительского совета Русского географического общества (6 августа 2012 г., остров Валаам) [Электронный ресурс]. – URL: <https://rgo.ru/activity/redaction/news/protokol-vyezdno-zasedaniya-popechitelskogo-soveta-rgo-6-avgusta-2012-goda-ostrov-valaam> (дата обращения: 10.01.2026).
15. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествия в Тянь-Шань: 1856–1857 гг. / отв. ред. В.А. Обручев. – М.: Наука, 1958. – 456 с.
16. Устав Русского географического общества (в ред. от 2010 г.). – М.: Русское географическое общество, 2010. – 48 с.
17. Храм Святой Троицы на станции «Беллинсгаузен». Отчёт Российской антарктической экспедиции. – Санкт-Петербург: Русское географическое общество, 2023. – 72 с.
18. Шойгу С.К. Роль Русского географического общества в постсоветский период // Вестн. РГО. – 2020. – № 3. – С. 5–18.
19. UNESCO. World Heritage List: Kizhi Pogost.: UNESCO, 1990. – 45 p.

REFERENCES

1. Grant Russkogo geograficheskogo obshhestva «Budдийское nasledie narodov Rossii». Elista: Kalmyckoe regional'noe otd. RGO, 2021. 64 p. (In Russian).
2. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (s izm. i dop.). Moscow: Yurid. literatura, 2020. 64 p. (In Russian).
3. Kuznetsov, A.G. (2015) Russkoe geograficheskoe obshhestvo i sokhranenie kul'turnogo naslediya Rossii. St. Petersburg: Russkoe geograficheskoe obshhestvo. 212 p. (In Russian).
4. Laureaty premii Russkogo geograficheskogo obshhestva 2021 goda. St. Petersburg: Russkoe geograficheskoe obshhestvo, 2021. 56 p. (In Russian).
5. Mezhdunarodnye proekty Russkogo geograficheskogo obshhestva: otchet za 2024 god. St. Petersburg: Russkoe geograficheskoe obshhestvo, 2024. 210 p. (In Russian).

6. Morozov, V.V. (2018) Russkoe geograficheskoe obshhestvo kak institut dialoga nauki i religii. Moscow: Izd-vo «Geografiya». 168 p. (In Russian).
7. Otchyot Buryatskogo regionalnogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshhestva za 2022 god. Ulan-Ude: Buryatskoe regionalnoe otdelenie RGO, 2022. 112 p. (In Russian).
8. Otchet o deyatel'nosti Russkogo geograficheskogo obshhestva 2010–2023 gg. St. Petersburg: Russkoe geograficheskoe obshhestvo, 2023. 180 p. (In Russian).
9. Otchyot o deyatel'nosti Russkogo geograficheskogo obshhestva za 2009–2024 gody. St. Petersburg: Russkoe geograficheskoe obshhestvo, 2024. 256 p. (In Russian).
10. Otchyot o sostoyanii i restavracii ob'ektov muzeya-zapovednika «Kizhi». Petrozavodsk: Muzej-zapovednik «Kizhi», 2020. 134 p. (In Russian).
11. Oficial'nyj sajt Russkogo geograficheskogo obshhestva. Retrieved from: <https://www.rgo.ru> (date of application: 12.12.2025). (In Russian).
12. Proekt «Obshee Delo. Vozrozhdenie derevyannyh hramov Severa». Otchyot za 2024 god. Moscow: Fond «Obshee Delo», 2024. 89 p. Retrieved from: <https://obsheedelo.ru/> (date of application: 10.12.2025). (In Russian).
13. Proekty po sokhraneniyu iudaistskogo i shamanskogo naslediya v Evrejskoj avtonomnoj oblasti. Birobidzhan: Evrejskoe regional'noe otdelenie RGO, 2018. 48 p. (In Russian).
14. Protokol vyezdnogo zasedaniya Popechitel'skogo soveta Russkogo geograficheskogo obshhestva (6 avgusta 2012 g., ostrov Valaam). Retrieved from: <https://rgo.ru/activity/redaction/news/protokol-vyezdnogo-zasedaniya-popechitelskogo-soveta-rgo-6-avgusta-2012-goda-ostrov-valaam> (date of application: 10.01.2026). (In Russian).
15. Semenov-Tyan-Shanskij, P.P. (1958) Puteshestviya v Tyan-Shan: 1856–1857 gg. Ed. by V.A. Obruchev. Moscow: Nauka. 456 p. (In Russian).
16. Ustav Russkogo geograficheskogo obshhestva (v red. ot 2010 g.). Moscow: Russkoe geograficheskoe obshhestvo, 2010. 48 p. (In Russian).
17. Hram Svyatoj Troicy na stancii «Bellinsgauzen». Otchyot Rossijskoj antarkticheskoj ekspedicii. St. Petersburg: Russkoe geograficheskoe obshhestvo, 2023. 72 p. (In Russian).
18. Shoigu, S.K. (2020) Rol' Russkogo geograficheskogo obshhestva v postsovetskij period. Vestn. RGO. 3, 5–18. (In Russian).
19. UNESCO (1990) World Heritage List: Kizhi Pogost. UNESCO. 45 p.

ДАННЫЕ АВТОРОВ СТАТЬИ

Пенькова Оксана Борисовна	Penkova Oksana Borisovna
Посредников Кирилл Дмитриевич	Posrednikov Kirill Dmitrievich

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(519)"02/03"
DOI: 10.5281/zenodo.20693262
EDN: UQRGLF

Д.П. Шульга

Доктор исторических наук

ФГБУН «Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН»

E-mail: alkaddafa@gmail.com

ЮЖНЫЕ СЮННУ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Аннотация

Земли, ныне составляющие северную часть КНР, были регионом взаимодействия и противостояния ранних империй Китая (прежде всего, Хань) с сюнну. После стратегического поражения государства шаньюев здесь расселяли сюнну, подчинившихся Поднебесной. Постепенно на данной территории сложился специфический культурный тип, в котором отмечаются «степные» черты, однако со временем всё более доминирует «ханьский» материал. Ряд исследователей в КНР связывает подобные находки с «южными сюнну», вассалами Китая. Очевидно, в ряде случаев это действительно так. Впрочем, нередко вещи (керамика, бронзовые и железные изделия, костяные артефакты) найденные в рассматриваемых погребениях, при сравнении с аналогичными артефактами из некрополей сюнну эпохи великодержавия, не позволяют сделать однозначных выводов об «этнической принадлежности» погребённых.

Ключевые слова: *Империя Хань, кочевники, южные сюнну, археология, история Монголии, история Китая.*

Summary

The lands that now comprise northern China were a region of interaction and confrontation between the early Chinese empires (primarily the Han) and the Xiongnu. After the strategic defeat of the Chanyu state, the Xiongnu settled here and submitted to the Celestial Empire. Gradually, a specific cultural type in this area, has some "steppe" features, but "Han" materials are dominating. A lot of researchers in

¹ Работа выполнена в рамках проекта 24-48-03017 Междисциплинарное исследование коллекции текстиля из Ноин-улинских курганов 20, 22, 31 (раскопки российско-монгольской экспедиции 2006-2012 гг., Монголия).

© Шульга Д.П., 2026

China attribute such finds to the "southern Xiongnu," vassals of China. Clearly, in some cases, this is right. However, often, the items (pottery, bronze and iron objects, bone artifacts) found in these burials, when compared with similar artifacts from Xiongnu necropolises during the Great Power era, do not allow for definitive conclusions about the "ethnicity" of the deceased.

Keywords: Han Empire, nomads, southern Xiongnu, archeology, history of Mongolia, history of China.

Династия Хань последовательно проводила политику военных поселений и обороны границ в северных землях [6]. Это способствовало распространению здесь культуры «Центральной равнины», оставило после себя многочисленные городища и некрополи. Переломным периодом здесь стал I в. н. э., т.е. время побед императора У-ди над шаньюями, приведшее к угасанию великодержавия сюнну. Логичным завершение данных процессов стал раскол прежде единой общности кочевников на «северную» и «южную» ветви. Представители последней, признав зависимость от Поднебесной, также расселялись в описанном выше северном порубежье Китая. Погребения сюнну были обнаружены в Шэньси, Внутренней Монголии, Нинся и Цинхае, чередуясь с ханьскими [5].

В настоящее время на указанной территории активно ведутся исследования памятников сюнну, уточняется их хронология [8]. За исключением нескольких случаев, датировка большинства гробниц достигла консенсуса. Следует учитывать, что, несмотря на принятое в исторической науке мнение о 48 г. как окончательном моменте разделения сюнну, начался данный процесс гораздо раньше. По мере усиления Хань некоторые группы населения переходили от державы сюнну к императорам Поднебесной. В 121 г. до н.э. (второй год под девизом правления Юаньшоу, царствование У-ди) правитель общности¹ кунье после внутренней борьбы, сопровождавшейся убийством конкурентов из

¹ Автор сознательно употребляет название вроде «группы населения», «общности» и т.п. «Этническая» структура державы сюнну – достаточно сложная и неразработанная в отечественной науке проблема. С одной стороны, в период великодержавия очевидно объединение различного (в т.ч. в расовом отношении) населения степи [7]. На большой территории стандартизируется погребальный обряд и инвентарь. При этом генетические анализы показывают, что по происхождению подданные шаньюев были в тот период весьма гетерогенны [4]. В то же время после поражений, понесённых от императора У-ди, государство сюнну начало испытывать кризис, и заметные группы под началом своих предводителей переходят под власть Китая. Сложно сказать, были ли сменившие сторону аристократы вождями «изначальных» племён, выходцами из «родоплеменной верхушки». Либо же перед нами следствие «кочевого феодализма», когда в рамках уже сложившейся кочевой державы шаньюй распределял власть над подвластным населением среди родственников и приближённых, посылая их управлять населением (собирать дань, выставлять воинские контингенты и т.п.) в те места, где они, возможно, до того и не бывали. Нам в этой связи известен пример Ли Лина, бывшего подданного Хань, который был наместником в землях хунну, и данный случай не уникален.

племенной знати¹, перешёл в подданство Срединного государства, приведя 40 000 человек и основав пять вассальных² княжеств.

Так, к кон. II–нач. I вв. до н.э.³ относятся: погребение M140 на памятнике Кэшэнчжуан⁴, захоронение M25 могильника Цзаомяо⁵, значительная часть погребений некрополя Даодуньцзы⁶. Более поздняя группа, близкая к рубежу эр⁷, представлена материалами могильников Лицзятаоцзы⁸, Будунгоу⁹, погребения M4 некрополя Сигоупань¹⁰. Втор. пол. I–нач. II вв. датируются могильники Дабаодан¹¹ и Дафаньпу¹². Наконец, примером некрополя сюнну II–начала III в. н.э. является могильник Суныцзячжай в уезде Датун пров. Цинхай. Согласно историческим записям, сюнну как минимум дважды массово переходили в подданство Китая, как при Западной, так и при Восточной Хань. Кроме этого имели место и переходы небольших групп и отдельных аристократов, на что указывает погребение M140 могильника Кэшэнчжуан. Оно достаточно раннее и расположено в районе столичного центра империи Западная Хань. Это показывает, что даже в эпоху великодержавия из-за внутренних противоречий в кочевой среде существовали «перебежчики». Пока власть шаньюя оставалась достаточно сильной, такие случаи рассматривались скорее как исключение, не превращаясь в сколько-нибудь заметный «исход». Однако после побед У-ди стали формироваться целые вассальные владения на границах империи [6]. Приведём примеры. Уезд Тунсинь, где находится могильник Даодуньцзы, является, если рассматривать нарративные источники, местом расположения княжества Тяньшуй, зависимого от Хань. Логично предположить связь означенного могильника с наследием местных «умиротворённых» сюнну [5]. Из-за длительной китаизации «южных сюнну» (культурной, хозяйственной и политической), доля «степных» элементов здесь подчас очень незначительна. Особенно если учесть феномен «северных поселенцев» (ханьцев), которые, обживая новые северные земли, перенимали определённые черты местных

¹ В т.ч., в «Ханьшу» упоминается титул «сюту» (休屠), принадлежавший одному из убитых в ходе смуты внутри сюнну.

² Под сюзеренитетом ханьского У-ди.

³ По китайской династической хронологии – с середины периода Западной Хань до кризиса кон. I в. до н.э., приведшего к власти Ван Мана.

⁴ Район Чанъань в г. Сиань.

⁵ Городской округ Тунчуань в пров. Шэньси.

⁶ Уезд Тунсинь в городском округе Учжун, Нинся-Хуэйский АР.

⁷ По китайской градации: «от финала Западной Хань до начала Восточной Хань», т.е. примерно совпадающая с династией Синь, также включая период регентства Ван Мана и смуту после его свержения.

⁸ Уезд Тунсинь в городском округе Учжун, Нинся-Хуэйский АР.

⁹ Аймак Их-Джу, Ордос, АР Внутренняя Монголия.

¹⁰ Хошун Джунгар-ци, Ордос, АР Внутренняя Монголия.

¹¹ Уезд Шэньму в пров. Шэньси.

¹² Хошун Джунгар-ци, Ордос, АР Внутренняя Монголия.

традиций и материальной культуры. Таким образом, определение этнической принадлежности по археологическим материалам и здесь связано с большим количеством оговорок. При этом, сам факт существования контактного региона, равно как и актуальность его изучения, сомнений не вызывает.

Здесь следует оговориться, что «приручение» сюнну не было первым для «хуася» в отношении кочевников. Еще в раннем железном веке на территории Северного Китая встречаются могильники, где скифоидные черты сосуществуют с заметным количеством элементов, привнесённых из царств Центральной равнины. Самый яркий пример здесь – могильник Чжайтоухэ, где вэйское влияние сильно бросается в глаза (даже в погребальном обряде) [13]. Другая общность ранних номадов, оставившая памятники культуры янлан, сохранила свою «кочевую самобытность» сильнее [10]. Однако и здесь соседство с «хуася» со временем становилось всё более заметно [9], достигая своего пика в поздних памятниках (напр., Мацзяюань с его колесницами). По данным генетики (при всей неполноте выборки) получается, что рядовые сюнну эпохи великодержавия зачастую были потомками этого же «скифоидного» населения, проживавшего в регионе ранее [7]. Потому неверно было бы считать, что взаимодействие скотоводов с земледельцами в Северном Китае началось после прихода к власти Модэ «с чистого листа». Да, мы можем констатировать, что и сюнну, и «хуася» к кон. III в. до н. э. вышли на новый уровень, перейдя к «имперскому» масштабу. Потому и обмен шёлковыми тканями¹ [1], и брачные союзы [3], и военные противостояния² стали куда внушительнее и интенсивнее (в сравнении с эпохой

¹ Здесь очень показательными являются находки Ноин-Улы.

² Войны с северными соседями (и, прежде всего, с сюнну как сильнейшей кочевой державой своего времени) оставили заметный след в китайской традиции. В военно-философском трактате «Вертоград полководца» приписываемом Чжугэ Ляну (181-234 гг.) читаем: «Народы севера не живут оседло, они кочуют в поисках воды и трав, это способствует их набегам на юг. Ответные походы на север затруднены, ибо там горные хребты и пустыни, которые дают возможность для обороны. Для пропитания охотятся и пьют молоко, от холода их защищает кожаная одежда на меху, они стреляют в зверя на скаку, и этим добывают средства к существованию. Им никак не привить законы морали, победить их с помощью армии невозможно. Империя Хань не боролась с ними, на то есть три причины: ханьские солдаты являлись и воинами, и землепашцами, от этого становясь усталыми и робкими. Народы севера приходили для выпаса скота и охоты, они были оживлёнными и смелыми. Утомлённый не может соперничать с бодрым, робкий не в состоянии сравниться с отважным. Это первая причина отказа от боевых действий. Солдаты Хань были выносливы, могли проходить сотню ли в день, но северные народы использовали лошадей, что позволяло им преодолевать расстояния в несколько раз быстрее. Во время походов на север ханьской армии необходимо было нести с собой провизию и снаряжение, а кочевники на лошадях преследовали, так что способы перемещения был различными, нередко избирался неправильный путь для прохода войск и т.д. Это вторая причина отказа от боевых действий. Империя Хань опиралась в основном на пехоту, а северные народы – на конницу; в поле кавалерист быстрее пешего воина, и разница между их скоростью огромна. Это третья причина отказа от боевых действий. Учитывая вышеописанную ситуацию, перечислим советы по охране границ. На охрану рубежей должны быть отправлены лучшие воины и командиры, в это же время элитные войска должны быть готовы к защите. Необходимо создать обширную сеть складов с провизией, возвести систему сигнальных башен, чтобы узнавать о перемещениях врага. Когда внутренние территории врага опустеют, надо стягивать силы, чтобы, пользуясь отсутствием войск неприятеля, нанести удар. Таким образом можно одолеть врага малыми затратами, не начиная масштабной кампании, расстроить планы противника».

Восточной Чжоу). Однако сама суть отношений осталась, в значительной степени, прежней. «Гибкая сила» в отношении сильного степного противника с целью его постепенной «китаизации»¹ и формирования вассальных режимов [11]. Подобная же стратегия (и мы видим это по эпиграфическим источникам) продолжала сохраняться и в раннее средневековье [12].

В сер. I в. н.э. произошло окончательное разделение сюнну на «северных» и «южных» [8]. В историческом древнекитайском труде «Хоуханьшу» («История Поздней Хань») есть целый раздел, «Описание южных сюнну». Там говорится: : «В предыдущей книге² сюнну упоминались прямо, без деления на «север» и «юг». Теперь же их называют «северными» или «южными», чтобы уточнить, откуда они происходят. Делается это из-за того, что южные шаньюи были в большей степени подвержены влиянию культуры, и соответствующее название было дано тем, кто был послушен [воле императора]». Примечательно, что тут использован оборот 向化, сяньхуа, досл. «обратиться в сторону культуры». Учитывая, что единственным источником правильного образа мыслей в Восточной Азии виделась Поднебесная³, «сяньхуа» де-факто можно перевести как «покориться Срединному государству» [5].

Таким образом, погребения сюнну, появившиеся в северном Китае после того как южные сюнну выделились из общей массы и подчинились династии Хань в I в. н.э. могут довольно уверенно связываться именно с «умиротворённой» их частью. В 50 г. н. э.⁴ династия Хань помогла вассальным шаньюям построить ставку в месте, расположенном в 80 ли к западу от «округа Уюань» (五原). Южные сюнну переселялись в Юньчжун (云中), а затем и в «округ Сихэ уезда Мэйцзи» (西河郡美稷县). Эти упоминаемые в источниках топонимы относятся к центральной и южной частям современного АР Внутренняя Монголия. Как раз здесь находятся могильники в Будунгоу и Сигоупань. Примечательно, что данные некрополи отличаются «степенью китаизации». Будунгоу, очевидно, сформирован раньше, здесь лучше заметны «обще-сюннуские» черты в материальной культуре (впоследствии сохранившиеся у «северной» ветви). Это проявляется как в ажурных S-образных бронзовых бляшках (рис. 1–Б: 12), так и в железных изделиях (рис. 1–В: 1, 2, 3, 4, 5–8). В то же время погребения позднего могильника Дабаодан содержат

¹ Нередко сопровождаемой постепенным расколом кочевой державы.

² Очевидно, имеется ввиду «Хань шу», повествующая об истории Западной или Ранней Хань.

³ По крайней мере, в глазах древнекитайских историографов и летописцев.

⁴ По китайской системе летоисчисления: «на двадцать шестом году правления под девизом правления Цзяньу государя Гуан У-ди». Именно этот незаурядный император (личное имя – Лю Сю), царствовавший в 25–57 гг., восстановил семью Лю на троне после узурпации Ван Мана, а также урегулировал ситуацию внутри страны и за её пределами. Его первый (и весьма долговечный, 25–56 гг.) девиз правления, «Цзяньу» (建武) можно перевести как «формирование армии» или, если угодно, «созидаемая воинственность».

китайские монеты традиционной формы (рис. 1Б – 18). Здесь же¹ мы видим керамические изделия с явным китайским влиянием (рис. 1А – 11–15).

Таким образом, «южные сюнну» не представляли из себя единой и неизменной культурной общности, ведь само их появление было связано с политическим переходом под власть императоров, длившемся многие десятилетия. Поэтому даже внутреннее устройство погребений на упомянутых выше могильниках сильно варьируется. В погребении М140 в Кэшэнчжуане перед нами захоронение в вертикальной яме. В Даодуньцзы встречаются остатки дерева (очевидно, от гробов), есть подбой. В Лицзятаоцзы (и, частично, Дабаодане) для внутримогильных конструкций использовался кирпич, в ряде случаев дополняемый камнем. Большая часть погребений одиночные, хотя есть исключения (парные и групповые захоронения).

На основании указанного выше можно сделать ряд промежуточных выводов. Во-первых, т.н. «южные сюнну» были объединены скорее общей «политической судьбой», а не единством происхождения. Между различными группами, переходившими под протекторат императоров Поднебесной была заметная разница, тем более что происходили данные процессы не одновременно, а на протяжении почти двух веков. В ряде случаев это были подданные одного «южного шаньюя», сохраняющие некоторое сходство в материальной культуре. Однако это не значит, что все зависимые от Хань сюнну представляли единый этнос с устойчивым самосознанием. При этом, сопоставляя нарративные и археологические источники, мы можем с определённой уверенностью связывать те или иные могильники с вассальными княжествами. Во-вторых, «умиротворение» сюнну после долгой борьбы создало для китайцев положительный пример, к которому авторы обращались и потом, даже в период правления Южной Сун, когда шла борьба с чжурчжэнями [2]. Это еще раз доказывает необходимость продолжения исследований взаимодействия кочевников с Китаем в скифское и гунно-сарматское время. Сценарии, зарождавшиеся в раннем железном веке (Восточная Чжоу в китайской традиции), прошли проверку в эпоху ранних империй (Цинь, Хань и Синь).

В будущем появлении устойчивых государств с «варварскими» династиями² и китайским населением³ поздним сюнну также было суждено сыграть важную роль (Северная Хань и др.).

¹ В могильнике Дабаодан.

² Первые подобные случаи были еще в Восточной Чжоу (Чжуншань), но именно с кон. III в. подобная практика в «северных царствах» становится широко распространённой.

³ Следует понимать, что и «китайское» («хуася» или «ханьцы») население Северного Китая было в культурном плане довольно своеобразным, так как частью состояло из переселенцев, вынужденных адаптироваться к новым условиям, а частью – и из ассимилируемых «варваров» [8].

Список источников и литературы

1. Ван Саньсань. Сычоу мао и: циюань юй тэчжэн [丝绸之路：起源与特征] // Сюэшу яньцзю (Научные исследования). – 2019. – № 6. – С. 127–137.
2. Варенов А. В. Один эпизод из истории контактов южных сюнну с империей Хань на картине южносунского художника Чэнь Цзюйчжуна // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Петербургского договора с Персией. – Новосибирск: НГУ, 2023. – С. 49–54.
3. У Бинь. Чжаоцзюнь вэньхуа сюнну вэньхуа дэ яньцзю [昭君文化匈奴文化的研究] // Сяньдай цзяоюй таньсо (Современные образовательные исследования). – 2025. – Т. 6, вып. 2. – С. 61–63.
4. Цай Давэй, Чэнь Си, Чжао Синь, Чжу Хун, Чжоу Хуэй. Мэнгу го Хулаха шаньгу M21 хао сюнну му чжу дэ сяньлити DNA фэньси таньтао [蒙古国胡拉哈山谷 M21 号匈奴墓主的线粒体 DNA 分析] // Бяньцзян каогу яньцзю (Археологические исследования приграничья). – 2015. – № 13. – С. 140–144.
5. Цзян Лу. Бэйфан дицюй «нань сюнну» муцзан цзай таньтао [北方地区 «南匈奴» 墓葬再探讨] // Бяньцзян каогу яньцзю (Археологические исследования приграничья). – 2011. – № 1. – С. 244–253.
6. Цзян Лу. Бэйфан дицюй хань му гэцзюй яньбянь юй ханьдай бяньцзян чжэнцэ дэ гуаньси [北方地区汉墓格局演变与汉代边疆政策的关系] // Хуася каогу (Археология Хуася). – 2015. – № 3. – С. 84–87.
7. Шульга Д. П. К вопросу о гетерогенности сюнну // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2025. – Т. 31. – С. 1010–1013.
8. Шульга Д. П. Особенности этнокультурной ситуации на границе Хань и сюнну // Сибирь гуманитарная. – 2025. – № 3 (11). – С. 105–111.
9. Шульга Д. П., Шульга П. И. Могильник Вандаху культуры янлан в Нинся-Хуэйском автономном районе КНР // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2019. – Т. XXV. – С. 649–655.
10. Шульга П. И., Шульга Д. П. Новые материалы по жертвенным животным в погребениях культуры Янлан V–III вв. до н. э. (Китай) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. – 2021. – № 13. – С. 453–466.
11. Шульга П. И., Шульга Д. П. О миграциях ранних кочевников в Китае и на соседних территориях // Stratum plus. – 2020. – № 3. – С. 15–31.
12. Шульга Д. П. Несторианское христианство в Танском Китае (по материалам эпитафии Ми Цзифэня) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. – 2021. – № 13. – С. 934–941.

13. Шэньсийский провинциальный археологический институт, Яньаньский муниципальный институт культурного наследия, Бюро туризма и культурного наследия уезда Хуанлин. Шаньси хуанлин чжайтоухэ чжаньго жун жэнь муди фацзюэ цзяньбао [陕西黄陵寨头河战国戎人墓地发掘简报] // Каогу юй вэньбу (Археология и культурное наследие). – 2012. – № 6. – С. 3–10.

REFERENCES

1. Wang, Sansan (2019) [The Origin and Characteristics of the Silk Trade 丝绸之路贸易: 起源与特征]. *Academic Research*, 6, 127–137. (In Chinese).
2. Varenov, A. V. (2023) [One Episode from the History of Contacts Between the Southern Xiongnu and the Han Empire in a Painting by the Southern Song Artist Chen Juzhong]. *Topical Issues of Studying the History, International Relations and Cultures of Eastern Countries: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 300th Anniversary of the St. Petersburg Treaty with Persia*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 49–54. (In Russian).
3. Wu, Bin (2025) [A Study of the Cultural Phenomenon of “Zhaojun” and Xiongnu Traditions 昭君文化匈奴文化的研究]. *Modern Educational Exploration (Xiandai Jiaoyu Tansuo)*, 6(2), 61–63. (In Chinese).
4. Cai, D., Chen, X., Zhao, X., Zhu, H., Zhou, H. (2015) [Mitochondrial DNA Analysis of M21 Xiongnu Tomb in Hulaha Valley of Mongolia 蒙古国胡拉哈山谷 M21 号匈奴墓主的线粒体 DNA 分析]. *Archaeological Research of the Borderlands*, 13, 140–144. (In Chinese).
5. Jiang, Lu (2011) [Reanalysis on the Tombs of “Southern Xiongnu” in the Northern China 北方地区 «南匈奴» 墓葬再探讨]. *Archaeological Research of the Frontier Regions*, 1, 244–253. (In Chinese).
6. Jiang, Lu (2015) [Changes of the Distribution Area of the Han Tombs in North China and Their Relation to the Han Dynasty's Policy for the Borderland 北方地区汉墓格局演变与汉代边疆政策的关系]. *Changes of the Distribution Area of the Han Tombs in North China and Their Relation to the Han Dynasty's Policy for the Borderland*. *Huaxia Archaeology*, 3, 84–87. (In Chinese).
7. Shulga, D.P. (2025) [On the Heterogeneity of the Xiongnu]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij = Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*, 31, 1010–1013. (In Russian).
8. Shulga, D.P. (2025) [Features of the Ethnocultural Situation on the Border of the Han and Xiongnu]. *Sibir' gumanitarnaya = Siberia humanitaria*, 3 (11), 105–111. (In Russian).
9. Shulga, D.P., Shulga, P.I. (2019) [The Vandahu Burial Ground of the Yanlang Culture in the Ningxia Hui Autonomous Region of the PRC]. *Problemy*

arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij = Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories, 25, 649–655. (In Russian).

10. Shulga, P.I., Shulga, D.P. (2021) [New Materials on Sacrificial Animals in Burials of the Yanlan Culture, 5th–3rd Centuries BC (China)]. Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya = Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region., 13, 453–466. (In Russian).

11. Shulga, P.I., Shulga, D.P. (2020) [On the Migrations of Early Nomads in China and Adjacent Territories]. Stratum plus, 3, 15–31. (In Russian).

12. Shulga, D.P. (2021) [Nestorian Christianity in Tang China (Based on the Epitaph of Mi Jifen)]. Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya = Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region, 13, 934–941. (In Russian).

13. Shaanxi Provincial Institute of Archaeology, Yan'an Municipal Institute of Cultural Relics & Huangling Tourism and Cultural Relics Bureau (2012) [A Preliminary Report on the Warring States Cemetery of the Rong-Barbarian at Zhaitouhe in Huangling County, Shaanxi Province]. Archaeology and Cultural Relics, 6, 3-10. (In Chinese).

Данные автора статьи

Шульга Даниил Петрович

Shulga Daniil Petrovich

УДК 94:327(510:1-87) "19"

DOI: 10.5281/zenodo.20693311

EDN: HIWRDA

В.В. Разумный

Кандидат исторических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

Д.И. Шапошников

Студент 4 курса исторического факультета

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: danil.shaposhnikov@inbox.ru

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ФАКТОРОВ НА ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ С ИНОСТРАННЫМИ ДЕРЖАВАМИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Аннотация

В статье на основе анализа ключевых событий последнего десятилетия XIX века раскрываются механизмы трансформации империи Цин из регионального гегемона в полуколонию, зависимую от ведущих мировых держав. Рассматриваются военные, политические, экономические и социальные предпосылки этого процесса, а также показывается, как внешняя экспансия и внутренний кризис подготовили почву для революционных потрясений начала XX века.

Ключевые слова: *Китай, империя Цин, Японо-китайская война, Ихэтуаньское восстание, полуколлония.*

Summary

This article analyzes the mechanisms by which the Qing Empire transformed from a regional hegemon into a semi-colony dependent on the leading world powers, based on the key events of the last decade of the 19th century. It examines the military, political, economic, and social preconditions of this process and demonstrates how external expansion and internal crisis paved the way for the revolutionary upheavals of the early 20th century.

Keywords: *China, Qing Empire, First Sino-Japanese War, Boxer Rebellion, semi-colony.*

Изучение взаимоотношений Китая с иностранными державами в конце XIX века имеет не только историческое, но и острое политическое значение в

современном мире. Сегодня Китай является одной из двух ведущих сверхдержав, определяющих глобальную повестку. Его внешнеполитическая доктрина, национальная идея «возрождения китайской нации» и отношение к таким вопросам, как суверенитет над Тайванем, во многом сформированы травматическим опытом «века унижений» (1839–1949), ключевым этапом которого стал именно период 1894–1901 годов. Поэтому, на наш взгляд, тема данной статьи является актуальной и требует внимания со стороны исследователей.

Цель данного исследования состоит в изучении влияния внутренних и внешних факторов на взаимоотношения Цинской империи с иностранными державами в конце XIX века.

Историография данной проблемы представлена трудами отечественных и зарубежных специалистов. Еще в 1895 году российский исследователь А. Небольсин в военно-морском журнале «Морской Сборник» опубликовал свою статью «Морская война Японии с Китаем. Сражение 5/17 сентября 1894 г. у острова Хайяна», в которой изучал японо-китайскую войну 1894 – 1895 годов [10]. Отдельные аспекты взаимоотношений Цинской империи с иностранными державами в конце XIX века были рассмотрены в трудах Фань Вэнь-лань [13], А.А. Фурсенко [12], Табохаси Киеси [7], О.Е. Непомнина [3] и Н.М. Калюжной [14]. Среди современных работ по изучаемой нами проблеме, на наш взгляд, стоит выделить труды Н.А. Самойлова [2], Б.М. Кондорского [4], П.А. Лапина [5], М.А. Кутузова [8], О.Е. Фарберовой, В.А. Зайцева, Д.А. Баранова [16], С. Агуреева, А. Болтаевского [9] и А.Е. Савельева [11].

Среди источников, использованных нами при написании данной статьи, следует выделить «Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905», опубликованный Министерством иностранных дел Российской империи в 1906 году [11], а также мемуары В.В. Корсакова о событиях лета 1900 года в Пекине [17].

Конец XIX века стал переломным моментом в истории Китая, ознаменовав его стремительное превращение из регионального гегемона в арену ожесточенной борьбы мировых империалистических держав. Этот период, начавшийся с сокрушительного поражения в японо-китайской войне (1894–1895) и завершившийся подавлением Ихэтуаньского восстания (1899–1901), окончательно закрепил за Китаем статус полуколонии. Чтобы понять механизмы колониальной экспансии конца XIX века и истоки будущих потрясений, включая революции XX столетия нужно проанализировать эти события.

Японо-китайская война была результатом столкновения двух государств, которые находились в принципиально разных этапах развития. После Опиумных войн и восстания тайпинов империя Цин превратилась в полуколонию, зависимую от западных держав, прежде всего Великобритании. Китай оставался полуфеодальной империей с сильными абсолютистскими традициями, где реальная власть сосредоточилась в руках вдовствующей императрицы Цыси. Ослабленное государство не могло эффективно противостоять внешнему давлению [3].

Япония после Реставрации Мэйдзи 1868 года встала на путь ускоренного капиталистического развития. Страна активно строила армию и флот по европейскому образцу. Именно военная модернизация в сочетании с идеологией экспансии определила внешнеполитический курс Токио. Японские стратегии рассматривали Корейский полуостров не только как плацдарм для проникновения в Маньчжурию, но и как важный рынок сбыта и источник сырья [7].

Непосредственным поводом к конфликту послужили события в Корее. В марте 1894 года в Шанхае корейским агентом был убит лидер корейской Независимой партии Ким Ок Кюн, бежавший ранее в Японию. Его тело по приказу корейского короля подвергли посмертной казни – четвертованию, что вызвало шок и возмущение в Японии [7].

Почти одновременно в Корее вспыхнуло мощное крестьянское восстание под руководством секты тонхаков («восточное учение») против злоупотреблений местных властей. Корейское правительство, не в силах справиться с повстанцами, 3 июля 1894 года официально обратилось за военной помощью к Китаю. Высадка китайских войск в Асане дала Японии юридическое основание: согласно Тяньцзиньскому договору 1885 года, обе державы имели право посылать войска в Корею при уведомлении друг друга. Япония, заранее спланировав интервенцию (решение об этом было принято еще 2 июня, до официального запроса Кореи), также направила свои войска [7].

Япония сорвала переговоры о совместном выводе войск и выдвинула требование о проведении реформ в Корее. 23 июля 1894 года японские войска захватили королевский дворец в Сеуле и привели к власти прояпонское правительство, которое 26 августа подписало с Японией договор о союзе, формально сделавший Корею военным союзником Японии [7].

Российская империя, обеспокоенная угрозой своему влиянию на Корейском полуострове, попыталась выступить посредником, но после твердого отказа Японии свернула активное посредничество. Великобритания также предпринимала различные усилия для урегулирования конфликтной ситуации, но они оказались неэффективными.

Армия и флот Цинской империи, несмотря на кажущуюся мощь, страдали от фундаментальных проблем: коррупции, разобщенности командования (армии разных провинций не подчинялись единому центру), отсутствия системы мобилизации и устаревшего вооружения. Средства, предназначенные на перевооружение флота, тратились на строительство дворца для императрицы Цыси [1].

Японо-китайская война началась с нападения японского флота на китайские корабли у входа в Асанский залив 25 июля, еще до официального объявления войны. На суше китайские войска потерпели поражение у Сонхвана. 15 сентября 1894 года в битве за Пхеньян китайская армия, несмотря на численное превосходство, была разбита [8]. Решающим стало морское сражение у устья реки Ялуцзян 17 сентября, после которого японский флот захватил господство на море. В ноябре пала главная база северного флота Китая —

Люйшунь (Порт-Артур), а в феврале 1895 года капитулировали остатки цинского флота в Вэйхайвэе [7].

17 апреля 1895 года был подписан Симоносекский мирный договор, унижительный для Китая. Его ключевые условия включали:

- признание независимости Кореи, что означало разрыв ее вассальных отношений с Китаем и открывало путь для японского контроля.
- территориальные уступки: Китай передавал Японии Ляодунский полуостров (с Порт-Артуром и Дальним), остров Тайвань и острова Пэнхуледао.
- огромная контрибуция в размере 200 миллионов лянов, подорвавшая финансовую систему империи.
- новые торговые привилегии для Японии, включая право открывать предприятия в договорных портах [15].

Известие о договоре вызвало в Китае взрыв негодования. Под давлением России, Германии и Франции («Тройственное вмешательство») Япония была вынуждена вернуть Ляодунский полуостров в обмен на дополнительную контрибуцию, что лишь усугубило международные противоречия. Война обнажила полную несостоятельность Цинской империи и превратила ее в объект открытой империалистической борьбы [7].

Поражение в войне послужило мощным толчком для нового, еще более агрессивного этапа империалистической экспансии, вошедшего в историю как «битва за концессии». Великие державы (Великобритания, Франция, Германия, Россия, Япония и США) приступили к открытому экономическому и территориальному разделу Китая, окончательно превращая его в полуколонию [12].

Главную и особую роль в этом процессе играли банки и финансовый капитал, которые стали главным орудием экономического закабаления, снабжая китайское правительство кабальными займами под залог важнейших доходов империи (таможенные сборы, соляной налог) [3].

Особое внимание привлекали перспективы железнодорожного строительства, которое открывало доступ к сырьевым ресурсам и рынкам сбыта. Иностранные синдикаты, представлявшие крупнейшие монополии США («American China Development Company»), Великобритании, Германии и Бельгии, развернули ожесточенную борьбу за железнодорожные концессии. Однако эти проекты наталкивались на противодействие конкурентов. Например, попытки американского капитала получить контроль над строительством транскитайской магистрали были сорваны Россией и Великобританией, которые уже имели свои «сферы влияния» [1].

Параллельно с вывозом капитала рос и товарный экспорт, носивший колониальный характер: из Китая вывозилось сырье (шелк, чай), а ввозились промышленные изделия, что подавляло развитие национальной промышленности [3].

Проникновение иностранного капитала оказывало разрушительное воздействие на внутреннее положение Китая, вызывая обнищание широких масс

и мощный подъем национально-освободительного движения. В 1894 году возникла первая революционно-демократическая организация «Общество возрождения Китая» под руководством Сунь Ятсена [12].

Важнейшую роль в системе колониального угнетения играли христианские миссионеры, которые нередко пользовались правом экстерриториальности и покровительствовали уголовным элементам, что вызывало ненависть местного населения [3].

Особенно сильное революционизирующее влияние на континентальный Китай оказала героическая борьба населения Тайваня против японской оккупации. По Китаю распространялись призывы последовать примеру тайваньцев и изгнать иностранцев. Кульминацией антииностранных выступлений в этот период стало восстание в Гутяне (провинция Фуцзянь) в августе 1895 года, организованное тайным буддийским обществом «Вегетарианцы». Восставшие крестьяне, ремесленники, кули и солдаты, эвакуированные с Тайваня, напали на резиденции американских и английских миссионеров, убили нескольких из них и уничтожил их дома [1].

Реакция США была крайне агрессивной. Пресса требовала послать военные экспедиции и действовать, «несмотря на возможный риск войны». Государственный департамент предписал своему посланнику «требовать защиты и репрессий». Совместно с Англией США отправили в Гутян своих представителей для ведения следствия и наблюдения за расправой. Англо-американская комиссия провела массовые аресты (более 200 человек), привлекая к ответственности не только участников, но и их родственников. В результате 26 человек были казнены, 17 отправлены в ссылку, а головы руководителей выставлены на месте преступления [12].

На фоне внутреннего кризиса обострялись и межимпериалистические противоречия. К 1898–1899 годам сложились две группировки держав: с одной стороны, союз России, Франции и Германии, с другой – складывающаяся англо-американо-японская группировка. Захват Германией Цзяочжоу и «аренда» Россией Люйшуня (Порт-Артура) вызвали беспокойство в США, которые опоздали к разделу и не имели собственной «сферы влияния» [1].

В этих условиях США выдвинули доктрину «открытых дверей». В нотах, разосланных в сентябре 1899 года, США, не оспаривая существование «сфер влияния», требовали от держав соблюдения в их пределах трех условий: не ущемлять договорные порты других держав, взимать таможенные пошлины по единому китайскому тарифу и не устанавливать дискриминационных железнодорожных тарифов. Формально выступая за «целостность Китая», США стремились обеспечить равный доступ на китайский рынок для своих товаров и капиталов, рассчитывая использовать свое экономическое превосходство. Доктрина носила односторонний характер, так как в самой Америке действовал высокий протекционистский тариф. Хотя державы ответили на ноты США с оговорками, а Россия вообще уклонилась от обязательств в Маньчжурии, доктрина «открытых дверей» закрепила за США равное с другими право на эксплуатацию Китая [12].

Хищническая эксплуатация и стихийные бедствия (наводнения и засуха 1898–1899 годов) довели население Северного Китая до крайней степени обнищания. Ответом на иностранное засилье стало массовое народное движение, известное как восстание ихэтуаней [13; 14].

В 1898–1899 годах в провинциях Шаньдун и Чжили действовали многочисленные тайные союзы, объединенные неприязнью к иностранцам, особенно к миссионерам и китайцам-христианам. Наиболее известным стал союз «Ихэтуань» («Отряды справедливости и мира»). Ихэтуани не имели единого руководства и четкой программы. Их идеология представляла собой эклектичную смесь конфуцианства, даосизма, буддизма и народных верований с сильным элементом мистики. Повстанцы верили в магию и заклинания, делавшие их, по их мнению, неуязвимыми для пуль. Социальный состав ихэтуаней был чрезвычайно пестрым: разоренные крестьяне, ремесленники, транспортные рабочие, люмпены, а также часть мелких помещиков и шэньши [14].

Идеология ихэтуаней носила эклектичный характер, вобрав в себя элементы всех трех основных религий Китая – конфуцианства, даосизма и буддизма, а также традиционные народные верования и суеверия. Повстанцы почитали многочисленных духов и божеств, верили в магию и заклинания, которые должны были сделать их неуязвимыми для вражеских пуль. Важное место в их практике занимали гимнастические приемы «цюань», что дало основание иностранцам назвать их «боксерами» [14].

Развитие движения во многом определялось позицией местных властей. Губернатор Шаньдуна Юй Сянь, ярый противник иностранцев, легализовал ихэтуаней, включив их в систему сельского ополчения и используя для борьбы с миссионерами. Однако под давлением держав цинское правительство в декабре 1899 года заменило его на Юань Шикая, который начал жесткое подавление повстанцев [14].

В результате центр движения переместился в провинцию Чжили, вплотную приблизившись к столице. К лету 1900 года ихэтуани контролировали огромные территории, разрушали железные дороги, жгли церкви и убивали христиан [17].

В правящих кругах Китая шла острая борьба. Часть консервативных сановников во главе с князем Дуанем сочувствовала ихэтуаням и видела в них силу для борьбы с иностранцами. Вдовствующая императрица Цыси, раздраженная вмешательством держав во внутренние дела (вопрос о престолонаследии), решила использовать восстание. В июне 1900 года ихэтуани начали входить в Пекин, где устроили погромы и осадили иностранные посольства. Правительство фактически легализовало их, взяв на довольствие [17].

Однако наместники юго-восточных провинций (Ли Хунчжан и др.) отказались подчиниться указу о войне с державами и заключили с ними сепаратный договор о защите иностранцев, что сорвало общекитайское сопротивление [14].

14 августа 1900 года объединенные силы восьми держав (Японии, России, Великобритании, США, Франции, Германии, Италии, Австро-Венгрии) штурмом взяли Пекин. Императорский двор бежал. Интервенты учинили в городе жестокие грабежи и расправы, подавив последние очаги сопротивления [16].

7 сентября 1901 года был подписан Заключительный протокол, который юридически оформил полуколониальный статус Китая. Его основные условия [14; 15]:

- огромная контрибуция в 450 миллионов лянгов (около 67 млн фунтов стерлингов), которую Китай выплачивал в течение 39 лет;
- право держав держать войска в Пекине для охраны посольств и вдоль железной дороги Пекин-Тяньцзинь;
- разрушение китайских фортов Дагу, которые веками охраняли подступы к столице;
- превращение Цзунлиямыня в Министерство иностранных дел (Вайбу), поставленное выше других ведомств.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что события 1894–1901 годов стали трагическим, но переломным этапом в истории Китая. Японо-китайская война вскрыла системный кризис империи Цин, лишила ее влияния в Корее и привела к первым территориальным потерям. Последовавшая за ней «битва за концессии» через кабальные займы и захват сфер влияния поставила китайскую экономику под контроль иностранного капитала, окончательно превратив страну в полуколонию. Доктрина «открытых дверей», провозглашенная США, закрепила за ними равные права на эксплуатацию Китая, еще больше обострив межимпериалистические противоречия.

Ихэтуаньское восстание стало стихийным, героическим, но плохо организованным ответом народа на национальное унижение. Его жестокое подавление объединенными силами империалистов и кабальные условия Заключительного протокола 1901 года продемонстрировали полное бессилие Цинской династии защитить страну. Однако восстание также показало мощь народного сопротивления и способствовало росту национального самосознания. Именно в этот период зародились семена будущего возрождения: активизировались революционные силы во главе с Сунь Ятсеном, а либеральная интеллигенция осознала необходимость коренных реформ. Крах традиционной системы правления и иностранное закабаление подготовили почву для революционных потрясений начала XX века, кульминацией которых стало падение монархии в 1911 году.

Список источников и литературы:

1. История Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 т. Т. 6. 1912–1949 гг. / отв. ред. О. Е. Непомнин. – М.: Наука, 2014. – 886 с.

2. Самойлов Н. А. Реформы в цинском Китае начала XX в. глазами российских дипломатических представителей (по документам из фондов РГИА) // Проблемы Дальнего Востока. – 2022. – № 6. – С. 175–188.
3. Непомнин О. Е. Социально-экономическая история Китая 1894–1914. – М. : Наука, 1980. – 360 с.
4. Кондорский Б. М. Революционный период в Китае // Общество и государство в Китае. – 2015. – № 1. – С. 134–148.
5. История Китая: учебник / под ред. А. В. Меликсетова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во МГУ ; Высшая школа, 2002. – 736 с.
6. Лапин П. А. Упразднение системы государственных экзаменов (кэцзюй) в Китае в поздние годы династии Цин: социально-политическое и культурно-образовательное значение // Общество и государство в Китае. – 2016. – № 1. – С. 70–82.
7. Табохаси Киеси. Дипломатическая история японо-китайской войны (1894–1895 гг.) / пер. с яп. В. Гривнина, Г. Подпаловой, Б. Раскина; вступ. ст. А. Гальперина. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1956. – 608 с.
8. Кутузов М. А. Японо-китайская война 1894–1895 гг.: не услышанная война. – М. : Яуза, 2018. – 474 с.
9. Агуреев С., Болтаевский А. Триумф японского флота в сражении при Ялу // Исторический журнал. – 2017. – № 2 (143). – С. 34–49.
10. Небольсин А. Морская война Японии с Китаем. Сражение 5/17 сентября 1894 г. у острова Хайяна // Морской сборник. – 1895. – № 9. – Неофициальный отдел. – С. 1–19.
11. Савельев А. Е. Японо-китайская война 1894–1895 гг. // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2010. – № 4. – С. 9–18.
12. Фурсенко А. А. Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей. 1895–1900. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. – 247 с.
13. Фань Вэнь-лань. Новая история Китая / пер. с кит. Р. В. Вяткина [и др.] ; ред. и предисл. В. Н. Никифорова. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 600 с.
14. Калюжная Н. М. Восстание ихэтуаней (1898–1901). – М.: Наука, 1978. – 363 с.
15. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905. – СПб. : Тип. А. М. Менделевича, 1906. – 762 с.
16. Фарберова О. Е., Зайцев В. А., Баранов Д. А. Ихэтуаньское восстание: позиция России // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 5. – С. 33–40.
17. Корсаков В. В. Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине. Май–август 1900 года. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1901. – 418 с.

REFERENCES

1. Nepomnin O.E. (2014) *The history of China from ancient times to the beginning of the 21st century*. V.6. Moscow: Nauka (In Russian)

2. Samoylov N.A. (2022) [Reforms in Qing China at the beginning of the 20th century through the eyes of Russian diplomatic representatives (according to documents from the funds of the Russian State Historical Archive)] *Problemy Dalnego Vostoka = Problems of the Far East*. 6. 175 –188. (In Russian).
3. Nepomnin O.E. (1980) *Socio-economic History of China 1894-1914*. Moscow: Nauka (In Russian)
4. Kondorskiy B.M. (2015) [The Revolutionary period in China] *Obshestvo i gosudarstvo v Kitae = Society and State in China*. 1, 134 - 148 (In Russian).
5. *The History of China* (2002) Meliksetov A. V. (eds). Moscow: Moscow State University Publishing House. (In Russian).
6. Lapin P.A. (2016) [The abolition of the State Examination system (keju) in China in the late years of the Qing Dynasty: socio-political, cultural and educational significance] *Obshestvo i gosudarstvo v Kitae = Society and State in China*. 1, 70 – 82 (In Russian).
7. Tabohashi, Kiyoshi (1956) *The Diplomatic history of the Sino-Japanese War (1894-1895)*. Moscow: Foreign Literature Publishing House (In Russian).
8. Kutuzov M.A. (2018) *The Sino-Japanese War, 1894 - 1895: the unheard war*. Moscow: Yauza Publishing House (In Russian).
9. Agureev S., Boltaevskiy A. (2017) [The triumph of the Japanese fleet in the Battle of Yalu]. *Istoricheskiy zhurnal = Historical Journal*. 2, 34 - 49. (In Russian).
10. Nebolsin A. (1895) [Japan's naval war with China. The battle of September 5/17, 1894 off the island of Haiyan]. *Morskoy Sbornik = Marine Collection*. 9, 1 - 19.
11. Saveliev A.E. (2010) [The Sino-Japanese War, 1894 - 1895]. *Vestnik Krasnoarskogo univrsiteta MVD Rossii = The Bulletin Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 4, 9 - 18. (In Russian).
12. Fursenko A.A. (1956) *The struggle for the partition of China and the American open door doctrine. 1895-1900*. Moscow – Leningrad: Soviet Academy of Sciences Publishing House. (In Russian).
13. Fan Van-lan (1955) *New history of China*. Nikiforov V.N. (eds.). Moscow: Foreign Literature Publishing House (In Russian).
14. Kaluzhnaya N.M. (1978) *The Rebellion of the Yihetuan*. Moscow: Nauka (In Russian)
15. *Collection of treaties and diplomatic documents on the affairs of the Far East. 1895-1905* (1906). St. Petersburg: Ministry of Foreign Affairs. (In Russian)
16. Farberova O.E. & Zaytsev V.A., Baranov D.A. (2018) [The Yihetuan Uprising: Russia's position] *Voенно исторический журнал = Military History Journal*. 5, 33 - 40.
17. Korsakov V.V. (1901) *Beijing events. personal memoirs of a participant in the events of the May - August 1900*. St. Petersburg: Suvorov Publishing House (In Russian)

Данные авторов статьи

Разумный Виталий Витальевич	Razumnyi Vitalii Vitalievich
Шапошников Данил Иванович	Shaposhnikov Danil Ivanovich

УДК 94 (44:470)"1856/1870"
DOI: 10.5281/zenodo.20693356
EDN: BGLRFV

Р.Г. Харьковский

кандидат исторических наук, доцент, директор института управления и государственной службы

ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля»

E-mail: wwwrylan@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ НАПОЛЕОНА III НА РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1856-1870 ГГ.

Аннотация

Статья посвящена исследованию влияния политических решений Наполеона III на развитие отношений между Парижем и Санкт-Петербургом в период после окончания Крымской войны и до потери Наполеоном III императорского престола. В работе проанализирована внешняя политика Франции по отношению к России в 1856-1870 гг., а также обоснованы причины, по которым Париж и Санкт-Петербург не пришли к устойчивому союзу в этот период. Охарактеризован личный вклад решений Наполеона III в данный процесс.

Ключевые слова: *Наполеон III, Александр II, А.М. Горчаков, русско-французские отношения.*

Summary

The article is devoted to the study of the influence of Napoleon III's political decisions on the development of relations between Paris and St. Petersburg in the period after the end of the Crimean War and before Napoleon III lost the imperial throne. The paper analyzes the foreign policy of France towards Russia in 1856-1870, and also substantiates the reasons why Paris and St. Petersburg did not come to a stable alliance during this period. The personal contribution of Napoleon III's decisions to this process is characterized.

Key words: *Napoleon III, Alexander II, A.M. Gorchakov, Russian-French relations.*

Шарль Луи Наполеон Бонапарт (1808–1873) – племянник французского императора Наполеона I Бонапарта (1769–1821), придя к власти во Франции в качестве президента Второй республики в 1848 г., а затем в 1852 г. став правителем Второй империи, за время своего управления Францией, зарекомендовал себя как достаточно противоречивый государственный деятель.

Британский историк А.Дж.П. Тэйлор характеризует Наполеона III следующим образом: «Луи Наполеон был помесью идеалиста с заговорщиком, последовательным только в одном – он никогда не мог преодолеть искушения строить рискованные планы» [1, с.70]. Характер французского правителя наложил свой отпечаток на проводимую им внешнюю политику, а принимаемые им решения оказали значительное влияние на отношения между Парижем и Санкт-Петербургом. В связи с вышесказанным, целесообразно рассмотреть, как именно политика Наполеона III, до сих пор не получившая в отечественном историческом сообществе однозначной оценки, отразилась на русско-французских отношениях в 1856–1870 гг.

Актуальность поставленной темы обусловлена рядом факторов: во-первых, на примере влияния политики Луи Наполеона Бонапарта на русско-французские отношения достаточно хорошо прослеживается роль личности в истории, т.к. именно противоречивые решения французского правителя неоднократно приводили к временному улучшению и последующему ухудшению отношений Франции с каким-либо государством, в том числе – Россией. Во-вторых, исследование данного этапа русско-французских отношений крайне важно для понимания логики формирования внешнеполитического курса Российской империи во второй половине XIX в., а именно – сближения России с Германией в 1860-х гг. и дальнейшего перехода к русско-французскому союзу в 1890-х гг. В-третьих, в отечественной историографии пока ещё не сформировалось единого мнения, относительно роли Наполеона III в развитии русско-французских отношений в период после Крымской войны, что в очередной раз подтверждает актуальность исследования.

Цель работы – проанализировать, как политика Луи Наполеона Бонапарта в 1856–1870 гг. отразилась на отношении к Франции правящих кругов России, и, соответственно, как она повлияла на характер отношений между Парижем и Санкт-Петербургом.

Луи Наполеон Бонапарт пришел к власти во Франции в 1848 г., став президентом Второй Французской республики, однако, его амбиции на французский престол зародились намного раньше, как и его контакты с высшими кругами России. Современные исследователи отмечают, что будущий император Наполеон III в 1830-х гг. «неоднократно обращался» к Николаю I (1825–1855) с целью получения от последнего финансовой и политической поддержки, но постоянно сталкивался с отказами [2, с.5]. Более того, как справедливо замечает П.П. Черкасов, «даже после Февральской революции 1848 г., свергнувшей Июльскую монархию, в Петербурге отказывались видеть в Луи Наполеоне перспективную политическую фигуру» [3, с.203].

На наш взгляд, подобное недоверие к Наполеону было обусловлено монархическим принципом, которого придерживался Николай I, с опаской относившийся как к революционным процессам в Европе, так и к самому Луи Наполеону Бонапарту – родственнику самопровозглашенного императора Наполеона I, не принадлежавшего к монархической династии Франции. Наиболее ярко отношение Николая I к Луи Наполеону выразилось уже после

провозглашения последним империи. В отличие от монархов других европейских государств, считавших Наполеона легитимным правителем и обратившихся к нему как к «брату», Николай I «демонстративно отказался признать Наполеона III полноправным членом «семьи» европейских монархов», что нашло отражение в обращении «Сир и добрый друг» [4, с.40]. И несмотря на то, что Луи Наполеон Бонапарт вышел из неловкой этой ситуации, находчивым ответом «Бог дает нам братьев, друзей же мы выбираем сами» [1, с.90], данный инцидент поспособствовал ухудшению отношений между Парижем и Санкт-Петербургом.

Таким образом, можно отметить, что политика Луи Наполеона в первые годы его правления не носила враждебного характера по отношению к России. До своего прихода к власти, Наполеон стремился заручиться поддержкой российского императора, а после избрания президентом даже рассматривал Россию в качестве потенциального союзника против Германии [1, с.82]. Ситуация изменилась в 1852 г., когда интересы России и Франции столкнулись на Ближнем Востоке. В поисках поддержки, Луи Наполеон стал благоволить духовенству, в связи с чем «внезапно решил вступить в борьбу за святые места», чем бросил вызов влиянию России в Стамбуле [5, с.143].

В рамках данного исследования мы не будем подробно останавливаться на причинах и событиях Крымской войны (1853-1856), однако, отметим, что уже в этот период проявился непоследовательный характер политики Луи Наполеона в отношении России. Заверяя Николая I в том, что он (авт. – Луи Наполеон) наведет во Франции порядок [3, с.203], а также предлагая Санкт-Петербургу отвернуться от Германии и переориентировать свою политику на Ближний Восток, Луи Наполеон вскоре сам посягнул на престиж российского императора.

Схожие противоречия можно наблюдать и во внутренней политике Луи Наполеона. Т.Н. Гелла обращает внимание на «двойственность» формулировки «милостью Божьей и по воле народа», с которой Луи Наполеон короновался как император [6, с.68]. Пытаясь сочетать несочетаемое, французский монарх обнажал такую свою черту как «политическое притворство», что отмечали его современники [6, с.68].

При этом, А.Дж.П. Тэйлор отмечает, что Наполеон III не стремился к конфликту с Россией, «еще даже до Крымской войны он уже думал о франко-русском союзе, которым эта война кончилась» [1, с.101]. По мнению Тэйлора, французского императора не интересовали святые места, его целью было разрушить Священный союз. Добившись этого де факто еще в начале 1854 г., Наполеону III не было нужды вступать в прямой вооруженный конфликт с Россией, но и отступить он от него не мог, ввиду необходимости поддержания своего внутреннего положения.

На наш взгляд, большинство решений Луи Наполеона до 1856 г. диктовались преимущественно необходимостью укрепить свою власть. Короновавшись как император, Наполеон III еще более нуждался в поддержании легенды, созданной во французском обществе его дядей Наполеоном I. Для этого Луи Наполеону были нужны собственные победы, первую из которых он

одержал в Крымской войне. Следовательно, можно согласиться с Тэйлором в том, что Наполеон III действительно не планировал углубления вражды с Россией даже несмотря на холодность в отношениях между ним и Николаем I.

Вскоре после подписания в марте 1856 г. Парижского трактата, предусматривавшего для России крайне тяжелое условие по нейтрализации Черного моря, отношения между Парижем и Санкт-Петербургом несколько улучшились, о чем свидетельствует благожелательный тон французского императора по отношению к имевшему у него аудиенцию председателю российской делегации на Парижском конгрессе графу А.Ф. Орлову [7, с.56]. Несмотря на то, что Крымская война, по мнению ряда исследователей, «усилила взаимное неприятие России и Франции, усугубив прежние стереотипы и противоречия» [8, с.88], в новых геополитических реалиях интересы Парижа и Санкт-Петербурга во многом совпадали.

Одной из ключевых причин русско-французского сближения, произошедшего практически сразу после окончания Крымской войны, на наш взгляд, следует считать смену власти в Российской империи. В 1855 г. императорский престол занял Александр II (1855–1881), осознававший необходимость проведения серьезных перемен в российском обществе уже в ближайшее время, а в 1856 г. пост министра иностранных дел занял князь А.М. Горчаков (1798–1883), уведомивший всех российских послов и консулов за границей об изменении внешнеполитического курса России [9]. Именно князю Горчакову принадлежит авторство знаменитой фразы «Россия не сердится, она сосредотачивается», которая означала, что «Россия собирается с силами, сосредотачивает внимание на экономических и политических вопросах, связанных с внутренним развитием государства» [10, с.14].

Новый внешнеполитический курс России предполагал ограничение активных действий на международной арене. Основной задачей Санкт-Петербурга на ближайшие несколько лет становилось «низложение ограничительных условий Парижского мирного договора» [11, с.39], что, в свою очередь, достаточно четко очерчивало круг потенциальных союзников России. Интересы Австрии и Великобритании пересекались с российскими на Ближнем Востоке и на Балканах, в связи с чем Санкт-Петербургу приходилось выбирать между Францией и Пруссией. Нейтралитет последней в ходе Крымской войны был положительно оценен в российских правящих кругах [12]. Александр II, который, как и его отец, не питал к Луи Наполеону теплых чувств, тоже тяготел к союзу с Пруссией. Тем не менее, князь Горчаков, склонявшийся к союзу с Францией на основании убеждения, что «Восток для Наполеона III является только мелочью (*un appoint*), которой он готов пожертвовать ради своих европейских интересов» [10, с.15], смог убедить российского императора в том, что улучшение отношений с Парижем представляется куда более надежным вариантом, нежели попытки выстроить союз с какой-либо другой державой.

Состоявшаяся в 1857 г. личная встреча Наполеона III и Александра II в Штутгарте не привела к значительному прогрессу в развитии русско-французских отношений. Луи Наполеон был одержим идеей ликвидации в

Италии порядка, установленного Венским конгрессом в 1815 г., в то время как российская сторона настаивала на необходимости пересмотра условий Парижского трактата 1856 г., в связи с чем стороны не пришли к какому-либо определенному соглашению. При этом, князь Горчаков положительно оценивал данную встречу в качестве предпосылки дальнейшего русско-французского сотрудничества.

В свою очередь, Штутгартское свидание уверило Наполеона III в том, что Россия не будет защищать Австрию в случае начала им Итальянской кампании, поэтому французский император инициировал тайные переговоры с премьер-министром Сардинского королевства Кавуром о совместных действиях против Австрии. Добившись в 1858 г. дипломатического успеха и заручившись поддержкой Сардинского королевства, Наполеон предпринял попытку втянуть в предстоящий конфликт ещё и Россию, но столкнулся с нежеланием Александра II предпринимать любые действия, которые могли бы спровоцировать участие России в новой войне.

При этом, следует отметить, что Наполеон III избегал предлагать Санкт-Петербургу какие-либо определенные обещания по содействию в отмене условий Парижского трактата, на которые, в свою очередь, более всего надеялась российская сторона. Предлагая России Галицию в обмен на войну с Австрией, французский император не мог заинтересовать Александра II. Тем не менее, в Санкт-Петербурге все еще рассчитывали на возможность достижения с Францией соглашения по наиболее волнующему Россию вопросу отмены нейтрализации Черного моря, в связи с чем русско-французские переговоры продолжались до заключения в 1859 г. секретного договора о нейтралитете и сотрудничестве. По условиям данного соглашения, в случае начала войны между Францией и Австрией, Россия обязывалась соблюдать благожелательный к Франции нейтралитет и «способствовать сохранению нейтралитета других великих держав, прежде всего Пруссии» [13, с.58].

Что же касается обязательств Франции, они не были четко регламентированы. Ст. 2 договора о нейтралитете и сотрудничестве содержит лишь следующую крайне расплывчатую формулировку: «Высокие договаривающиеся стороны договорятся касательно изменения существующих договоров, которого надлежит совместно добиваться в интересах обоих государств при заключении мира» [14, ст.2]. В конечном счете, после завершения летом 1859 г. Австро-итало-французской войны, Россия не получила буквально ничего. По мнению ряда отечественных авторов, Санкт-Петербург извлек свою выгоду из соглашения 1859 г. в том ключе, что сближение с Францией «способствовало восстановлению русского престижа в Европе», а франко-австрийская война «расшатала крымскую систему» [13, с.59]. Однако, на наш взгляд, в этой ситуации Россия потерпела дипломатическое поражение, т.к. Санкт-Петербург де факто обменял свою реальную поддержку на туманные обещания Наполеона III когда-нибудь в будущем вернуться к вопросу пересмотра условий Парижского трактата.

Примечательно, что, заигрывая с Россией, Наполеон III старался не допускать ухудшения отношений с Великобританией, с которой у Франции определено бы возникли противоречия в случае попытки со стороны Парижа поддержать Россию в отмене нейтрализации Черного моря. Наполеон III не мог этого не осознавать, из чего можно сделать вывод об изначальном отсутствии у французского императора стремлений оказать России ответную услугу за сохранение благожелательного нейтралитета в прошедшей войне.

В 1863 г. произошло событие, которое в очередной раз убедило российское правительство в ненадежности своего французского союзника. Польское восстание 1863–1864 гг. было благоприятно воспринято практически всеми великими державам, за исключением собственно самой России и Пруссии, поддержавшей российские планы по подавлению повстанческих войск. Заключение между последними в 1863 г. Альвенслебенской конвенции, в свою очередь, сильно встревожило Францию, первое время занимавшую выжидательную позицию.

Наполеон III понимал, как в Санкт-Петербурге относятся к Польше, поэтому изначально рассчитывал игнорировать польский вопрос столько, сколько это будет представляться возможным, однако, по словам Тэйлора, он «не мог противостоять восторженному преклонению перед Польшей, сразу объединившему все группы при императорском дворе» [1, с.168]. Материалы парижской прессы, выступившей с осуждением российской политики по отношению к полякам, свидетельствуют о том, что симпатии к Польше были сильны не только в руководящих кругах, но и среди других групп французского населения [15, с.276]. В связи с этим, даже несмотря на то, что Наполеон III прекрасно осознавал, что открытая поддержка восстания приведет к ухудшению отношений с Россией, ничего не предпринять он не мог. Но именно в этой ситуации проявилась непоследовательность его политики. Вместо того, чтобы ограничиться исключительно формальным несогласием с позицией России, Франция, вместе с Великобританией и Австрией потребовала от Санкт-Петербурга проведения в Польше реформ и созыва по польскому вопросу конференции держав-участниц Венского договора 1815 г. [16, с.87].

В России коллективный демарш западных государств был встречен достаточно спокойно. Польский вопрос рассматривался в Санкт-Петербурге как внутреннее дело России, о чем собственно и заявил Горчаков представителям Франции, Австрии и Великобритании. Столкнувшись с отказом России превращать польский вопрос в дело международного характера, западные державы не могли ничего предпринять, в связи с чем вся их поддержка польского восстания свелась лишь к «демонстрации недовольства и благим пожеланиям» [13, с.70].

В то же время, позиция Франции по отношению к польскому восстанию, привела к значительному ухудшению русско-французских отношений. Начиная с 1856 г. Наполеон III разменивал установившееся после Крымской войны французское превосходство в Европе по пустякам, создавая крайне противоречивое впечатление о парижской дипломатии у других великих держав.

Тэйлор справедливо замечает, что «Наполеон никогда не мог неуклонно следовать по пути консервативной политики и договорных прав, однако советники и собственная апатия удерживали его от смелой политики авантюры» [1, с.181]. Так и не выбрав, по какому конкретно пути ему следует идти, в скором времени Наполеон III привел Францию к международной изоляции.

После польского восстания в Санкт-Петербурге окончательно перестали видеть во Франции надежного партнера. Ориентиры внешней политики Российской империи сместились в сторону Пруссии, которую представлял более последовательный в своих решениях Отто фон Бисмарк. В связи с этим, даже несмотря на то, что по словам Л.А. Пуховой, в 1863–1866 гг. Александр II и Наполеон III обменивались письмами по вопросам «европейской политики» [17, с.63], ни о каком потеплении русско-французских отношений в этот период речь не шла. Последняя попытка российского правительства заручиться помощью Франции в отмене условий Парижского трактата была сделана в 1867 г. во время визита Александра II и Горчакова на выставку в Париже, однако, она не принесла положительного результата, ввиду нежелания Наполеона III сковывать себя такими обязательствами. Как впоследствии отметил А.М. Горчаков, «содействие, которое оказывал нам тюильрийский кабинет, было, сказать по правде, неискренним и весьма ограниченным»¹.

В конечном счете отмена условий Парижского трактата произошла не благодаря, а вопреки Франции. Пока в Европе бушевала франко-прусская война (1870-1871), князь А.М. Горчаков в 1870 г. в своем циркуляре к представителям России при дворах держав, подписавших Парижский трактат 1856 г., констатировал, что Россия более не считает себя скованной ограничительными статьями Парижского трактата [18]. Решиться на этот шаг российскому правительству помогли заверения Пруссии в том, что она считает претензии России к договору 1856 г. вполне обоснованными и не будет противодействовать отмене условий последнего. В свою очередь, Франция в этот период была озабочена войной, поэтому не могла ничего возразить. Что же касается Наполеона III, он был отстранен от власти еще до циркуляра Горчакова в результате сентябрьского переворота во Франции в 1870 г.

Подводя итог, следует отметить, что политика Наполеона III в 1856–1870 гг. носила крайне непоследовательный характер. Укрепив международное положение Франции после окончания Крымской войны в 1856 г., Наполеон III в своем стремлении еще более расширить французское влияние в Европе, за последующие 10 лет привел страну в состояние дипломатической изоляции. Попытки Наполеона сблизиться с Россией носили половинчатый характер. Французский император намеревался заручиться поддержкой Санкт-Петербурга, но ничего не предлагал взамен. Наполеон III не желал портить отношения с Англией, а также не был готов к пересмотру условий Парижского трактата, которые являлись наиболее актуальной проблемой России.

¹ Цит. по: История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза) // А.В. Игнатьев, Н.С. Киняпина, Ю.Ф. Субботин, В.М. Хевролина. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 60.

При этом, в период 1856–1859 гг. французскому императору вполне успешно удавалось подкупать Санкт-Петербург туманными обещаниями о будущем рассмотрении вопроса отмены ограничительных статей Парижского мира. На наш взгляд, это было вызвано прежде всего убежденностью Горчакова в том, что только Франция, ввиду отсутствия прямых интересов на Востоке, может стать надежным союзником России на ближайшие несколько лет. Как показала история, расчет министра иностранных дел не оправдался.

Поддержка Наполеоном III польского восстания в 1863 г. и участие в коллективном демарше вместе с Великобританией и Австрией значительно ухудшили отношения между Парижем и Санкт-Петербургом. После данного прецедента, российская внешняя политика стала всё больше переориентироваться в сторону Пруссии, благодаря поддержке которой Россия впоследствии решила сбросить оковы Парижского трактата.

Таким образом, можно заключить, что непоследовательная и противоречивая политика Луи Наполеона III Бонапарта оказала значительное влияние на изменение внешнеполитических приоритетов Российской империи. От попыток прийти к союзническому соглашению с Парижем, Санкт-Петербург перешел к укреплению отношений с Пруссией, которая в отличие от Франции, согласилась оказать России поддержку в отмене ограничительных условий крымской системы.

Список источников и литературы:

1. Тэйлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе. 1848–1918 / А. Дж. П. Тэйлор ; пер. с англ. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1958. – 644 с.
2. Кряжева-Карцева Е. В., Линькова Е. В., Симонова М. А. Два императора – две эпохи. Взгляд из России на личность и политику Наполеона Бонапарта и Наполеона III: сравнительный анализ / Е. В. Кряжева-Карцева, Е. В. Линькова, М. А. Симонова // Genesis: исторические исследования. – 2025. – № 4. – С. 1–11. – DOI: 10.25136/2409-868X.2025.4.73841.
3. Черкасов П. П. Наполеон III – император французов / П. П. Черкасов // Новая и новейшая история. – 2012. – № 3. – С. 197–216.
4. Королев П. И. Германский вопрос во франко-русских отношениях в начале 1850-х – начале 1870-х годов : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Королев Павел Игоревич. – Курск, 2011. – 236 с.
5. Ежель Е. В., Жайбалиева Л. Т. Крымская война 1853–1856 гг.: причины и предпосылки / Е. В. Ежель, Л. Т. Жайбалиева // Шаг в науку. – 2023. – № 4. – С. 140–144.
6. Гелла Т. Н. Вторая империя и Наполеон III в оценке британских современников в середине XIX века / Т. Н. Гелла // Вестник государственного и муниципального управления. – 2023. – № 12 (3). – С. 63–71.
7. Деша графа Орлова Нессельроде, 3 мая/21 апреля 1856 г., № 92 // Красный архив. – Т. 2 (75). – М. : Государственное социально-экономическое изд-во, 1936. – С. 56.

8. Линькова Е. В., Де Болливье М. Влияние Крымской войны 1853–1856 гг. на эволюцию взаимного восприятия России и Франции / Е. В. Линькова, М. Де Болливье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2016. – № 3. – С. 84–89.
9. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 176. Оп. 827. Д. 13. Л. 39.
10. Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX в. / Н. С. Киняпина. – М. : Высш. школа, 1974. – 280 с.
11. Зварцев И. А. Борьба российского дипломатического представительства с «крымской системой» во второй половине XIX века / И. А. Зварцев // Вестник науки. – 2022. – № 1 (9 (54)). – С. 38–43.
12. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 137. Оп. 475. Д. 40. Л. 314.
13. История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза) / А. В. Игнатъев, Н. С. Киняпина, Ю. Ф. Субботин, В. М. Хевролина. – М. : Междунар. отношения, 1999. – 384 с.
14. Договор между Россией и Францией о нейтралитете и сотрудничестве. Париж, 19 февраля/3 марта 1859 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://istmat.org/node/27123> (дата обращения: 05.04.2026).
15. Ledré С. Histoire de la presse / С. Ledré. – Paris : A. Fayard, 1958. – 411 p.
16. Черевык К. А. Вмешательство великих держав в польское восстание 1863 г. и позиция России / К. А. Черевык // Манускрипт. – 2019. – № 12 (6). – С. 84–89.
17. Пухова Л. А. Визит Александра II в Париж в 1867 г. / Л. А. Пухова // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 2008. – № 6. – С. 63–69.
18. Циркулярная депеша министра иностранных дел России А. М. Горчакова к представителям России при дворах держав, подписавших Парижский трактат 1856 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://istmat.org/node/34513> (дата обращения: 05.04.2026).

REFERENCES

1. Taylor A.G.P. (1958) *The Struggle for Supremacy in Europe 1848-1918*. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. (In Russian).
2. Kryazheva-Kartseva E.V., Linkova E.V. & Simonova M.A. (2025) [Two emperors – two eras. A view from Russia on the personality and politics of Napoleon Bonaparte and Napoleon III: a comparative analysis]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: Historical research*. 4, 1-11. doi: 10.25136/2409-868X.2025.4.73841. (In Russian).
3. Cherkasov P.P. (2012) [Napoleon III – Emperor of the French]. *Novaya i noveyshaya istoriya = Modern and Contemporary History*. 3, 197-216. (In Russian).
4. Korolev P.I. (2011) *German Question in Franco-Russian Relations from the early 1850s to the early 1870s*. PhD thesis. Kursk: Kursk State University. (In Russian).

5. Ezhel E.V. & Zhaibalieva L.T. (2023) [The Crimean War of 1853-1856: causes and prerequisites]. *Shag v nauku = Step into Science*. 4, 140-144. (In Russian).
6. Gella T.N. (2023) [The Second Empire and Napoleon III in the assessment of British contemporaries in the mid-19th century]. *Vestnik gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya = Bulletin of State and Municipal Administration*. 12 (3), 63-71. (In Russian).
7. Dispatch of Count Orlov to Nesselrode, May 3/April 21, 1856, No. 92. (1936) *Krasnyy arkhiv = Red Archive*. 2 (75). Moscow: State Socio-Economic Publishing House. (In Russian).
8. Linkova E.V. & De Bollivier M. (2016) [The influence of the Crimean War of 1853-1856 on the evolution of mutual perception of Russia and France]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii = Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: History of Russia*. 3, 84-89. (In Russian).
9. AFPRE. Fund 176. Inventory 827. File 13. Page 39. (In Russian).
10. Kinyapina N.S. (1974) *Foreign Policy of Russia in the Second Half of the 19th Century*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian).
11. Zvartsev I.A. (2022) The Struggle of the Russian Diplomatic Mission with the «Crimean system» in the second half of the XIX century. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*. 1 (9 (54)), 38-43. (In Russian).
12. AFPRE. Fund 137. Inventory 475. File 40. Page 314. (In Russian).
13. Ignatiev A.V., Kinyapina N.S., Subbotin Yu.F. & Khevrolina V.M. (1999) *History of Russian Foreign Policy. The Second Half of the 19th Century (from the Peace of Paris 1856 to the Russo-French Union)*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).
14. *Paris, February 19/March 3, 1859. Treaty between Russia and France on neutrality and cooperation*. Retrieved from: <https://istmat.org/node/27123> (date of application: 05.04.2026). (In Russian).
15. Ledré C. (1958) *Histoire de la presse*. Paris: A. Fayard. (In French).
16. Cherevyk K.A. (2019) The Great Powers Intervention into the Polish Rebellion of 1863 and Russia's Position. *Manuskript = Manuscript*. 12 (6), 84-89. (In Russian).
17. Pukhova L.A. (2008) [Visit of Alexander II to Paris in 1867]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya = Moscow University Bulletin. Series 8. History*. 6, 63-69. (In Russian).
18. *Circular dispatch of the Russian Minister of Foreign Affairs A.M. Gorchakov to the representatives of Russia at the courts of the powers that signed the Paris Treaty of 1856*. Retrieved from: <https://istmat.org/node/34513> (date of application: 05.04.2026). (In Russian).

Данные автора статьи

Харьковский Руслан Геннадьевич

Kharkovskiy Ruslan Gennadievich

УДК 94(477.6) «1937/1939»

DOI: 10.5281/zenodo.20693382

EDN: AZSUBH

Там Хок Чиу

Кандидат исторических наук, преподаватель,

Институт истории Шаньдунского университета (КНР)

E-mail: tamvovka2016171819@163.com

БОРЬБА ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ АГРЕССОРОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: СОВМЕСТНАЯ СТРАТЕГИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И КИТАЯ В ПЕРИОД 1937–1939 ГГ.

Аннотация

В статье изучаются актуальные вопросы, связанные с совместной антиимпериалистической и антифашистской борьбой Советского Союза и Китая в дипломатической области в 1937–1939 гг. В официальной историографии Западных стран часто игнорируют следующие факты. Китайский народ вел народно-освободительскую борьбу с японскими захватчиками при моральной поддержке СССР еще с 1931 г. На основе китайско-советского договора о ненападении и соглашений о кредитах Советский Союз предоставлял Китаю с конца 1937 г. военное снаряжение, самолеты, танки, оружие и прочие, при помощи которых китайская армия на фронте и в тылу в уханьско-сюйчжоуской и кантонской операциях задержала наступление японских войск. Это позволило сорвать переброску японских резервов в район боевых действий у озера Хасан и реки Халхин-Гол.

Ключевые слова: *антифашистская кампания, Вторая Империалистическая мировая война, антияпонская война, Маньчжоу-Го; уханьско-сюйчжоуская и кантонская операции, войны у озера Хасан и реки Халхин-Гол, политика «невмешательства».*

Summary

In this article studied significant questions relating to common Anti-Imperialistic and Anti-Fascistic struggle of Soviet Union and China in areas of wars and diplomacy in 1937–1939. In official historiography of West Powers always ignore following facts. Chinese people had already started resistance against Japanese aggression under moral support of the USSR from 1931. Based on the Sino-Soviet non-aggression treaty and agreements of credits Soviet Union sent military contingents, airplanes, tanks, weapon and other materials to China, and under such support Chinese Army during the Wuhan-Xuzhou and Canton Operations detained the Japan Army's tempo of attack and made them unable to transfer reserves to battlefields near Lake Khasan and river

Khalkhin-Gol as well as conclude joint military bloc against Soviet Union and China especially after the signation of German-Soviet non-aggression pact.

Keywords: *Anti-Fascist War, Second Imperialistic World War, Anti-Japanese War, Manchukuo, Wuhan-Xuzhou and Canton Operations, Wars near Lake Khasan and river Khalkhin-Gol, policy of “acquiescence”.*

Китайский народ играл значительную роль в борьбе с японскими захватчиками в общей антифашистской войне во взаимодействии с дипломатической борьбой Советского Союза против тайной дипломатии западных империалистических держав с целью разжигания антисоветской войны при «помощи» экспансии Японии, Италии и Германии. Еще с 1931 г. при моральной и материальной поддержке Советского Союза Китай (Китайская Советская республика) и партизаны Союза сопротивления японцам под командованием Коммунистической партии Китая (КПК) начали вооруженную борьбу с японскими империалистическими захватчиками в целях ликвидации очага новой империалистической войны в Азии [4, с. 3–4], [8, с. 15–16, 367–370], [7, с. 5], [9, с. 478–479], [25, с. 538–561], [29, с. 44, 105, 123], [36, с. 24–26], [42, с. 12–13], [50, с. 466–468].

Советский историк Н.И. Сомин в монографии «Вторая Мировая война (1939–1945 гг.)» объективно оценивал положение Китая и его сопротивления в условиях японской агрессии. Он писал: «Вползание капиталистического мира во Вторую мировую войну началось с нападения империалистической Японии на Китай, захватом Маньчжурии в 1931–1932 годах <...> США и Англия, как известно, возродив военно-экономический потенциал империалистической Германии, вооружали гитлеровскую агрессию, поощряли захватническую политику немецких фашистов на востоке. Американские капиталистические монополии вскармливали также и японского агрессора» [48, с. 3–5].

Советские историки глубоко изучали историю борьбы китайского народа и Китайской коммунистической партии, а также армии Чан Кайши против японских захватчиков [8, с. 16, 370], [25, с. 538–561, 654–681], [42, с. 3, 12–13, 25–179], но в текущий период российские историки чаще всего рассматривали китайские и дальневосточные факторы как отдельные или второстепенные эпизоды накануне империалистической войны в Европе, а не ключевые и важные факторы [21, с. 42–47] и [32, с. 112–266]. Тем более из-за исторического нигилизма на Западе и в Китае [26, 58, 59, 61, 63, 64], прозападные историки и публицисты такие как А.М. Буровский [3], М.С. Солонин [47], Б.В. Соколов [45, 46], а также Лян Цзянь [67, с. 80–92], Яо Хонянь [68, с. 69–71] и др. оставили без должного внимания политику «невмешательства» западных стран и агрессивные планы фашистского альянса против Советского Союза и других стран. Более того, они полностью отказывались принимать во внимание опасность очага войны на Дальнем Востоке и его угрозы для мировой цивилизации.

Цель данного исследования состоит в изучении совместной стратегии Советского Союза и Китая в борьбе против империалистических агрессоров на Дальнем Востоке в период 1937–1939 гг.

На наш взгляд, судьба освободительной миссии и борьбы китайского народа с западными империалистами и японскими милитаристами была тесно связана с позицией Советского Союза. Этот момент объяснялся угрозой перед новой империалистической экспансии [8, с. 24–29], [9, с. 478–479], [17, с. 6–8], [50, с. 465–468, 606–611].

Выдающийся советский и российский историк Ю.Н. Жуков писал в книге «Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг.»: «<...> Японию, практически не участвовавшую в войне, не удовлетворило приобретение бывших германских колоний <...> Сталин решил, что новая ситуация коренным образом изменит положение в Китае, приведет рано или поздно к рождению общего фронта коммунистов и гоминьдана, который и вынудит Японию повернуть свои армии на юг, от советской границы <...>» [16, с. 31–34].

Военная авантюра японской Квантунской армии в северо-восточном Китае и создание марионеточного государства Маньчжоу-Го стали предвестниками новой угрозы для СССР. Рассекреченные архивные документы из фондов ФСБ – протоколы допросов высших японских военных преступников показывают, что правящие круги и генералитет Японской империи еще во второй половине 1920-х – начале 1930 гг. тайно готовили новые провокации против Советского Союза на базе оккупированной ими северо-восточной части Китая (т.е. Маньчжоу-Го) и создания стратегического плацдарма [52, Л. 143–144], [53, Л. 162–164].

Историк Ю.Н. Жуков в книге «Сталин: Тайны власти» также подчеркивал: «<...> Напряженные отношения с Японией, возникшие еще в начале века и обострившиеся после японо-китайской войны, внезапно вылились в вооруженный конфликт <...>. Советское руководство обязано было предполагать самое худшее — войну одновременно в Европе и на Дальнем Востоке» [20, с. 16–17].

Заключение советско-китайского пакта о ненападении и предоставление военного кредита правительству Чан Кайши в августе 1937 г. явилось серьезным ударом по политике дипломатической изоляции, проводимой европейскими империалистическими державами против СССР и Китая [4, с. 4–9]. Согласно данным, приведенным историком А.И. Вдовиным, всего с осени 1937 г. до начала 1942 г. в тылу и на фронтах против японских оккупантов воевали и трудились более 5 000 советских советников, технических специалистов, летчиков-добровольцев, танкистов и артиллеристов. За эти годы Советский Союз поставил Китайской Республике 1 285 самолетов, 1 600 орудий, 82 танка, 1 850 тракторов, а также большое количество пулеметов, винтовок, боеприпасов, средств связи, медицинского оборудования и др. [5, с. 5].

После падения Нанкина и трагических событий в конце 1937 г., которые вошли в историю XX века под названием «нанкинская резня», в феврале – октябре 1938 г., китайские гоминьдановские войска продолжали вести ожесточенные бои против наступающих японских войск в восточном, центральном и южном Китае. Особое внимание уделяется тому, что кровопролитные сражения между китайскими и японскими войсками одновременно в уханьско-суйчжоуской (Суйчжоуская битва, конца декабря

1937 – 19 мая 1938 гг.; Уханьская битва, 11 июня – 25 октября 1938 г.) и Кантонской (12–23 октября 1938 г.) операциях именно проводились и на фоне ухудшения советско-японских отношений (к примеру: вооруженный конфликт между советскими пограничниками и японо-маньчжурскими провокаторами у озера Хасан (29 июля – 11 августа 1938 г.), а также углубления военного кризиса в центральной и восточной Европе вокруг Германии, Чехословакии, Польши и др. из-за «Мюнхенского стовора» и начала «законного» расчленения Чехословакии с конца сентября 1938 г. Войска 8-й армии КПК вместе с китайскими партизанами атаковали базы японских войск и военной техники в тылу оккупированной ими северной китайской территории [42, с. 108–112] и [66, с. 158–172]. При этом, участие советских военных советников, летчиков-добровольцев в боях против японских милитаристов приводило к успехам китайских сил сопротивления. Появления на поле боя советских орудий, истребителей, бомбардировщиков, танков и другой военной техники способствовало разгрому войск японских захватчиков [4, с. 9–11].

Героические уханьско-суйчжоуская и кантонская операции при поддержке советских добровольцев имели значительное военно-стратегическое и политико-пропагандистское значение. В этих боях, китайские летчики и советские добровольцы вели кровопролитные воздушные сражения, защищая города Китая. Кроме того, они также совершали успешные бомбовые удары по японским авиабазам на острове Тайвань, в окрестностях Нанкина и других оккупированных территориях.

Несмотря на окончательный захват Уханя и Гуанчжоу 27 и 29 октября 1938 г., темпы наступления японских войск на южные провинции Китая были замедлены в ходе ожесточенных оборонительных боев [4, с. 178–179], [12, т. 1, с. 87–88], [42, с. 111–112]. Военное министерство и генштаб Японии уже не смогли перевести с китайского театра военных действий резервы на север с целью подкрепления Квантунской армии и подготовки масштабной наступательной операции против Советского Союза. Тем не менее, японские войска неоднократно совершали пограничные провокации на границе СССР – Маньчжоу-Го [5, с. 4], [8, с. 371], [52, Л. 144], [53, Л. 164], и даже готовились применить бактериологическое оружие из лаборатории «отряда 731» [6, с. 140–141].

Следует отметить тот факт, что помощь, оказанная Советским Союзом Китаю, вызвало недовольство в правительственных кругах Японии и ускорила подготовку к агрессивной войне против СССР. Во время уханьско-суйчжоуской и кантонской операций лета 1938 г. со стороны милитаристов Японии и Маньчжоу-Го были совершены провокации у озера Хасан. Эти провокации были пресечены советскими пограничными войсками. Неудачи боев у озера Хасан вынудили японские правящие круги временно отказаться от антисоветской войны и запланированной оккупации территории СССР до побережья озера Байкал в период лета 1938 г. [8, с. 24–26], [20, с. 17], [29, с. 5–7], [25, с. 678–679], [36, с. 56–57], [52, Л. 144].

Однако, общая обстановка на Дальнем Востоке продолжала ухудшаться из-за колоссального неравенства между Китаем и Японией по уровню вооружения и военного оснащения. Ухудшению ситуации способствовала продолжающаяся политика «невмешательства» и «умиротворения» японских агрессоров, которую проводили страны Запада во главе с Великобританией. Этот факт подчеркивал историк Ю.Н. Жуков в книге «Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков»: «<...> Даже летом 1937 г., когда обе японские группировки северная и южная, начали широкомасштабные боевые действия против регулярной китайской армии, продвигаясь навстречу друг другу и неуклонно расширяя зону оккупации, Великобритания, Франция и США остались всего лишь безучастными наблюдателями <...>» [15, с. 11–14].

Как прежде отмечилось, в то же время, в Европе возник новый очаг военного конфликта. Это было вызвано продолжающейся гражданской войной в Испании и Судетским кризисом, который разразился в 1938 г. В стратегических планах нацистского руководства Германии, изложенных в книге «Майн Кампф» (нем. «Mein Kampf»), была четко поставлена задача «Drang nach Osten» («Поход на Восток»). Это был основной военно-политический курс гитлеровской Германии с 1933 г., направленный на захват Чехословакии, Польши, Прибалтики и территории европейской части СССР [7, с. 203–234]. Мюнхенский сговор 1938 г. убедительно свидетельствовал о том, что военная авантюра Германии по реализации задачи «Drang nach Osten», как и нашествие Японии в Китае, были одобрены и даже поддержаны политическими кругами Великобритании, Франции и США, которые продолжали проводить политику «невмешательства». Результатом этой политики стал захват нацистской Германии не только территории Судетской области, но и всей Чехословакии весной 1939 г. [44, с. 42–62]. На наш взгляд, это был показательный пример для Японии в осуществлении ее агрессивных планов в различных регионах Азии.

Данные исторических источников свидетельствовали о том, что в начале 1939 г. Япония с помощью германских дипломатов и своих агентов в Китае, оказывали давление на гоминьдановское правительство с целью подписания капитуляции и присоединения к «Антикоминтерновскому пакту» [8, с. 28–30], [42, с. 115–119], [52, Л. 144–145] и [53, Л. 164]. Например, 23 января 1939 г. Рихард Зорге сообщал, что в правящих кругах Японии появилась группа высших чиновников, которые требовали заключения «мира» с Китаем, чтобы выделить определенные вооруженные силы для войны против СССР. В этих условиях правящие круги Великобритании, Франции и США продолжали поощрять экспансионистские планы нацистской Германии по захвату новых территорий в Восточной Европе, добиваясь создания общей антисоветской коалиции [1, с. 3–12], [4, с. 154–156], [5, с. 3–6].

В начале 1939 г. японское руководство продолжало нагнетать ситуацию на границах СССР на Дальнем Востоке, создавая новые провокации. С 2 февраля 1939 г. японские и маньчжурские войска регулярно осуществляли провокации на советской границе [12, т. 1, с. 210–211]. В мае 1939 г. японские войска спровоцировали военный конфликт у реки Халхин-Гол (11 мая – 15 сентября

1939 г.) против советских и монгольских войск. В ходе этого конфликта японские спецгруппы из «отряда 731» и других подразделений под руководством генерала Сиро Исии, готовились применять бактериологическое оружие [8, с. 371–372], [25, с. 795] и [29, с. 123].

Конфликт на реке Халхин-Гол был частью плана японской агрессии в Восточной Азии в рамках одновременной кампании против Китая и Советского Союза и в контексте формирования германо-японо-итальянского военного блока [24, т. 2, с. 38–43], [42, с. 124–129]. Это была попытка реформирования антикоминтерновского политического союза в конкретный военный союз в интересах Японии. В расшифрованной телеграмме «Вх. № 8891, 8894» от 26 июня 1939 г. Рихард Зорге сообщал о переговорах между Германией, Италией и Японией о военном пакте: «<...> Последние японские предложения, по сообщению германского посла Отта и военного атташе Шолля, содержат следующие пункты: 1) В случае войны между Германией и СССР Япония автоматически включается в войну против СССР; 2) <...> если Германия и Италия начнут войну только против Франции и Англии (Советский Союз не будет втянут в войну), то Япония <...> военные действия начнет против Англии и Франции только в зависимости от общей обстановки» [12, т. 2, с. 54–55] и [14, с. 100].

В битве на реке Халхин-Гол военные действия получили внезапный и масштабный характер, которые, на наш взгляд, могли бы стать поводом для разжигания антисоветской войны на фоне, готовящегося вторжения нацистских войск на территорию Польши. Поскольку в период 1931–1941 гг. Япония уже планировала осуществить нападение на Советский Союз при помощи военно-политического блока с нацистской Германией и фашистской Италией [23, т. 1, с. 379–381], [53, л. 164–165], [57, р. 27], [60, с. 215–265], [65, с. 43–47].

Кроме того, нельзя забывать тот факт, что перед Советским Союзом и Китаем вполне очевидной была угроза от тайных договоренностей Великобритании и США в рамках политики так называемого «Восточного мюнхенского сговора». Цель этой политики состояла в принуждении гоминьдановского правительства к миру, или безоговорочной капитуляции перед японскими войсками [42, с. 115–119] и [66, с. 327–329].

Сложность ситуации на Дальнем Востоке усугублялась политикой правительства Великобритании, которое на фоне обострения отношения между СССР и Японией, фактически, способствовало осуществлению японских агрессивных планов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Здесь уместно вспомнить о «Соглашение Арита – Крейги» от 24 июля 1939 г., а также о секретных переговорах между Великобританией и гитлеровской Германией [7, с. 274–280] и [25, с. 784–787].

Советские военные историки Ф.Д. Воробьев и В.М. Кравцов справедливо указывали, что «правительства Англии и США, проводившие мюнхенскую политику уступок агрессору и в отношении Японии <...> рассчитывали, что им удастся рано или поздно втянуть Японию в войну с Советским Союзом и,

удовлетворив ее претензии за счет дальневосточных территорий нашего государства, сохранить свои интересы в Китае» [8, с. 23–24].

В середине 1939 года уже стал очевидным тот факт, что политика «невмешательства», проводимая Великобританией, Францией и США не только усилила агрессивные планы империалистической Японии против Китая и китайского народа, но и способствовала росту экспансии нацистской Германии в центральной и восточной Европе [2, с. 68–71], [17, с. 14–16], [51, с. 17–18]. Тем более, согласно протоколу секретного заседания от 28 июня 1939 г. Генштаба Великобритании, британское военное руководство считало необходимым заключение формального военно-политического договора с СССР лишь до заключения германо-японо-итальянского военного пакта и масштабного вторжения Японии в Советскую Россию, в которое были бы активно вовлечены Германия и Италия [62, f. 12–17].

Как можно было заметить, Великобритания продолжала отказываться от создания взаимовыгодного военно-политического союза с СССР. Этот союз будет создан лишь тогда, когда нацистская Германия совершит вероломное вторжение в СССР. Деятельность британских правительственных кругов была детально изучена советскими политическими лидерами еще в период «Мюнхенского сговора» и поэтому были предприняты меры по усилению боеспособности Красной Армии. Историк Ю.Н. Жуков в своих трудах подчеркивал: «на XVIII съезде открыто, во всеуслышание о реальной боеготовности СССР не говорили, хотя по утверждению Сталина война уже началась, лишь пока не приобрела всеобщего, мирового характера» [17, с. 36], [20, с. 23–24]. По мнению советских государственных руководителей, политика «невмешательства» западных держав и поощрение агрессии Японии против Китая, способствовала началу общемировой войны, и поэтому боевые действия у озера Хасан, как и события вокруг Чехословакии, имели прямое отношение к Второй мировой войне [10, с. 5–8], [25, с. 761–762], [50, с. 606–611] и [51, с. 32].

В конце лета 1939 г., благодаря разгрому японских войск у реки Халхин-Гол, а также неудачам в центральном и южном Китае, иллюзии западных стран на ввязывание СССР в длительный конфликт на Дальнем Востоке были развеяны. Эти иллюзорные планы были также сорваны контрпредложением советской военной миссии на московской военной конференции [7, с. 263–274], [17, с. 49–50], [20, с. 35–37] и подписанием Пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом 23 августа 1939 г. [25, с. 796–798] и [30, с. 3–7], ратифицированного 31 августа 1939 г.

1 сентября 1939 г. председатель КПК Мао Цзэдун на беседе с корреспондентом газеты «Синьхуажубао» о современной международной обстановке справедливо заявил, что: «Советско-германский договор <...> сорвал интриги международной реакционной буржуазии в лице Чемберлена, Даладье <...> На востоке этот договор нанес удар Японии, оказал помощь Китаю, в самом Китае укрепил позиции сторонников продолжения войны против японских захватчиков и нанес удар капитулянтам» [28, т. 3, с. 55].

Объективно говоря, после 15 сентября 1939 г., когда было подписано перемирие между Советским Союзом и Японией, мир на Дальнем Востоке не наступил, но, благодаря этому перемирию, был осложнен процесс создания германо-итальяно-японского военного союза, что на короткий временной промежуток лишило японскую армию возможности развертывания наступательных операций против Китая и СССР на фоне начала «Большой войны» в Восточной Европе [42, с. 127–128] и [52, л. 144–145].

Историк Ю.Н. Жуков объективно оценивал значение завершения боевых действий у реки Халхин-Гол в системе военных кризисов в Европе: «Советскому руководству удалось разрешить сразу две самые острые для тех дней проблемы – обезопасить страну не только на западе, но и на востоке. <...>» [17, с. 50; 20, с. 38]. Этой точке зрения придерживается историк В.Я. Гросул, который указывал: ««Халхин-Гол – это одна из войн, входившая в систему большой войны – Второй мировой, ее первого периода, который мы датируем июлем 1936 – сентябрем 1939 гг.» [13, с. 78–79].

Подводя итоги, можно констатировать тот факт, что подписание Пакта о ненападении с Германией от 23 августа 1939 г. и его ратификация на 31 августа 1939 г. не являлись случайным решением советского руководства, а было итоговым успехом совместной дипломатической борьбы Советского Союза и Китая в период 1937–1939 гг. с агрессорами (Германией, Японией, Италией и др.) и с провокаторами (Великобританией, Францией США и др.). Правительства западных стран проводили политику «невмешательства» и тем самым поощряли германских и японских агрессоров к реализации их преступных планов.

После нападения нацистской Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. и начала объявления Великобританией и Францией войны Германии, которая вошла во всемирную историю под названием «странной войны», большинство западных пропагандистов и псевдоисториков начали критиковать внешнеполитическую стратегию СССР и подвергать сомнению ее справедливость [58, р. 17–32], [59, р. 509–547] и [61, р. 639–642]. Их ошибочные выводы были подвергнуты справедливой критике со стороны советских и российских патриотических историков, а также некоторыми честными зарубежными историками [7, с. 259–274], [34, с. 232–301], [40, с. 66–71], [43, с. 254–301].

На наш взгляд, огромное значение совместной стратегии Советского Союза и Китая заключается в прорыве военной и дипломатической изоляции, который не только максимально улучшил позиции Советского Союза и Китая в дальнейшей борьбе, но и нанес сокрушительный удар по спланированному сотрудничеству между Западными странами и антикоминтерновским блоком. Вследствие чего, ни план «Drang nach Osten» Германии, ни план создания «нового порядка в Азии» Японии не были реализованы как в 1939 г., так и в 1940–1945 гг.

Список источников и литературы:

1. Анисимов И. В., Кузьмин Г. В. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. – М. : Воениздат, 1952. – 191 с.
2. Ахтамзян А. А. Мюнхенский сговор – ликвидация Чехословакии // Великая Отечественная война. Происхождение, основные события, исход: документальные очерки / отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. А. А. Ахтамзян. – М. : МГИМО-Университет, 2010. – С. 11–48. – 548 с.
3. Буровский А. М. Великая Гражданская война 1939–1945 гг. – М. : Яуза : Эксмо, 2009. – 496 с.
4. В небе Китая. 1937–1940 гг.: воспоминания советских летчиков-добровольцев / отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. Ю. В. Чудодеев. – М. : Наука, 1980. – 381 с.
5. Вдовин А. И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : учебное пособие. – М. : Проспект, 2023. – 184 с.
6. Владимиров Д. А. Японские военнопленные в Приморье: новые подходы к решению старых проблем // Последняя точка Второй мировой : материалы международной научно-практической конференции «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов» / под ред. Л. И. Швецова, А. В. Чистякова и др. – М. : Юридическая литература, 2009. – С. 112–126. – 312 с.
7. Волков Ф. Д. СССР – Англия (1929–1945 гг.): англо-советские отношения накануне и в период Второй мировой войны. – М. : Международные отношения, 1964. – 561 с.
8. Воробьёв Ф. Д., Кравцов В. М. Победы Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Краткий очерк). – М. : Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР, 1953. – 432 с.
9. Ворошилов К. Е. Статьи и речи. – М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. – 662 с.
10. Ворошилов К. Е. Речь на XVIII съезде ВКП(б). – М. : Госполитиздат, 1939. – 40 с.
11. Ворошилов К. Е. Гениальный полководец Великой Отечественной войны. – М. : Госполитиздат, 1950. – 24 с.
12. Год кризиса 1938–1939 гг. : документы и материалы : в 2 т. / под ред. А. П. Бондаренко, И. Н. Венкова и др. – М. : Политиздат, 1990. – Т. 1. – 556 с. ; Т. 2. – 432 с.
13. Гросул В. Я. Когда началась Вторая мировая война? Обзор отечественной литературы // Великая Отечественная война (1941–1945 годы) / под ред. РУСО. – М. : РУСО, 2010. – С. 5–28. – 260 с.
14. Дело Рихарда Зорге: неизвестные документы / публ., вступ. ст. и коммент. А. Г. Фесюна. – СПб. ; М. : Летний сад, 2000. – 192 с.
15. Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. – М. : Терра – Книжный клуб, 2000. – 688 с.
16. Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. – М. : Вагриус, 2003. – 512 с.
17. Жуков Ю. Н. Сталин: тайны власти. – М. : Вагриус, 2005. – 720 с.

18. Жуков Ю. Н. Сталин: арктический щит. – М.: Вагриус, 2008. – 544 с.
19. Жуков Ю.Н. Народная держава Сталина. – М.: Родина, 2023. – 336 с.
20. Жуков Ю. Н. Сталин: тайны власти. – М. : Концептуал, 2017. – 512 с.
21. Исаев А. В., Драбкин А. В. 22 июня – 9 мая. Великая Отечественная война. – М. : Яуза : Эксмо, 2015. – 704 с.
22. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. : в 6 т. / под ред. П. Н. Поспелова и др. – М. : Воениздат, 1963. – Т. 1. – 531 с.
23. История внешней политики СССР : в 2 т. / под ред. А. А. Громько, Б. Н. Пономарева и др. – М.: Наука, 1986. – Т. 1. – 534 с. ; Т. 2. – 511 с.
24. История Второй мировой войны 1939–1945 гг. : в 12 т. / под ред. А.А.Гречко и др. – М.: Воениздат, 1973. – Т. 2. – 472 с.
25. История дипломатии: в 5 т. / под ред. А. А. Громько, И. Н. Земскова, С. Ю. Выгодского и др. – М. : Политиздат, 1965. – Т. 3. – 832 с.
26. История России XX в. Т. 2. Эпохи сталинизма / под ред. А. Б. Зубова и др. – М. : Эксмо, 2016. – 752 с.
27. Майский И. М. Дневник дипломата. Лондон 1934–1943 гг. : в 2 кн. / под ред. А. О. Чубарьяна и др. – М. : Наука, 2006. – Кн. 1. – 552 с.
28. Мао Цзэдун. Избранные произведения : в 4 т. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1953. – Т. 3. – 449 с.
29. Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. – М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1950. – 575 с.
30. Международное положение и внешняя политика СССР: сб. документов и материалов / Политическое управление РККА. – М. : Госвоениздат НКО СССР, 1939. – 207 с.
31. Молотов В. М. О ратификации советско-германского договора о ненападении // Военно-исторический журнал. – 1939. – № 2. – С. 5–11.
32. Наумов А. О. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2007. – С. 112–266.
33. Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 7 т. / под ред. Р.А.Руденко и др. – М. : Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1957–1961.
34. Орлов А. С. Сталин: в преддверии войны. – М. : Яуза : Эксмо : Алгоритм, 2003. – 416 с.
35. Очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под ред. Б. С. Тельпуховского и др. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 535 с.
36. Рагинский М. Ю., Розенблит С.Я., Смирнов Л.Н. Бактериологическая война – преступное орудие империалистической агрессии. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 135 с.
37. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 220.
38. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 510.

39. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 511.
40. Рыжиков В. А. Советско-английские отношения. Основные этапы истории. – М. : Международные отношения, 1987. – 280 с.
41. Сазонов А. А. Прибалтика – плацдарм для нападения Германии на СССР // Великая Отечественная война. Происхождение, основные события, исход: документальные очерки. – М. : МГИМО-Университет, 2010. – С. 91–116. – 546 с.
42. Сапожников Б. Г. Китай в огне войны (1931–1950 гг.). – М. : Наука ; Главная редакция восточной литературы, 1977. – 352 с.
43. Сиполс В. Я. Внешняя политика Советского Союза. 1936–1939 гг. – М. : Наука, 1987. – 335 с.
44. Совершенно секретно! Только для командования / под ред. Н. Г. Павленко, В. И. Дашичева. – М. : Наука, 1967. – 752 с.
45. Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. – М. : Московский рабочий, 1991. – 192 с.
46. Соколов Б. В. Вторая мировая: факты и версии. – М. : АСТ-Пресс, 2005. – 432 с.
47. Солонин М. С. Запретная правда о Великой Отечественной. Нет блага на войне. – М. : Яуза, 2014. – 290 с.
48. Сомин Н. И. Вторая мировая война (1939–1945 гг.) : лекции, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). – М., 1951. – 67 с.
49. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. – 5-е изд. – М. : Воениздат, 1949. – 208 с.
50. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. – 11-е изд. – М. : ОГИЗ ; Госполитиздат, 1953. – 612 с.
51. Фальсификаторы истории (историческая справка). – М. : ОГИЗ ; Госполитиздат, 1948. – 79 с.
52. Показания генерал-майора Ш. Акикуса. 9 февраля 1946 г. Москва // Тайны японской «Барбароссы». ФСБ России рассекречены показания японских военных преступников, свидетельствующие о подготовке Японии к нападению на СССР [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/japanbarbarossa.htm (дата обращения: 09.05.2024).
53. Показания полковника С. Асада. 11 февраля 1946 г. Москва // Там же.
54. Спецсообщение № 250194 Управления МВД СССР по Хабаровскому краю уполномоченному МГБ СССР по Дальнему Востоку «О подготовке Японией бактериологической войны против Союза ССР». 1 февраля 1947 г. Хабаровск // Там же.
55. Собственноручное заявление майора медицинской службы японской Императорской армии Като Цунэнори. 17 февраля 1948 г. Чита // Там же.
56. Der Nürnberger Prozess: aus den Protokollen, Dokumenten und Materialien des Prozesses gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen

Militärgerichtshof / P. A. Steiniger. Bd. 1–2. – Berlin, 1960. (Пер. на кит. яз. Ван Чжаожень, Сон Чжонхуан и др. – Пекин : Шан-У, 1985. В 2 т.).

57. Endicott S., Hagerman E. *The United States and Biological Warfare. Secrets from the Early Cold War and Korea.* – Bloomington : Indiana University Press, 1998. – 276 p.

58. Fuller J. F. C. *The Second World War 1939–1945. A Strategical and Tactical History.* – Kent : Eyre and Spottiswoode Ltd., 1954. – 426 p.

59. Haines C. G., Hoffman R. J. S. *The Origins and Background of the Second World War.* – London ; New York ; Toronto : Oxford University Press, 1943. – 659 p.

60. Hedinger D. *Die Achse.* Berlin, Rom, Tokio 1919–1946. – München: Verlag C. H. Beck, 2021. – 543 s.

61. Mowat C. *Britain Between the Wars 1918–1940.* – London: Methuen, 1955. – 714 p.

62. National Archives London (NA). War Office 106/5860. MO 1 (a). No. 26. F. 12–17.

63. Roberts G. *Stalin's Wars. From World War to Cold War, 1939–1953.* – New Haven ; London : Yale University Press, 2006. – 496 p.

64. Topitsch E. *Stalin's War. A Radical New Theory of the Origins of the Second World War / transl. by A. and B. E. Taylor.* – New York : St. Martin's Press, 1987. – 152 p.

65. Там Хок Чиу. Изучение документов и материалов Советского Союза и России на тему бактериологической войны. – Нанкин : Изд-во Цзянсу женьминь чубаньше, 2025. – 391 с.

66. История антияпонской войны китайского народа : в 3 т. / под ред. Военной академии НОАК. – Пекин : Изд-во НОАК, 2015. – Т. 2. – 524 с.

67. Лян Цзян. Новые исследования по причинам поражений Советской Армии в начале советско-германской войны — изучение 4 оперативных проектов Генштаба РККА в 1938–1941 гг. // Военно-исторические исследования. – 2024. – № 1. – С. 80–92.

68. Яо Хонянь. Переоценка советско-германского пакта о ненападении // Вестник Педагогического института Сюйчжоу. – 2006. – № 1. – С. 69–71.

REFERENCES

1. Anisimov I.V. & Kuzmin G.V. (1952) *The Great Patriotic War of the Soviet Union 1941-1945* Moscow: Military Publishing House. (In Russian)

2. Akhtamzyan A.A. (2010) *The Munich Agreement – the liquidation of Czechoslovakia / The Great Patriotic War. Origin, main events, outcome. Documentary essays.* / Akhtamzyan A.A (eds). Moscow: Moscow State Institute of Foreign Relations. (In Russian).

3. Burovskiy A.M. (2009) *The Great Civil War 1939 - 1945.* Moscow: Yauza Publishing House. (In Russian)

4. *In the sky of China. 1937-1940 Memoirs of Soviet volunteer pilots.* (1980). Chudodeev Yu.V. (eds.). Moscow: Nauka Publishing House. (In Russian).
5. Vdovin A.I. (2023) *The Great Patriotic War of 1941-1945: a textbook.* Moscow: Yauza Publishing House. (In Russian)
6. Vladimirov D.A. (2009) *Japanese prisoners of war in Primorye: New approaches to solving old problems / The last point of the Second World War. Proceedings of the international scientific and practical conference "Problems of Modern International Legality and lessons from the Tokyo and Khabarovsk trials" / Shvetsov L.I., Chistyakov A.V. (eds.)* Moscow: Legal literature Publishing House. (In Russian)
7. Volkov F.D. (1964) *USSR - Great Britain (1929 - 1945) Anglo-Soviet relations on the eve and during the Second World War.* – Moscow: International Relation Publishing House. (In Russian)
8. Vorobyov F.D., & Kravtsov V.M. (1953) *The victories of the Soviet Armed Forces in the Great Patriotic War of 1941-1945 (a brief sketch).* Moscow: Ministry of Defense of the USSR Publishing House. (In Russian)
9. Vorishilov K.E. (1937) *The articles and speeches.* Moscow: Communist Party Publishing House. (In Russian)
10. Vorishilov K.E. (1939) *Speech at the XVIII Congress of the Communist Party of Bolsheviks.* Moscow: State Political Publishing House. (In Russian)
11. Vorishilov K.E. (1950) *The brilliant Commander of the Great Patriotic War.* Moscow: State Political Publishing House. (In Russian)
12. *The year of the crisis 1938-1939: documents and materials: in 2 volumes.* (1990). Bondarenko A.P., Venkov I.N. (eds.) Moscow: State Political Publishing House. (In Russian)
13. Grosul V.Ya. (2010) *When did the Second World War begin? Review of Russian literature / The Great Patriotic War (1941-1945)* Moscow: Russo Publishing House. (In Russian)
14. *The Richard Sorge case: Unknown documents.* (2000) Fesun A.G. (eds.) Moscow: Summer Garden Publishing House. (In Russian)
15. Zhukov Yu.N. (2000) *Secrets of the Kremlin. Stalin, Molotov, Beria, Malenkov.* Moscow: Terra Publishing House. (In Russian)
16. Zhukov Yu.N. (2003) *Another Stalin. Political reforms in the USSR in 1933-1937.* Moscow: Vagrius Publishing House. (In Russian)
17. Zhukov Yu.N. (2005 - 2007) *Stalin: The Secrets of Power.* Moscow: Vagrius Publishing House. (In Russian)
18. Zhukov Yu.N. (2008) *Stalin: The Arctic Shield.* Moscow: Vagrius Publishing House. (In Russian)

19. Zhukov Yu.N. (2023) *Stalin's People's Power*. Moscow: Rodina Publishing House. (In Russian)
20. Zhukov Yu.N. (2017) *Stalin: The Secrets of Power*. Moscow: Conceptual Publishing House. (In Russian)
21. Isaev A.V. & Drabkin A.V. (2015) *22 of June - 9 of May. The Great Patriotic War*. Moscow: Yauza Publishing House. (In Russian)
22. The History of Great Patriotic War of Soviet Union 1941 - 1945 in five volumes. (1963) Pospelov P.N. (eds.). Moscow: Military Publishing House (In Russian)
23. The History of Foreign Policy of USSR (1986) Gromyko A.A., Ponomaryov B.N. (eds.). – Moscow: Nauka Publishing House. (In Russian)
24. The History of World War Second 1939–1945 in twelve volumes (1973) Grechko A.A. (eds.). – Moscow: Military Publishing House (In Russian)
25. The History of Diplomacy in five volumes. (1965) Gromyko A.A., Zemskov I.N., Vygodskiy S.Yu. Moscow: State Political Publishing House (In Russian)
26. The History of Russia XX century. (2016) Vol. 2. Zubov A.B. (eds.). Moscow: Eskimo Publishing House. (In Russian)
27. Mayskiy I.M. (2006). *Ivan Mikhaylovich Mayskiy – The diplomat's Diary, London 1934 - 1943*. Chubaryan A.O. (eds.). Moscow: Nauka Publishing House. (In Russian)
28. Mao Dsedong. (1953) *Selected works in four volumes*. Moscow: Foreign Literature Publishing House (In Russian)
29. Materials of the trial of former Japanese army soldiers accused of preparing and using bacteriological weapons (1950). Moscow: State Political Publishing House (In Russian)
30. The international situation and foreign policy of the USSR. (1939) Collection of documents and materials. Political management of Red Army. Moscow: State Military Publishing House (In Russian)
31. Molotov V.M. (1939) [On the ratification of the Soviet-German Non-aggression Treaty] *Voенно-istorisheskiy zhurnal = Military Historical Journal*, 2. 5 - 11 (In Russian)
32. Naumov A.O. (2007) *The diplomatic struggle in Europe on the eve of World War II. The history of the Versailles system crisis*. Moscow: The Russian Political Encyclopedia Publishing House (In Russian).
33. The Nuremberg Trials. Collection of materials (1957). Rudenko P.A. Moscow: State Legal Literature Publishing House (In Russian).
34. Orlov A.S. (2003) *Stalin: in the eve of the War*. Moscow: Exmo-Algorytm. (In Russian).

35. Essays on the history of the Great Patriotic War (1955) Telpukhovskiy B.S. (eds.) Moscow: Academy of Science of USSR Publishing House. (In Russian).
36. Raginskiy M.Yu. & Rosenblit S.Ya. & Smirnov L.N. (1950) Bacteriological warfare is a criminal instrument of imperialist aggression. Moscow: Academy of Science of USSR Publishing House. (In Russian).
37. The Russian State Archive of Socio-Political History. F. 558. O. 11. D. 220.
38. The Russian State Archive of Socio-Political History. F. 558. O. 11. D. 510.
39. The Russian State Archive of Socio-Political History. F. 558. O. 11. D. 511.
40. Ryzhikov V.A. (1987) *Soviet-British relations. The main stages of History*. Moscow: International Relation Publishing House. (In Russian).
41. Sazonov A.A. (2010) *The Baltic States are a springboard for Germany's attack on the USSR / The Great Patriotic War. Origin, main events, outcome. Documentary essays*. Moscow: Moscow Institute of Foreign Relations. (In Russian).
42. Sapozhnikov B.G. (1977) *The Chine in fire of War (1931 - 1950)*. Moscow: Nauka Publishing House. (In Russian)
43. Sypols V.Ya. (1987) *The Foreign Policy of the Soviet Union. 1936 - 1939*. Moscow: Nauka Publishing House. (In Russian)
44. Top Secret! Only for Staff! (1967) Pavlenko N.G., Dashichev V.I. (eds.) Moscow: Nauka Publishing House. (In Russian)
45. Sokolov B.V. (1991) *The Price of Victory. Great Patriotic War: the unknown about the known*. Moscow: Moscow Worker Publishing House. (In Russian)
46. Sokolov B.V. (2005) *The World War Second: facts and opinions*. Moscow: ACT-Press Publishing House (In Russian)
47. Solonin M.S. (2014) *The forbidden truth about the Great Patriotic War. There is no benefit in War*. Moscow: Yauza Publishing House. (In Russian)
48. Somin N.I. (1951) *The World War Second (1939 - 1945). The Lecture read at the Higher Party School at Central Committee Communist Party (bolsheviks)* Moscow: State Political Publishing House (In Russian)
49. Stalin J.V. (1949) *About the Great Patriotic War of Soviet Union*. Moscow: Military Publishing House. (In Russian)
50. Stalin J.V. (1953) *The questions of Leninism*. M: State Political Publishing House (In Russian)
51. Falsifiers of history (historical background) (1948). – M.: State Political Publishing House (In Russian)
52. The Public Relations Center of the Federal Security Service of the Russian Federation (FSB Central Control Center). Testimony of Major General Sh. Akikusa. February 9, 1946, Moscow. l. 143-151 // *Secrets of the Japanese Barbarossa* The FSB of Russia declassified the testimony of Japanese war criminals, testifying to Japan's preparations for an attack on the USSR / Retrieved from:

http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/japanbarbarossa.htm (date of application: 9.05.2024) (In Russian)

53. FSB Central Control Center. The testimony of Colonel S. Assad. February 11, 1946, Moscow. l. 162-169 / Retrieved from: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/japanbarbarossa.htm (date of application: 9.05.2024) (In Russian)

54. FSB Central Control Center. Special Message No. 250194 of the USSR Ministry of Internal Affairs Directorate for the Khabarovsk Territory to the USSR Ministry of State Security Commissioner for the Far East "On Japan's preparation of a bacteriological war against the USSR." February 1, 1947 Khabarovsk. l. 467-470 / Retrieved from: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/japanbio.htm (date of application : 19.08.2025) (In Russian)

55. FSB Central Control Center. A handwritten statement by Major of the Imperial Japanese Army Medical Service Kato Tsunenori. February 17, 1948 Chita. l. 449-464 / Retrieved from : http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/japanbio.htm (дата обращения: 19.08.2025) (In Russian)

56. Der Nürnberger Prozess. Aus den Protokollen, Dokumenten und Materialien des Prozesses gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof / P. A. Steiniger. Band 1–2. Berlin, 1960 (In German)

57. Endicott S., & Hagerman E. (1998) *The United States and Biological Warfare. Secrets from the Early Cold War and Korea*. Bloomington, Indiana: Indiana University Press. – p. 276.

58. Fuller J.F.C. (1948) *The Second World War 1939–1945. A Strategical and Tactical History*. Kent: Eyre and Spottiswoode Ltd. – p. 426.

59. Haines C.G., & Hoffman R.J.S. (1943) *The Origins and Background of the Second World War*, London, New York, Toronto: Oxford University Press, p. 659.

60. Hedinger D. Die Achse, Berlin, Rom, Tokio 1919–1946. München: Verlag C. H. Beck oHG, 2021, – 543 s (In German)

61. Mowat C. (1955) *Britain Between the Wars 1918–1940*, London: Methuen, 1 p. 714.

62. National Archives London (NA). War Office 106/5860. MO 1 (a). No. 26. F. 12–17.

63. Roberts G. (2006) *Stalin's wars. From World war to Cold war, 1939–1953*. New Haven & L.: Yale University Press, – p. 496.

64. Topitsch E. (1987) *Stalin's war. A radical new theory of the origins of the Second World War*, translated by A. and B.E. Taylor. NY.: St. Martin's Press, p. 152

65. 谭学超: 《苏俄方视角下的细菌战》, 南京: 江苏人民出版社, 2025. (In Chinese)

66. 《中国抗日战争史》，全 3 卷，军事科学院历史研究部编著，北京：解放军出版社，2015。(In Chinese)

67. 梁强：〈苏德战争初期苏军失利原因新探——基于苏军总参谋部 1938—1941 年制订的四份作战计划〉，《军事历史研究》，2024 年 01 期，第 80–92 页 (In Chinese)

68. 姚红艳：〈《苏德互不侵犯条约》再评价〉，《徐州教育学院学报》，2006 年 01 期，第 69–71 页。(In Chinese)

Данные автора статьи

Там Хок Чиу	Tam Hok Chiu

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327:314.151.3-053.4/.6(=6)-054.73

DOI: 10.5281/zenodo.20693398

EDN: FCICJZ

Е.В. Кузнецова

кандидат политических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: eku16@mail.ru

Е.В. Бикбова

студентка 2-го курса магистратуры

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: elizavetabikbova0@gmail.com

ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В АФРИКЕ: КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ПРИЧИНЫ И ПРОБЛЕМЫ ДЕТЕЙ В ЛАГЕРЯХ БЕЖЕНЦЕВ

Аннотация

В статье исследуется конфликтогенность африканских субрегионов как системный фактор, порождающий массовые потоки вынужденной миграции несовершеннолетних. На основе теоретических подходов к пониманию конфликта, вооруженного насилия и их классификации анализируются исторические, этнические, религиозные, социально-экономические и ресурсные причины высокой конфликтной активности на континенте. Особое внимание уделяется роли милитаризации и незаконного оборота стрелкового оружия в эскалации противостояний. Представлена субрегиональная дифференциация вооруженных конфликтов с актуальными примерами 2025-2026 годов. На основе данных международных организаций обосновано превращение лагерей в пространства незащищенности вследствие проявления насилия, недоедания, отсутствия образования, психологических травм, вербовки в вооруженные группировки и торговли людьми. Показана недостаточность мер системы ООН из-за недофинансирования и мандатных ограничений. Предложен прогностический сценарий и рекомендации для международных организаций, принимающих государств и доноров.

Ключевые слова: *конфликтогенность, вооруженные конфликты, дети-беженцы, лагеря беженцев, незащищенность детей, гуманитарный кризис, Африка.*

Summary

The article examines the conflictogenity of African subregions as a systemic factor generating massive flows of forced migration of minors. Based on theoretical approaches to the understanding of conflict, armed violence and their classification, the historical, ethnic, religious, socio-economic and resource-related causes of high conflict activity on the continent are analyzed. Special attention is paid to the role of militarization and illicit trafficking in small arms in the escalation of confrontations. A subregional differentiation of armed conflicts is presented with current examples from 2025–2026. Drawing on data from international organizations, the transformation of camps into spaces of vulnerability is substantiated as a result of violence, malnutrition, lack of education, psychological trauma, recruitment into armed groups and human trafficking. The insufficiency of UN system measures due to underfunding and mandate constraints is demonstrated. A prognostic scenario and recommendations for international organizations, host states and donors are proposed.

Keywords: *conflictogenity, armed conflicts, child refugees, refugee camps, child vulnerability, humanitarian crisis, Africa.*

В последние десятилетия Африка закрепила за собой репутацию одного из наиболее конфликтных регионов мира. В научной и публицистической литературе континент нередко характеризуется как «континент конфликтов» или «кипящий континент», что связано с высокой частотой вооруженных столкновений и политических кризисов. В постколониальный период на территории Африки было зафиксировано около 35 крупных вооруженных противостояний, в результате которых погибло приблизительно 10 млн человек. При этом более 90% жертв составляли мирные жители, что свидетельствует о масштабных гуманитарных последствиях данных противостояний [1, с. 127].

Значительную роль в формировании нестабильности на континенте играли государственные перевороты. В период с 1970-х по 1990-е годы на континенте произошло около 78 переворотов, в результате которых погибло 25 действующих президентов [1, с. 127]. Подобные события способствовали длительной политической неустойчивости и ослаблению государственных институтов. На протяжении многих лет очагами напряженности оставались такие страны, как Ангола, Сомали, Судан, Демократическая Республика Конго, Руанда, Бурунди, Либерия, Нигерия, Эфиопия, Мозамбик, Уганда и Чад. В ряде регионов столкновения продолжались десятилетиями, что препятствовало экономическому и социальному развитию.

Особую остроту проблеме придает тот факт, что вооруженные конфликты порождают массовые потоки вынужденных мигрантов, среди которых наиболее уязвимой категорией являются дети. В Африке, где сосредоточено значительное количество внутренне перемещенных лиц и беженцев, дети оказываются в эпицентре гуманитарного кризиса, сталкиваясь с физическими лишениями, утратой доступа к образованию, психологическими травмами и рисками эксплуатации.

Целью исследования является выявление причинно-следственных связей между конфликтогенными факторами африканского континента и формированием потоков детей-беженцев, анализ трансформации лагерей временного размещения в пространства системной незащищенности, а также разработка прогностических сценариев и конкретных мер по защите несовершеннолетних вынужденных мигрантов в условиях хронического недофинансирования и институциональной недостаточности международных механизмов.

Источниковой базой проведенного исследования послужили официальные документы и материалы ряда международных организаций по защите прав беженцев, прежде всего, Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений, таких как Управление Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ ООН), Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), а также отчеты Женевского института международных исследований и исследований в области развития (INEID).

Историография исследования заключается в анализе книг, пособий и научных статей, которые непосредственно относятся к теме исследования. Так, отечественная группа авторов представлена работами Максаковского В.П. «Географическая картина мира» [1], в которой рассматривались субрегиональное деление африканского континента и его конфликтогенность, Сидоровой Г.М. «Вооруженные конфликты в Африке: на примере Демократической Республики Конго» [2] и «Миграционные процессы в Африке и проблема безопасности» [3], в которой исследуется происхождение и развитие конфликтов в современной Африке, а также риски для жизни беженцев во время передвижения. В книге «Политическая конфликтология» Козырева Г.И. [4] предложено разграничение понятий, касающихся боевых противостояний. Поликанов Д.В. в своей работе «Конфликты в Африке и деятельность международных организаций по их урегулированию» [5] привел классификацию конфликтов на африканском континенте. Научная статья Громовой О.Б. «Женская и детская миграция в Субсахарской Африке» [6] продемонстрировала риски для безопасности несовершеннолетних беженцев во время передвижения.

В научной литературе конфликтогенность рассматривается как способность определенной социальной, политической или экономической среды породить или усиливать конфликты. Данное понятие применяется для характеристики условий, при которых противоречия между различными субъектами могут перерасти в открытое противостояние. В контексте международных отношений конфликтогенность проявляется в повышенной вероятности возникновения столкновений между государствами, социальными группами или политическими силами.

Важное значение имеет разграничение понятий «война», «военный конфликт» и «вооруженный конфликт». По мнению политолога Г.И. Козырева, война и военный конфликт предполагают столкновение между организованными военными формированиями, состоящими из специально подготовленных и вооруженных людей, объединенных в структурированные подразделения. В

отличие от этого вооруженный конфликт может происходить без участия регулярных вооруженных сил. Подобные столкновения могут возникать между различными экстремистскими группировками, политическими организациями или социальными движениями, применяющими оружие для достижения своих целей [4, с. 281]. Для целей данного исследования ключевое значение имеет именно вооруженный конфликт как наиболее распространенная форма насилия в современной Африке.

Особое внимание в исследовании конфликтов на африканском континенте уделяется их классификации. Одну из наиболее подробных систематизаций предложил исследователь Д.В. Поликанов [5, с. 40]. В соответствии с его подходом вооруженные конфликты в Африке могут подразделяться по масштабу на международные, региональные, субрегиональные и локальные. По характеру участников и уровню вовлеченности сторон выделяются внутренние, интернационализированные внутренние и межгосударственные конфликты. В рамках внутренних конфликтов также различаются несколько типов противостояний. К ним относятся конфликты внутри отдельных социальных групп, конфликты между различными социальными группами, а также противостояние между социальными группами и государственными структурами.

Как было отмечено, современные вооруженные столкновения в Африке отличаются тенденцией к интернационализации, то есть ряде случаев противостояния выходят за пределы одного государства и вовлекают соседние страны или различные международные силы. Примером может служить крупный конфликт в Центральной Африке с эпицентром в ДРК, в начале 2011 г. – «арабские войны» в Северной Африке, когда протесты против правящего режима в Тунисе повлекли за собой серию аналогичных выступлений в Алжире, Египте, Ливии и странах Ближнего Востока, включая Йемен, Саудовскую Аравию, Сирию и Иорданию.

Конфликтогенность Африки объясняется совокупностью взаимосвязанных факторов. В научных исследованиях обычно выделяются этнические, религиозные, политические, геополитические и социально-экономические причины. Нередко данные факторы подразделяются на внутренние и внешние, однако на практике они тесно переплетаются и взаимно усиливают друг друга.

Этническое разнообразие является одной из ключевых причин вооруженных противостояний. По оценкам этнографов, на территории Африки проживает от 300 до 500 различных народов. Подобная этническая мозаика нередко сопровождается противоречиями между различными группами населения. Особую сложность межэтническим отношениям придает несоответствие между государственными и этническими границами, сложившееся в период колониального раздела Африки. В результате многие крупные этнические общности оказались разделены между несколькими государствами, что создало предпосылки для территориальной и политической борьбы.

Религиозный фактор также играет существенную роль в формировании конфликтного потенциала. На континенте широко распространены две мировые религии – ислам и христианство, которые нередко сосуществуют вместе с многочисленными традиционными верованиями. Переплетение различных религиозных традиций в отдельных регионах способствует обострению противоречий, особенно в условиях распространения религиозного радикализма и экстремистских движений. Вследствие этого некоторые конфликты приобретают ярко выраженный этноконфессиональный характер.

Тяжелое социально-экономическое положение значительной части африканских стран выступает важным условием распространения вооруженных конфликтов. Особенно острые проблемы наблюдаются в странах Тропической Африки, расположенных к югу от Сахары. Для данного региона характерны высокий уровень бедности, низкая продолжительность жизни, высокая детская смертность и ограниченный доступ населения к медицинской помощи, чистой воде и электроэнергии. Значительная часть населения живет в условиях крайней нищеты, что создает благоприятную среду для роста социальной и политической нестабильности.

Борьба за природные ресурсы выступает дополнительным фактором конфронтации. Многие африканские страны обладают значительными запасами полезных ископаемых, включая редкие и стратегически важные минералы, такие как колтан, вольфрам и касситерит. Контроль над добычей и экспортом данных ресурсов нередко становится причиной вооруженной борьбы между различными политическими и военными группировками.

В анализе проблем безопасности на африканском континенте важно учитывать и тенденции в сфере нелегального оборота оружия. Наряду с легальными поставками, было зафиксировано широкое распространение незаконного оружия и относительная легкость доступа к нему. Наличие значительного количества стрелкового вооружения в руках негосударственных акторов способствует увеличению числа вооруженных столкновений и повышению их интенсивности. Вследствие этого локальные противоречия, включая межэтнические и межобщинные, нередко перерастают в масштабные вооруженные противостояния.

Незаконное оружие широко используется различными участниками конфликтов – террористическими организациями, вооруженными повстанческими формированиями, криминальными группировками и отрядами самообороны. Подобная ситуация наблюдается во многих странах континента, включая Сомали, Эфиопию, Мали, Судан, Южный Судан, Нигер, Нигерию и Ливию. В указанных государствах стрелковое оружие стало важным инструментом ведения вооруженной борьбы, что способствует расширению географии войн и увеличению числа их участников.

Наряду с этим значительную роль играет контрабанда оружия. На африканском континенте сформировалась разветвленная сеть нелегальных маршрутов поставок вооружения.

Продолжая рассмотрение проблемы конфликтогенности африканского континента, следует отметить, что в 2026 году многие ранее существовавшие очаги напряженности не только сохраняются, но и демонстрируют тенденцию к дальнейшей эскалации. Вооруженные противостояния в различных регионах Африки становятся более сложными и многоуровневыми. Вследствие этого современная карта политической нестабильности на континенте характеризуется множеством взаимосвязанных «горячих точек».

Одним из наиболее серьезных очагов остается гражданская война в Судане, продолжающаяся с апреля 2023 года. В центре противостояния находятся Вооруженные силы Судана и Силы быстрого реагирования (СБР). Борьба за контроль над военной и экономической властью постепенно переросла в открытое вооруженное противостояние, которое к настоящему времени приобрело затяжной характер.

В начале 2026 года ситуация вокруг Судана дополнительно осложнилась внешнеполитическим фактором. Суданские власти заявили о нарушениях воздушного пространства страны беспилотными летательными аппаратами, предположительно прибывшими с территории Эфиопии. Вследствие этого напряженность в отношениях между Суданом и Эфиопией значительно возросла, а перспектива возникновения нового межгосударственного конфликта в регионе стала рассматриваться как вполне реальная.

Не менее сложная ситуация наблюдается в районе Великих Африканских озер, несмотря на внешние попытки стабилизировать ситуацию. Затяжная вражда между Демократической Республикой Конго (ДРК) и Руандой, корни которой уходят в этнические противоречия между народами хуту и тутси, а также в борьбу за контроль над богатыми минеральными ресурсами восточных регионов Конго, сохраняет высокий конфликтный потенциал. Особую тревогу вызывает тот факт, что эскалация насилия, начавшаяся в 2025 году, продолжала набирать обороты, что выразилось в росте вооруженных столкновений в провинциях Северное и Южное Киву.

В марте 2026 года ситуация на востоке ДРК продолжает ухудшаться. Боевые действия, ранее концентрировавшиеся в провинциях Северное и Южное Киву, теперь распространяются на провинцию Чопо, что создает риск региональной эскалации, включая угрозу границе Бурунди. Несмотря на достигнутое 27 июня 2025 года в Вашингтоне соглашение между ДРК и Руандой, а также договоренности и вывод сил М23 из города Увира в январе 2026 года, боевые действия возобновились, а фронтовые линии сместились [7].

В западной части континента также фиксируются новые проявления эскалации. Одним из примеров стало столкновение между пограничными подразделениями Сьерра-Леоне и армией Гвинеи 23 февраля 2026 года. Причиной противостояния послужили территориальные споры, связанные с неопределенностью линии государственной границы, сформировавшейся еще в колониальный период.

Беспокойство вызывает ситуация на границах Кении и Танзании, в северных районах Мозамбика, в приграничных зонах стран Сахеля, а также

между Камеруном и Нигерией. Продолжаются столкновения вокруг бывшей территории Сомали, разорванной на несколько конфликтующих квазигосударств.

По состоянию на март 2026 года группировка «Аш-Шабаб» остается серьезной угрозой стабильности в Сомали. 13 марта 2026 года силы безопасности Сомали при поддержке «иностранных партнеров» провели успешные операции в регионах Хиран и Мудуг в центральной части страны, ликвидировав 22 боевика, включая нескольких главарей, ответственных за планирование нападений на мирных жителей. Были разгромлены укрытия и базы экстремистов, изъято большое количество оружия и боеприпасов. Несмотря на эти успехи, численность группировки оценивается в 18 тысяч боевиков, и она по-прежнему контролирует некоторые сельские районы, регулярно организуя атаки и отвоевывая ранее освобожденные территории [8]. Конфликт продолжает порождать потоки беженцев и создавать условия для вербовки детей в лагерях перемещенных лиц.

Особого внимания заслуживает ситуация на Африканском Роге. В регионе вопреки ожиданиям, что конфликт в регионе Тыграй останется в фазе «сохраняющихся последствий», в начале 2026 года произошло его резкое обострение. 26 января 2026 года возобновились тяжелые боестолкновения между Эфиопскими национальными силами обороны (НСОЭ) и региональными силами безопасности Тыграя (СОТ), особенно интенсивные в районах Целемти и Лайлай-Целемти на северо-западе региона, вблизи границы с Амхара. Обе стороны применяли беспилотники, артиллерию и другое тяжелое вооружение. 10 февраля 2026 года Верховный комиссар ООН по правам человека Фолькер Тюрк призвал все стороны к деэскалации, выразив опасения, что ситуация «останется крайне нестабильной и может еще больше ухудшиться», что усугубит гуманитарный кризис в регионе [9]. Более миллиона гражданских лиц остаются внутренне перемещенными в результате предыдущей фазы конфликта 2020-2022 годов.

Обеспокоенность вызывает эскалация между Эфиопией и Эритреей. Основной причиной остаются требования Эфиопии о доступе к Красному морю через территорию Эритреи – вопрос, который имеет глубокие исторические корни и уже приводил к кровопролитной войне 1998–2000 годов. В отличие от предыдущей фазы конфликта (2020–2022), когда Эритрея выступала на стороне федерального правительства Эфиопии против Тыграя, сейчас конфигурация союзов изменилась, и напряженность между Аддис-Абебой и Асмэрой достигла уровня, при котором вооруженное столкновение рассматривается экспертами как реальная перспектива, что создает дополнительные риски для перемещения населения, особенно детей, которые в случае эскалации окажутся в эпицентре нового гуманитарного кризиса.

Дополнительную тревожность создает территориальный спор между Суданом и Эфиопией. Границы в этом регионе были проведены без учета этнических и экономических особенностей местного населения, что привело к возникновению длительных территориальных претензий. С началом внутреннего конфликта в Эфиопии суданские войска заняли часть спорной

территории, что вызвало сопротивление со стороны местных жителей и привело к возникновению партизанской борьбы. Сложность ситуации усиливается значительными миграционными потоками. В приграничные районы прибывают сотни тысяч беженцев из соседних государств, включая Южный Судан, где также продолжается разрушительная гражданская война. Накопление социальных и экономических проблем в данных регионах способствует дальнейшему росту напряженности.

Вооруженные противостояния, деятельность незаконных вооруженных формирований, нарушения прав человека и ухудшение социально-экономических условий формируют среду, в которой большое число детей оказывается вынуждено покидать свои дома. Вследствие этого в Африке фиксируется устойчивый рост количества детей-беженцев и внутренне перемещенных несовершеннолетних. Конфликты сопровождаются многочисленными проявлениями насилия, жертвами которого становятся юные жители. В ходе боевых действий регистрируются случаи гибели и ранений несовершеннолетних лиц, применения к ним пыток, сексуального насилия и иных нарушений их прав. Нередко происходят разлучения семей, исчезновения и принудительное перемещение детей. Подобные условия создают серьезную угрозу жизни и безопасности подрастающего поколения, вынуждая его искать убежище в более безопасных районах или за пределами собственной страны.

Дополнительным фактором, усиливающим миграционные процессы среди несовершеннолетних, является разрушение инфраструктуры. В результате вооруженных столкновений повреждаются или полностью уничтожаются системы водоснабжения, санитарии, энергоснабжения и здравоохранения. Нарушение функционирования жизненно важных служб приводит к ухудшению условий жизни детей и делает невозможным их нормальное существование в зонах боевых действий. В итоге значительная часть несовершеннолетних оказывается вынужденной покинуть места проживания.

По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), количество насильственно перемещенных лиц в Африке продолжает расти. В Западной и Центральной Африке число принудительно перемещенных лиц достигло рекордных 12,7 миллиона человек, что отражает 48-процентный рост с 2020 года. Среди указанной категории 80% составляют женщины и дети [10]. В Уганде, которая является крупнейшим принимающим государством в Африке и третьим в мире, в настоящее время насчитывается 1,93 миллиона беженцев, из которых более миллиона – лица младше 18 лет. Среди указанных несовершеннолетних более 48 тысяч детей и подростков прибыли без сопровождения взрослых [11]. В Кении крупнейшие лагеря Дадааб и Какума вмещают около 750 000 беженцев и соискателей убежища, что составляет примерно 86% от общего числа беженцев в стране. В указанных лагерях 60% населения составляют лица моложе 18 лет, причем большинство из них – дети в возрасте 12–17 лет (40,4%) [12].

В условиях вооруженных конфликтов дети выступают одной из наиболее уязвимых категорий вынужденных мигрантов. Их положение осложняется тем,

что вынужденная миграция сопровождается не только физическим перемещением, но и множеством сопутствующих проблем. Дети-беженцы нередко сталкиваются с серьезными трудностями в получении образования, медицинской помощи и предметов первой необходимости. Ограниченный доступ к базовым социальным услугам существенно ухудшает условия их жизни и препятствует полноценному развитию. При анализе рисков, сопутствующих перемещению данной категории, необходимо учитывать не только угрозы, возникающие в зоне вооруженного конфликта, но и специфические опасности, подстерегающие детей-беженцев на всех этапах миграционного процесса – от момента вынужденного оставления места жительства до пребывания в пунктах временного размещения.

Первая группа рисков связана с обеспечением физической безопасности в условиях переполненных лагерей для беженцев. Как показано в отчетах гуманитарных организаций, именно в местах компактного скопления перемещенных лиц сохраняется прямая угроза гибели детей в результате разбойных нападений соперничающих вооруженных группировок и межобщинных столкновений. Повседневная жестокость в отношении несовершеннолетних становится непременной составляющей гражданских войн и конфликтов в «горячих точках» Африки.

В качестве иллюстрации может быть приведен лагерь Бидибиди в Уганде, основанный в 2016 году на пике конфликта в Южном Судане. К 2022 году население одного из крупнейших поселений беженцев в мире достигло 246 000 человек, причем дети составляют значительную долю. В настоящее время Бидибиди принимает более 285 000 беженцев, преимущественно из Южного Судана, включая более 6 000 несопровождаемых несовершеннолетних. Психологическое состояние несовершеннолетних в лагере характеризуется крайней степенью безысходности – в 2021 году здесь было зафиксировано 89 попыток самоубийства, шесть из которых завершились смертельным исходом, причем среди пострадавших были дети [13].

Сокращение международной помощи усугубляет положение. В Бидибиди из-за нехватки продовольствия дети вынуждены работать по найму у соседей или выполнять ручную работу в общинах принимающего населения за горсть кукурузы или чашку бобов. Семья шестилетней Ненсы и ее братьев и сестер, оставшихся под опекой 60-летней бабушки, не ела почти 24 часа на момент интервью, поскольку их кормильцы были вынуждены бросить школу из-за невозможности платить родительские взносы. Около 64% беженцев в Уганде были лишены регулярной продовольственной помощи, а получающие поддержку теперь выделяют лишь 10 000 угандийских шиллингов (около 2,90 доллара США) на человека в месяц на питание, что является самым низким уровнем поддержки на африканском континенте [14].

В лагерях восточного Чада около одного из четырех детей, осмотренных организацией «Врачи без границ», страдает от недоедания, и эта ситуация ухудшается с прибытием семей, бегущих из Эль-Фашера [15]. Дети,

прибывающие в лагеря, сталкиваются с повышенным риском болезней, ранних браков и эксплуатации.

В Кении сокращение финансирования также оказывает катастрофическое воздействие. В Дадаабе один из четырех детей в возрасте до пяти лет находится под угрозой острого недоедания, и тысячи уже страдают от умеренной или тяжелой формы недоедания [12].

В условиях лагерей беженцев серьезной проблемой является доступ к образованию. Исследование, проведенное в 2025 году в общинах беженцев и внутренне перемещенных лиц в Эфиопии, Кении и Уганде, выявило устойчивые барьеры, включая прогулы, вызванные бедностью, пропуски школы девочками, эмоциональные травмы, вызванные конфликтами, и отсутствие подготовки учителей в области психосоциальной поддержки. Кадровый дефицит является критическим: в лагере Дадааб (Кения) только 8% учителей начальных школ имели национальную сертификацию в 2018 году [16].

Аналогичная ситуация зафиксирована в лагере Какума, где соотношение учеников к учителям превышает 95:1 при норме УВКБ ООН 40:1, а в отдельных классах количество учащихся достигает 200 человек, что оставляет учителю лишь несколько квадратных метров пространства. Около 85% педагогов в Какуме сами являются беженцами, большинство из которых приступают к преподаванию без формальной подготовки, имея лишь аттестат о среднем образовании [17].

Проблема доступа к образованию усугубляется положением детей-беженцев с инвалидностью. Многие дети не охвачены инклюзивным образованием, школы зачастую плохо адаптированы для детей с инвалидностью, а физическая доступность ограничена. Ближайшие подходящие школы часто расположены на большом расстоянии, что делает путь в них трудным, дорогостоящим и непрактичным для многих семей. Указанные данные подтверждают тезис о том, что дети-беженцы с инвалидностью остаются «невидимой» категорией в рамках существующих гуманитарных программ.

В Уганде, которая принимает более 1,7 миллиона беженцев (из них 57% составляют дети, а 40% детей младше 12 лет), ситуация с доступом к образованию остается сложной: только половина детей-беженцев получает начальное образование, и лишь 25% доходят до средней школы [18]. В Бидибиди, Палоринье и Палабеке была запущена программа школьного питания, чтобы обеспечить ежедневным горячим питанием более 4 000 детей в 10 центрах раннего детского развития. Указанная программа, финансируемая частными пожертвованиями из Норвегии и норвежским правительством, привела к увеличению набора на 173 новых учащихся, которые ранее оставались дома из-за отсутствия пищи. Однако, по оценкам Канцелярии премьер-министра, уровень зачисления в программы раннего детского развития снизился с 45 до 34% в период с конца 2024 года по начало 2025 года [19]. Многие родители не могут платить взносы на развитие, которые используются для оплаты труда учителей.

В Танзании более 130 000 детей-беженцев и соискателей убежища рискуют потерять доступ к образованию и основным услугам из-за ускоренной программы репатриации, в рамках которой лагеря Ндута и Ньяругусу должны

быть закрыты. Танзания принимает около 87 000 беженцев из ДРК и 143 000 из Бурунди [20]. Дети, зачисленные в программы раннего, начального и среднего образования в лагерях, теперь находятся под угрозой потери доступа к школам, а также подвержены повышенному риску сексуального насилия, эксплуатации, детского труда, разлучения с семьей и серьезного психосоциального дистресса.

Наряду с прямым физическим и сексуальным насилием, для детей в лагерях беженцев существует угроза вовлечения в зависимое поведение. В лагерях Нигерии сформировался устойчивый рынок сбыта трамадола – опиоидного анальгетика, употребление не по назначению, которого позволяет заглушить голод, жажду, боль и депрессию, что привело к растущей проблеме зависимости среди подростков. Масштаб угрозы подтверждается тем, что властями Нигерии было конфисковано 600 млн таблеток [21].

В то же время мальчики оказываются в зоне риска принудительной военной вербовки, будучи насильно включенными в состав вооруженных формирований и отрядов комбатантов для непосредственного участия в боевых действиях. Такое вовлечение может включать как непосредственное участие в боевых действиях, так и выполнение вспомогательных, логистических, разведывательных и охранных задач, а также использование детей в целях сексуальной эксплуатации или принудительного обслуживания.

Наиболее наглядно механизм вербовки детей-беженцев прослеживается на примере ДРК. Вербовка участилась после возобновления активности М23 и связанных с ней вооруженных групп в 2022 году. Дети захватывались непосредственно в Северном Киву, Южном Киву, Итури, Танганьике и Маниеме во время выполнения сельскохозяйственных работ, на улицах, в школах, а также в лагерях для внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) и беженцев, в том числе за пределами страны – на территории Руанды и Уганды. Группа экспертов ООН зафиксировала, что М23 систематически вербовала несовершеннолетних в лагерях беженцев, где по меньшей мере 20% из примерно 1000 новобранцев составляли дети [22].

В Кении лагеря беженцев Дадааб и Какума становятся объектом внимания группировки «Аш-Шабаб», которая вербует детей, лишенных образования, работы и перспектив. Дети, выросшие в лагерях без перспектив интеграции, представляют собой «человеческий резерв» для криминальных и экстремистских структур, что создает угрозу стабильности не только для принимающей страны, но и для соседних государств.

Вторая и наиболее масштабная группа рисков связана с феноменом торговли людьми, который в Африке южнее Сахары приобрел характер системной угрозы. Ежегодно через границы государств переправляется более 1 миллиона жертв торговли «живым товаром», причем Африканский континент занимает одно из первых мест в мире по масштабам данного явления. Дети составляют до 80% жертв такого трафика [6, с. 45]. Согласно Глобальному докладу Управления ООН по наркотикам и преступности о торговле людьми за 2024 год, 60% всех выявленных жертв торговли людьми в Северной Африке – дети (33 процента мальчиков и 27% девочек). Основными формами эксплуатации

являются принудительный труд (65%), сексуальная эксплуатация (15%), изъятие органов (2%) [23].

В Кении базирующаяся в Ливии преступная группа Magafe создала сеть похищений и трафика, нацеленную на лагеря беженцев. Синдикаты используют социальные медиа (WhatsApp, TikTok) для вербовки молодых сомалийских беженцев, обещая им лучшую жизнь в Европе. Жертвы переправляются тремя маршрутами через Уганду и Южный Судан в Ливию, где сталкиваются с суровыми условиями, болезнями и смертью [24]. Коррупция на границах облегчает трансграничную перевозку.

Особую угрозу представляет ситуация, когда несовершеннолетние оказываются без сопровождения взрослых. В Уганде насчитывается более 47 000 несопровождаемых и разлученных несовершеннолетних, пересекающих границы без родителей или опекунов. Указанные дети находятся в различных поселениях беженцев по всей стране, с особенно высокими показателями в Бидибиди и Имвепи на севере Уганды, а также в Рвамвандже, Кьяке II и Кьянгвали на западе Уганды [25]. Несопровождаемые несовершеннолетние беженцы сталкиваются с повышенным риском эксплуатации, жестокого обращения, детского труда и ранних браков.

Прежде чем перейти к выводам, следует признать, что официальные статистические данные международных организаций, использованные в настоящем исследовании, обладают определенными ограничениями, связанными со спецификой сбора информации в зонах активных вооруженных конфликтов. Во-первых, значительная часть перемещений населения, особенно в труднодоступных регионах (например, восточные провинции ДРК, сельские районы Судана или Сомали), не поддается точному учету. Гуманитарные миссии зачастую не имеют безопасного доступа к этим территориям, вследствие чего оценки численности детей-беженцев и внутренне перемещенных лиц основываются на экстраполяции и могут занижать реальные масштабы кризиса.

Во-вторых, нельзя исключать фактор политической ангажированности (позиции). Государства-участники конфликтов нередко занижают или, напротив, завышают данные о потоках беженцев в зависимости от текущей политической конъюнктуры (например, для получения международной помощи или оправдания военных действий). Агентства ООН, в свою очередь, зависят от финансирования государств-доноров, что потенциально может влиять на акценты в отчетности – в сторону преуменьшения роли отдельных сторон конфликта в нарушениях прав детей.

В-третьих, проблема «темной статистики» касается торговли детьми и сексуального насилия. Большинство случаев не регистрируется из-за страха жертв перед стигматизацией, репрессиями со стороны вооруженных группировок или недоверия к правоохранительным органам. Так, приводимые в статье данные, вероятно, отражают лишь малую долю реальных инцидентов, потому представленные количественные показатели следует интерпретировать как минимальные оценки, а не исчерпывающую картину.

Проведенный анализ позволяет заключить, что конфликтогенность африканских субрегионов выступает сложным многофакторным явлением, где историческое наследие колониальных границ, этническое и религиозное разнообразие, трайбализм, крайняя бедность и борьба за природные ресурсы переплетаются, создавая устойчивую среду для вооруженного насилия. Милитаризация общества и наличие более 40 млн единиц стрелкового оружия у гражданского населения, подкрепленные разветвленными каналами незаконного оборота, катализируют затяжные конфликты, повышают их интенсивность и способствуют интернационализации. Актуальная динамика 2025-2026 годов демонстрирует не снижение, а усложнение конфликтной картины.

Превращение лагерей беженцев в «лагеря незащищенности» объясняется несколькими взаимосвязанными процессами. Физическая безопасность в переполненных лагерях остается под угрозой из-за межобщинных столкновений и разбойных нападений. Психологическое состояние несовершеннолетних характеризуется крайней степенью безысходности, о чем свидетельствуют зафиксированные попытки самоубийства среди детей. Образовательный кризис, усугубляемый нехваткой учителей, отсутствием учебных материалов и сокращением финансирования, ведет к снижению уровня грамотности и утрате перспектив для целого поколения. Дети-беженцы с инвалидностью остаются «невидимой» категорией, лишенной доступа к специализированной помощи и инклюзивному образованию.

К тому же, дети-беженцы становятся объектом принудительной вербовки в вооруженные группировки и системной торговли людьми. Транснациональные преступные сети, используя социальные медиа и коррупцию на границах, вербуют юных беженцев для принудительного труда, сексуальной эксплуатации и изъятия органов. Несопровождаемые несовершеннолетние оказываются в зоне наибольшего риска, лишены родительской заботы и формальной защиты.

Средняя продолжительность пребывания в лагере достигает 17 лет, тогда как инфраструктура разрушается, а системное финансирование прекращается – временное убежище становится перманентным с ухудшением условий содержания, сокращением продовольственных пайков, закрытием школ и медицинских учреждений, что напрямую сказывается на благополучии миллионов детей-беженцев.

Действующие меры ООН признаются недостаточными вследствие хронического недофинансирования. Мандатные ограничения и фрагментация между УВКБ, ЮНИСЕФ и Международной организацией по миграции (МОМ) не позволяют создать единый оперативный орган, а государства-члены ООН блокируют резолюции, критикующие их союзников в африканских конфликтах. Отсутствуют механизмы принуждения в отношении негосударственных акторов (M23, «Аш-Шабаб»), миротворческие миссии пассивны, а санкции вводятся с опозданием на годы. Все программы носят годовой циклический характер, что делает невозможным долгосрочное планирование.

В случае сохранения текущих тенденций в ближайшее десятилетие общее количество детей-беженцев на африканском континенте продолжит неуклонно расти, а лагеря окончательно утратят временный характер, превратившись в постоянные поселения с многотысячным населением. Образовательный кризис усугубится повсеместно: хроническая нехватка учителей и отсутствие финансирования приведут к критическому снижению уровня грамотности среди детей-беженцев, что сделает целое поколение легкой добычей для криминальных сетей и экстремистских группировок по всему континенту. Лагеря превратятся в инкубаторы вооруженных формирований, где вербовка детей станет рутинной практикой, а транснациональные синдикаты торговли людьми будут вовлекать все большее число несовершеннолетних. Хроническое недоедание и отсутствие психосоциальной поддержки приведут к росту самоубийств среди детей, сформировав поколение с высоким уровнем посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и склонностью к рецидивам насилия, что создаст долгосрочные угрозы стабильности для всех субрегионов Африки.

Для преодоления сложившейся ситуации предлагается ряд конкретных, измеримых мер. На уровне международных организаций необходимо создать фонд образования для детей-беженцев за счет обязательных взносов стран G20, внедрить цифровые биометрические удостоверения личности для всех детей-беженцев. Принимающим государствам следует легализовать право на работу для беженцев, интегрировать лагерные школы в национальную систему образования и создать специальные полицейские подразделения по защите детей с горячей линией и убежищами. Донорам рекомендуется перейти на многолетнее финансирование вместо годовых грантов, выделять не менее 15% гуманитарных бюджетов на психосоциальную реабилитацию.

Таким образом, без урегулирования политических противоречий, разоружения негосударственных акторов, прекращения незаконного оборота оружия и устойчивых инвестиций в образование и психосоциальную поддержку цикл насилия и уязвимости будет сохраняться, передаваясь от одного поколения к другому. Требуется комплексный подход, сочетающий меры по предотвращению конфликтов, защиту детей в условиях перемещения и долгосрочные программы реинтеграции, а также наращивание гуманитарного финансирования для предотвращения катастрофических последствий для миллионов юных жителей Африки. Предложенные меры могут быть реализованы в среднесрочной перспективе при условии политической воли основных доноров и принимающих государств. В противном случае лагеря беженцев окончательно закрепят за собой статус пространств воспроизводства нищеты, насилия и безнадежности с прямыми последствиями для региональной и глобальной безопасности.

Список источников и литературы:

1. Максаковский В. П. Географическая картина мира. Кн. II: Региональная характеристика мира / В. П. Максаковский. – М. : Дрофа, 2004. – 480 с.

2. Сидорова Г. М. Вооруженные конфликты в Африке: на примере Демократической Республики Конго / Г. М. Сидорова. – М. : Восточная литература, 2013. – 399 с.

3. Сидорова Г. М., Жерлицына Н. А. Миграционные процессы в Африке и проблема безопасности ко Второму Саммиту «Россия–Африка» / Г. М. Сидорова, Н. А. Жерлицына // Вестник Российской академии наук. – 2023. – Т. 93, № 2. – С. 141–149.

4. Козырев Г. И. Политическая конфликтология / Г. И. Козырев. – М. : ИД «Форум», 2008. – 403 с.

5. Поликанов Д. В. Конфликты в Африке и деятельность международных организаций по их урегулированию / Д. В. Поликанов. – М. : Институт Африки РАН, 1998. – 191 с.

6. Громова О. Б. Женская и детская миграция в Субсахарской Африке / О. Б. Громова // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 6. – С. 41–47.

7. Conflict in eastern Congo is escalating with use of heavy weapons and drones, UN warns // AP News. – URL: <https://apnews.com/article/congo-united-nations-rebels-government-conflict-drones-51be6546b03bfa58d6179119e1b5c69d> (дата обращения: 29.03.2026).

8. Силы безопасности Сомали уничтожили главарей группировки «Аш-Шабаб» // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26760595> (дата обращения: 29.03.2026).

9. Ethiopia: Türk urges restraint and steps towards de-escalation amid volatility in Tigray // OHCHR. – URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2026/02/ethiopia-turk-urges-restraint-and-steps-towards-de-escalation-amid> (дата обращения: 29.03.2026).

10. UNHCR highlights forced displacement trends, protection risks, and solutions in West and Central Africa // UNHCR | Africa. – URL: <https://www.unhcr.org/africa/news/press-releases/unhcr-highlights-forced-displacement-trends-protection-risks-and-solutions-west> (дата обращения: 29.03.2026).

11. Près de 2 millions de réfugiés en danger alors que les fonds d’urgence pour l’Ouganda s’amenuisent et que l’aide diminue // UNHCR | France. – URL: <https://www.unhcr.org/fr-fr/actualites/communiqués-de-presse/pres-de-2-millions-de-refugiés-en-danger-alors-que-les-fonds> (дата обращения: 29.03.2026).

12. Life in Kenya’s refugee camps: A young mother’s fight against malnutrition // The IRC in the EU. – URL: <https://www.rescue.org/eu/article/life-kenyas-refugee-camps-young-mothers-fight-against-malnutrition> (дата обращения: 29.03.2026).

13. Лагерь для беженцев «Бидибиди»: ростки надежды вопреки нищете // Новости ООН. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/06/1426222> (дата обращения: 17.10.2025).

14. Silent Crisis: One Million Refugees on the Brink as Children Face Starvation // World Vision International | Uganda. – URL: <https://www.wvi.org/stories/uganda/silent-crisis-one-million-refugees-brink-children-face-starvation> (дата обращения: 17.10.2025).

15. Sudan war: Fleeing victims find little aid at Chad border // TRT Afrika. – URL: <https://www.trtafrika.com/english/article/3cc2e9e95671> (дата обращения: 17.10.2025).
16. From Theory to Practice: Empowering Refugee Children Across East Africa // GPEKIX. – URL: <https://www.gpekix.org/news/theory-practice-empowering-refugee-children-across-east-africa> (дата обращения: 05.02.2026).
17. Refugee Girls Want to Change the World. Will We Let Them? // Marie Claire. – URL: <https://www.marieclaire.com/career-advice/a25750779/refugee-girls-education-kakuma-kenya/> (дата обращения: 10.11.2025).
18. Educational Transition Barriers Confronting Refugees in Africa: Interrogating Refugee Girls' situation in Uganda // African Studies Centre. – URL: <https://www.ascleiden.nl/content/phd-research/winnie-nakatudde-educational-transition-barriers-confronting-refugees-africa> (дата обращения: 10.11.2025).
19. Education: 4,000 refugee children enrolled on school feeding programme // New Vision. – URL: https://www.newvision.co.ug/category/education/4000-refugee-children-enrolled-on-school-feed-NV_220360_022026 (дата обращения: 05.02.2026).
20. TANZANIA: Over 130,000 children risk losing essential services as refugee camp closures approach // Save the Children. – URL: <https://www.savethechildren.net/news/tanzania-over-130000-children-risk-losing-essential-services-refugee-camp-closures-approach> (дата обращения: 05.02.2026).
21. Лагерь беженцев в Африке превратился в рынок сбыта трамадола // Рамблер. – URL: <https://news.rambler.ru/africa/42033579-lagerya-bezhentsev-v-afrike-prevratilis-v-rynok-sbyta-tramadola/> (дата обращения: 20.10.2025).
22. Child Soldiers' Numbers Swelling in Eastern DRC // Africa Defense Forum. – URL: <https://adf-magazine.com/2024/12/child-soldiers-numbers-swelling-in-eastern-drc/> (дата обращения: 20.10.2026).
23. Study on Trafficking in Persons in Libya // IOM. – URL: <https://iom.impactpool.org/vacancies/1198144> (дата обращения: 23.10.2025).
24. Young Somali refugees targeted by Libyan-based traffickers // ISS Afrika. – URL: <https://issafrica.org/iss-today/young-somali-refugees-targeted-by-libyan-based-traffickers> (дата обращения: 23.10.2025).
25. A call to prioritise support for unaccompanied refugee children in Uganda // New Vision. – URL: https://www.newvision.co.ug/category/blogs/a-call-to-prioritise-support-for-unacompanie-NV_221251 (дата обращения: 18.09.2025).

REFERENCES

1. Maksakovskiy V.P. (2004) *Geographical picture of the World*. Moscow : Drofa. 480 p. (In Russian).
2. Sidorova G.M. (2013) *Armed conflicts in Africa: on the example of the Democratic Republic of the Congo*. Moscow : East lit. 399 p. (In Russian).
3. Sidorova G.M., Zherlitsyna N.A. (2023) *Migration processes in Africa and the problem of security for the Second Russia-Africa Summit*. Moscow : RAS. 93 (2), pp.

141-149. (In Russian).

4. Kozyrev G.I. (2008) *Political conflictology*. Moscow : Forum. 403 p. (In Russian).

5. Polikanov D.V. (1998) *Conflicts in Africa and the activities of international organizations to resolve them*. Moscow: Institute of Africa of the RAS. 191 p. (In Russian).

6. Gromova O.B. (2009) [Female and child migration in Sub-Saharan Africa]. *Africa and Asia Today*. 6, pp. 41-47. (In Russian).

7. AP News (2026) *Conflict in eastern Congo is escalating with use of heavy weapons and drones, UN warns*. Retrieved from: <https://apnews.com/article/congo-united-nations-rebels-government-conflict-drones-51be6546b03bfa58d6179119e1b5c69d> (date of application: 29.03.2026). (In Russian).

8. TASS (2026) *Somali security forces killed the leaders of the Al-Shabab group*. Retrieved from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26760595> (date of application: 29.03.2026). (In Russian).

9. OHCHR (2026) *Türk urges restraint and steps towards de-escalation amid volatility in Tigray*. Retrieved from: https://www.ohchr.org/en/press-releases/2026/02/ethiopia-turk-urges-restraint-and-steps-towards-de-escalation-amid?utm_source=nationaltribune&utm_medium=nationaltribune&utm_campaign=news (date of application: 29.03.2026)

10. UNHCR (2025) *UNHCR highlights forced displacement trends, protection risks, and solutions in West and Central Africa*. Retrieved from: <https://www.unhcr.org/africa/news/press-releases/unhcr-highlights-forced-displacement-trends-protection-risks-and-solutions-west> (date of application: 29.03.2026)

11. UNHCR (2025) *Nearly 2 million refugees at risk as emergency funds for Uganda dwindle and aid dwindles*. Retrieved from: <https://www.unhcr.org/fr-fr/actualites/communiqués-de-presse/pres-de-2-millions-de-refugies-en-danger-alors-que-les-fonds> (date of application: 29.03.2026). (In French).

12. IRC (2026) *Life in Kenya's refugee camps: A young mother's fight against malnutrition*. Retrieved from: <https://www.rescue.org/eu/article/life-kenyas-refugee-camps-young-mothers-fight-against-malnutrition> (date of application: 29.03.2026)

13. UN News (2022) *Bidibidi refugee camp: sprouts of hope despite poverty*. Retrieved from: <https://news.un.org/ru/story/2022/06/1426222> (date of application: 17.10.2025)

14. World Vision International (2025) *Silent Crisis: One Million Refugees on the Brink as Children Face Starvation*. Retrieved from: <https://www.wvi.org/stories/uganda/silent-crisis-one-million-refugees-brink-children-face-starvation> (date of application: 17.10.2025).

15. TRT Afrika (2026) *Sudan war: Fleeing victims find little aid at Chad border*. Retrieved from: <https://www.trtafrika.com/english/article/3cc2e9e95671> (date of application: 17.10.2025).

16. GPEKIX (2026) *From Theory to Practice: Empowering Refugee Children Across East Africa*. Retrieved from: <https://www.gpekix.org/news/theory-practice->

empowering-refugee-children-across-east-africa (date of application: 05.02.2026)

17. Marie Claire (2019) *Refugee Girls Want to Change the World. Will We Let Them?* Retrieved from: <https://www.marieclaire.com/career-advice/a25750779/refugee-girls-education-kakuma-kenya/> (date of application: 10.11.2025).

18. Nakatudde, W. (2024) *Educational Transition Barriers Confronting Refugees in Africa: Interrogating Refugee Girls' situation in Uganda*. Retrieved from: <https://www.ascleiden.nl/content/phd-research/winnie-nakatudde-educational-transition-barriers-confronting-refugees-africa> (date of application: 10.11.2025)

19. New Vision (2025) *Education: 4,000 refugee children enrolled on school feeding programme*. Retrieved from: https://www.newvision.co.ug/category/education/4000-refugee-children-enrolled-on-school-feed-NV_220360_022026 (date of application: 05.02.2026)

20. Save the Children (2026) *TANZANIA: Over 130,000 children risk losing essential services as refugee camp closures approach*. Retrieved from: <https://www.savethechildren.net/news/tanzania-over-130000-children-risk-losing-essential-services-refugee-camp-closures-approach> (date of application: 05.02.2026).

21. Rambler (2019) *Refugee camps in Africa have become a market for tramadol*. Retrieved from: <https://news.rambler.ru/africa/42033579-lagerya-bezhentsev-v-afrike-prevratilis-v-rynok-sbyta-tramadola/> (date of application: 20.10.2025). (In Russian).

22. Africa Defense Forum (2024) *Child Soldiers' Numbers Swelling in Eastern DRC*. Retrieved from: <https://adf-magazine.com/2024/12/child-soldiers-numbers-swelling-in-eastern-drc/> (date of application: 20.10.2026).

23. IOM (2026) *Study on Trafficking in Persons in Libya*. Retrieved from: <https://iom.impactpool.org/vacancies/1198144> (date of application: 23.10.2025)

24. ISS Afrika (2025) *Young Somali refugees targeted by Libyan-based traffickers*. Retrieved from: <https://issafrica.org/iss-today/young-somali-refugees-targeted-by-libyan-based-traffickers> (date of application: 23.10.2025).

25. New Vision (2026) *A call to prioritise support for unaccompanied refugee children in Uganda*. Retrieved from: https://www.newvision.co.ug/category/blogs/a-call-to-prioritise-support-for-unaccompanie-NV_221251 (date of application: 18.09.2025)

ДАННЫЕ АВТОРОВ СТАТЬИ

Кузнецова Елена Владимировна	Kuznetsova Elena Vladimirovna
Бикбова Елизавета Владимировна	Bikbova Elizaveta Vladimirovna

УДК 327:323.073.1(510)-043.2
DOI: 10.5281/zenodo.20693414
EDN: ZVNEDQ

Л.Ю. Медовкина

кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
e-mail: medovkina.l@mail.ru

М.А. Куканова

магистр
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
e-mail: mkukanova926@gmail.com

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ЭВОЛЮЦИЯ ИМИДЖЕВОЙ ПОЛИТИКИ КНР

Аннотация

В статье рассматривается роль имиджа государства в современных международных отношениях и факторы его формирования на примере Китайской Народной Республики. Анализируются теоретические подходы к конструированию политического имиджа, а также эволюция имиджевой политики Китая на протяжении всех исторических этапах. Сделан вывод о том, что имидж государства является стратегическим ресурсом, напрямую определяющим его политический вес, экономическое благополучие и способность реализовывать национальные интересы.

Ключевые слова: *имидж государства, имиджевая политика, международные отношения, Китайская Народная Республика, мягкая сила*

Summary

The article analyzes the role of a state's image in the modern international relations and factors of its formation using the example of the People's Republic of China. It explores theoretical approaches to the creation of a political image and the development of China's image strategy throughout various historical stages. It is concluded that a country's image is a strategic asset that directly influences its political influence, economic success, and ability to achieve national objectives.

Key words: *image of the state, image policy, international relations, People's Republic of China, soft power*

Актуальность темы обусловлена тем, что в современных международных отношениях имидж государства становится одним из ключевых факторов, определяющих его позиции на мировой арене. Проблема построения имиджа

приобретает особую значимость, поскольку публичная дипломатия и информационные потоки способны оказывать непосредственное воздействие на принятие политических решений, формирование общественного мнения и выстраивание межгосударственных союзов. Эффективное позиционирование страны на международной арене способствует не только укреплению ее авторитета, но и достижению долгосрочных национальных интересов.

Цель исследования – проанализировать теоретические подходы к конструированию имиджа страны, определить ключевые факторы, влияющие на его формирование, и на конкретном примере Китайской Народной Республики проследить эволюцию имиджевой политики в контексте смены исторических этапов и лидерских стратегий.

Исследованием вопроса занимался Д.Н. Замятина «Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов» [6], в работе которого рассматривались проблемы формирования пространственных представлений о странах и регионах, подчеркивая влияние исторического контекста на данные процессы, а также вопросам разработки стратегий улучшения имиджа государства на международной арене. Актуальные инструменты и практики, которые применяются для укрепления репутации государства описаны в работе А.И. Соловьева «Политические коммуникации: Учеб. пособие для студентов вузов» [3]. Работа О.Ю. Пименовой «Основные подходы к комплексному проектированию политического имиджа государства» [2] исследует важность брендинга тех или иных регионов. Отдельно стоит отметить классический труд Кеннета Боулдинга «The Image. Knowledge in Life and Society» [12], где автор впервые вводит в оборот понятие имиджа с точки зрения совокупности сложных когнитивных конструкций, возникающих в сознании индивидов, что в свою очередь становится ключевым элементом в развитии и формировании политического имиджа государства.

Совместная работа Е.А. Достанко, Ю.И. Малевича «Внешняя политика Китая при Мао Цзэдуне – «Стратегия вступления в союзы»» [8] посвящена особенностям внешнеполитической стратегии Китая при Мао Цзэдуне, в том числе концепция «держаться одной стороны», стратегия вступления в союзы, идейные и стратегические основы китайской дипломатии в первые десятилетия существования КНР. Книга китаиста, преподавателя МГИМО МИД РФ И.Ю. Зуенко «Китай в эпоху Си Цзиньпина» [1] и работа И.Е. Денисова «Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство» [11] рассматривают политику Китая в эпоху Си Цзиньпина, уделяя внимание преемственности и новаторству в дипломатии Китая, а также особенностям формирования современного имиджа страны.

Теоретические и концептуальные основы китайской дипломатии и ее современное состояние были описаны в работах Лю Сяо, Лю Чжаои «Становление дипломатии Китая и его особенности» [7] и Су Чанхэ «Изучая новую китайскую внешнюю политику: многосторонние международные институты и новое китайское мышление в дипломатии» [10].

В работе Вэнь Цзябао «Подъем Китая не представляет угрозы» [9] рассматривается мирный характер китайской внешнеполитической стратегии, внутренние и внешние условия, способствовавшие формированию концепции «мирного подъема», институционализация новой внешнеполитической доктрины, идея формирования «сообщества интересов» как основы современной китайской дипломатии, а также ее восприятие в мире.

Стремительная трансформация межгосударственных контактов постоянное увеличение негосударственных акторов – участников международных отношений, освещение происходящих динамичных событий в режиме реального времени, и в связи с этим, возросшая роль публичной информации в принятии политических решений, становятся неотъемлемыми чертами современного глобального мира. В этих условиях государствам приходится пристально следить за своей репутацией – имиджем, как на глобальном уровне, так и в информационном поле, чтобы не потерять политический вес и иметь возможность достаточно эффективно реализовывать свои интересы [2].

В результате управление политическим имиджем государства становится комплексной задачей, которая требует междисциплинарного подхода и учета огромного количества факторов – от стратегических коммуникаций до особенностей восприятия в различных культурных и политических контекстах.

В той или иной научной дисциплине проблема проектирования политического имиджа государства акцентирует внимание на тех элементах, которые наиболее актуальны для соответствующей сферы исследования. Это такие дисциплины, как политическая коммуникативистика, теория международных отношений, связи с общественностью, имиджелогия, политический маркетинг, брендинг и тд.

Однако ключевой дисциплиной, которая отвечает за выработку представлений о способах создания внешнеполитического имиджа государства является теория международных отношений.

Следует отметить, что публичная дипломатия оказывает существенное влияние на формирование имиджа. Она представляет собой комплекс мер, нацеленных на изучение и информирование зарубежной аудитории, с целью продвижения интересов государства и обеспечения национальной безопасности путем изучения настроений общественного мнения в других странах, его информирование и воздействие на тех, кто это мнение формирует. Данное понятие стало использоваться в международных отношениях и коммуникационных исследованиях с середины 60-х гг. XX века [2].

Важным фактором благополучия любого государства является его внешний и внутренний имидж. Позитивный внутренний имидж способствует стабильности общества, снижению его напряженности, а также повышает уверенность граждан в завтрашнем дне, обуславливая поддержку и доверие к власти, к проводимой внутригосударственной политике и успешности реализуемых реформ. Внешний имидж самым непосредственным образом влияет на жизнь государства, а именно как оно – государство воспринимается

мировым сообществом. Непосредственное воздействие внешний имидж государства оказывает на экономическое сотрудничество с другими странами, привлечение иностранных инвестиций, а также подписание выгодных международных соглашений и заключение межгосударственных союзов. На международной арене привлекательный внешний имидж обуславливает уважение к государству, с учетом его интересов и влияет на проводимую в отношении него политику.

В имидж страны исследователи обычно включают следующий комплекс основных факторов:

1. Географический фактор: ландшафт, климат, природные ресурсы, географическое положение, размер территории и т. п.
2. Этнолингвистический фактор: этнический состав, многонациональность / мононациональность, преобладающий язык (языки).
3. Культурно-исторический фактор: историческое прошлое народа, культура в узком смысле слова, культурные традиции, уровень образованности.
4. Религиозный фактор: принадлежность большей части населения к той или иной мировой религии, наличие и распространение других конфессий, роль церкви в общественной жизни.
5. Хозяйственный фактор: основные способы хозяйствования населения, уровень экономического развития, а также благосостояния населения [4].

Перечисленные выше факторы демонстрируют, что имидж – это сложное, многоуровневое явление, в основе которого лежат как объективные, так и субъективные характеристики государства. Каждый из факторов вносит свой вклад в восприятие страны, они создают целостный образ, который может быть как привлекательным, так и отталкивающим для международного сообщества.

Имидж страны не сводится к какому-то одному аспекту. Например, богатые природные ресурсы (географический фактор) могут быть обесценены при низком уровне экономического развития (хозяйственный фактор), а многонациональность (этнолингвистический фактор) способна стать источником как культурного богатства, так и фактором внутренних противоречий.

Таким образом, имидж страны – это динамическая система, в которой комплексное влияние каждого фактора формирует устойчивое представление о государстве, его месте в мире и перспективах развития. Именно поэтому для более детального понимания природы имиджа необходимо обратиться к анализу его определений, чтобы выявить, как различные исследователи трактуют это понятие и какие аспекты считают ключевыми в его формировании.

В современной науке существуют десятки или даже сотни определений имиджа государства.

Первыми обратили внимание на категорию «имидж» зарубежные исследователи. Так, американский социолог Кеннет Боулдинг в своей книге «Имидж: знание в жизни и обществе» предложил концепцию, согласно которой имидж формируется не на основе реальных фактов, а на престиже, мнениях и

иллюзиях, которые люди создают о себе, на мифологическом представлении о прошлом и воображаемом представлении о будущем. Такой имидж способен влиять как на действия отдельных личностей или групп, так и на поведение целых наций [12]. Английский политолог Грэм Уоллес также внес значительный вклад в изучения феномена «имиджа». В своих работах он утверждал, что не рациональные мотивы, а сформированные годами поведенческие установки являются основной модели поведения избирателей. Вместе с тем, профессор в области международного маркетинга, Филип Котлер пишет о том, что есть понятия «имидж пространства» [5], т.е. мы можем понимать под этим термином имидж города, провинции, региона и государства в его полноценной целостности.

Что касается отечественных исследований в области имиджа государства, можно выделить А.И. Соловьева, который подчеркивал, что государство является слишком сложным феноменом для построения имиджа с чистого листа, и его имидж основывается на традициях восприятия данной страны, опирается на опыт многих поколений [3]. Доктор культурологии и специалист в области маркетинга и брендинга территории Д.И. Замятин определяет имидж страны, как «устойчивый и диверсифицированный географический образ, основной чертой или особенностью которого является стремление к усложнению структуры и усилению степеней взаимосвязанностей его основных элементов» [6]. Доктор политических наук А.Н. Чумиков, и доктор социологических наук М.П. Бочаров рассматривают имидж с точки зрения бренда, который объединяет в себе культурные, исторические и экономические аспекты национального имиджа.

Таким образом, существует множество концепций построения внешнеполитического имиджа государства. Они могут затрагивать как узко направленные элементы, так и рассматривать совокупность отдельных элементов, влияющих на конструирования имиджа государства. Однако все эти концепции сходятся в одном – поддержание на высоком уровне имиджевой составляющей страны является стратегической задачей любого современного государства.

В качестве примера анализа имиджевой политики, стоит рассмотреть кейс Китайской Народной Республики, которая в настоящий момент активно позиционирует себя как ведущая мировая держава, играющая ключевую роль в международной политике. По мере экономического роста и социального прогресса страна укрепляет статус глобальной сверхдержавы, проявляя ответственность перед международным сообществом и будущими поколениями. Этот процесс реализуется в рамках стратегии миролюбивого возвышения Китая, направленной на укрепление позитивного образа государства на мировой арене.

Китай в своей многовековой истории, насчитывает по разным оценкам около 83 династий, каждая из которых оказывала влияние на государственное и социальное устройство, взаимоотношение с соседними странами и вместе с тем сталкивающиеся с периодами подъема и упадка.

До 1842 года Китай был «закрыт» для внешнего мира, хотя первые религиозные миссии появились там в 1582 году. Должно было пройти три, а то

и пять столетий, чтобы европейцы сумели справиться с достижениями в той или иной области познания, существовавшими в средневековом Китае. Китайская наука, технологии и знания о мире в XIV – XV веках разительно опережали европейские науку и знания.

Сложившаяся общественно-политическая обстановка в Китае к концу XIX – нач. XX вв. действительно требовала проведения серьезных преобразований. Политика «самоусиления» и «ста дней реформ» стали первой попыткой китайских реформаторов найти пути выхода из системного кризиса государственного управления, а также кризиса феодальной системы, глубоких проблем военно-политического и экономического положения страны. Также следует отметить, что это был важный этап становления китайской государственности, период модернизации Восточной империи по западному образцу.

Настоящим испытанием для китайской цивилизации стал период 1911 – 1949 гг. Цинская империя с её многовековыми традициями и устоями, оказалась неспособной ответить на вызовы времени. Имперский мир рухнул. На его обломках рождалось новое государство. Синьхайская революция (1911 – 1912 гг.), яростная борьба против японской агрессии (1931 – 1945 гг.), кровавая гражданская война (1946 – 1949 гг.) – все эти события связаны огромным количеством жертв, принесенных на алтарь перемен.

Пройдя трагический и полный лишений путь и сделав осознанный выбор в сторону социализма, в качестве государственной идеологии, суверенный Китай объявляет о создании Китайской Народной Республики 1 октября 1949 года.

Китай вынужден был пройти собственный уникальный путь формирования внешнеполитического имиджа. Во внешней политике в первое 30-летие превалировала стратегия «вступления в союзы» и философия борьбы. При этом саму внешнюю политику можно разделить на три этапа: концепция «держаться одной стороны» – 1950-е гг.; концепция «Против империализма и ревизионизма» или «Борьбы на два фронта» – 1960-е гг.; концепция «одной линии» или «одного фронта» – 1970-е гг [8].

Отметим, также, что китайские исследователи выделяют три периода китайской «мирной дипломатии»: «дипломатию мирного освобождения» (1921 – 1949 гг.), «дипломатию мирного сосуществования» (1949 – 1979 гг.) и «дипломатию мирного развития» (1979 – до наст.вр.) [7].

Период «дипломатии мирного освобождения» связан с созданием Коммунистической партии Китая. На первых порах Китай стремился к идеалу национального самоопределения. Для этого Поднебесная прилагала решительные усилия по созданию благоприятной внешней среды, а также по поиску максимальной международной поддержки, несмотря на достаточно неблагоприятную международную обстановку, в так называемую эпоху «войны революции».

Во второй период, который назывался «дипломатия мирного сосуществования» на формирование внешнеполитического курса сильное влияние оказывал менталитет холодной войны, а также вопросы политики

блоков, которые сформировались с ее началом. Однако достаточно быстро пришло осознание, что большего успеха на внешнеполитической арене КНР сможет добиться, если будет использовать именно мирную дипломатию. В этот период появился новый способ распространения китайского влияния – оказание помощи странам третьего мира без выдвижения каких-либо условий и на основе равенства, что послужило в дальнейшем созданию новой дипломатической философии – «дипломатии мирного сосуществования».

Третий период «дипломатии мирного развития» характеризуется курсом на реформы, открытость и интеграцию в мировую экономику. Драматические изменения в международной системе и совершенно иной взгляд на целый ряд вопросов приводят Поднебесную к закономерной идее «возвышения Китая». Внешняя политика Китая ориентирована на создание благоприятных международных условия для внутреннего развития, укрепления взаимовыгодного сотрудничества, продвижения инициативы «Один пояс, один путь» и формирование сообщества единой судьбы человечества.

Таким образом, эволюция китайской «мирной дипломатии» отражает последовательную адаптацию внешнеполитической стратегии КНР к меняющимся внутренним и внешним условиям. Каждый из выделенных периодов характеризуется не только изменением глобальных приоритетов, но и поиском новых форматов взаимодействия с миром, что позволило Китаю укрепить свой авторитет на международной арене и сформировать образ ответственного участника мировых дел.

В этом контексте нельзя не рассмотреть то, как проявили себя руководители Китайской Народной Республики в построении и поддержании позитивного внутреннего и внешнего имиджа страны.

Так, в период руководства КНР Мао Цзэдуном (1949 – 1976 гг.) внутренний имидж страны основывался на его личностном его личностном «имидже» и политическом влиянии. Мао Цзэдун был блестящим политическим тактиком, великим стратегом, умным, харизматичным и убедительным лидером. Лидер, подавляющий всех своим влиянием, безучастный и жестокий, поэт и воин, пророк и каратель, своими «идеями» он объединил Китай и отправил его в новый путь. И именно этот путь чуть не уничтожил все гражданское общество Поднебесной.

Вместе с тем, оценка политической и государственной деятельности Мао не может быть однозначной. Несмотря на тяжелые последствия его правления для Китая (глубокий экономический кризис, разгром интеллектуальной и культурной жизни, искалеченные судьбы десятков миллионов людей, пострадавших от бессмысленных и жестоких кампаний), нельзя не признать, что он, получив в 1949 г. малоразвитую, погрязшую в коррупции и общей разрухе аграрную страну, за малые сроки сделал из неё достаточно мощную, независимую державу.

Следует отметить, что к концу правления Мао Цзэдуна Китай последовательно становится независимым и стратегически значимым

государством. После смерти «Великого кормчего» новым национальным лидером КНР становится Дэн Сяопин.

В отличие от закрытой политики Мао Цзэдуна, Дэн Сяопин впервые объявил всему миру об отсталости и бедности Китая. Понимая экономическую отсталость страны, Дэн Сяопин обратился к народу с призывом взяться за преодоление своей отсталости. Принимая страну в упадническом состоянии, «кризисе веры», острого дефицита квалифицированных кадров Дэн Сяопин, тем не менее, берется создавать новый образ Китая. Был взят курс на мирную дипломатию, которая во многом опиралась на теорию «трех миров» Мао Цзэдуна.

В период руководства Дэн Сяопина мир становится свидетелем системного изменения целостных стратегий КНР. При нем начинается эпоха прикладных и значимых концепций, таких как ключевая «теория социализма с китайской спецификой», далее «независимая и мирная дипломатия», а также концепция «оставаться в тени».

Осознавая, что Китаю необходимо развиваться как экономически, так и политически, Дэн Сяопин формирует стабильную внешнюю среду, благоприятствующую международной торговле и инвестициям. Он также успешно проводит политику открытости, улучшает взаимоотношения между КНР и странами Запада, что в свою очередь приводит промышленность Китая к развитию новаторских технологий. Концепция Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой открывает страну и обеспечивает как теоретическую, так и практическую поддержку в возрождении китайской нации. Период руководства Дэн Сяопина характеризуется отсутствием каких либо союзов и независимостью, что позволяет Китаю играть одну из ключевых ролей на мировой арене.

Трагические события на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 года оказали существенное влияние не только на внутреннюю жизнь китайского общества, но и, в целом, внешнюю политику КНР. На состоявшемся 4-м пленуме ЦК КПК XIII созыва 23 – 24 июня 1989 года новым генеральным секретарем ЦК КПК избран Цзян Цзэминь. Уже в своих первых публичных выступлениях и докладах он подтверждает линию политики Дэн Сяопина и определяет десять главных направлений дальнейшей деятельности КПК.

Цзян Цзэминь, названный «современным Дэн Сяопином», предлагает двадцать пять наказов, в том числе шесть из них направлены на развитие внешнеполитического курса. Встав на путь «открытости вовне», «приглашая к себе» и «выходя за рубеж», Цзян Цзэминь следует принципам заложенным своим предшественником Дэн Сяопином. Поддержание позитивного образа страны, китайский лидер связывает с обеспечением и сохранением глобального мира, с признанием его многообразия и межцивилизационного уважения различий. Теория мультиполярности мира становится главной в политическом дискурсе и в политологии Китая в 90-е гг. XX века.

С 2002 по 2012 годы у власти в КНР находилось 4 поколение китайских лидеров во главе с Ху Цзиньтао (род. 1942 г.). Эра Ху Цзиньтао стала

переходным периодом, когда осторожность и сдержанность, которые были свойственны китайской внешней политике в последние два десятилетия, постепенно трансформировались в более активный и наступательный подход, по крайней мере на региональном уровне.

Уже в первых своих публичных выступлениях Ху объясняет, что Китаю необходима концепция, сочетающая в себе идеи возрождения китайской нации, государства, роста национального самосознания, выражения самоидентичности и гордости. В начале 2000-х гг. концепция «мирного подъема Китая» Ху Цзиньтао, поддержанная политическим руководством КНР и экспертным сообществом, означает, что «мирный подъем» официально становится доктриной национального развития Китая («和平崛起» 战略升格为中国国策).

В марте 2004 г. премьер КНР Вэнь Цзябао на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва раскрывает суть мирного возвышения Китая. Он подчеркивает отличие «мирного возвышения Китая» от «возвышения Китая». «Мирный подъем Китая» направлен на «построение всесторонне благополучного общества» внутри страны и «поддержание мира во всем мире и содействие общему развитию» во внешнем мире. Китай не стремится и не будет стремиться к гегемонии [9].

В эти годы китайская дипломатия становится многосторонней и многовекторной системой, важной составляющей в концепции «дипломатии великой державы». Участие Китая в многосторонних международных институтах на протяжении последних 20 лет и содействие решению региональных и глобальных проблем ознаменовало появление «нового мышления» в этой области, произошла «тихая революция», которая и привела к «новому мышлению» в дипломатии («中国外交新思维») [11]. В основу «новой дипломатии» заложено содержание либеральной теории международных отношений. Кроме того, образ «свободного Китая» сформировали международные институты, а не внутренняя политика, и то, как видит Китай мировое сообщество, имеет важное значение для самих китайцев [10].

Все те достижения, которыми сегодня может гордиться КНР, во многом достигнуты благодаря мудрому руководству КПК и ее председателю Си Цзиньпину. «Наследство», доставшееся Си Цзиньпину на первоначальном этапе его избрания генсеком КПК в 2012 году, выглядело весьма благополучным только на первый взгляд.

Пока внешний мир с восхищением удивлялся «китайскому чуду», сам Китай устойчиво двигался на так называемом «автопилоте», созданным еще при Дэн Сяопине. На основе анализа динамики дел, дальновидные экономисты и представители политической элиты Поднебесной все больше приходили к выводу, что без серьезной корректировки действий прежний курс очень скоро может завести страну в тупик, отрицательно сказываясь на внешнем имидже Китая.

Буквально через несколько дней после завершения XVIII Съезда КПК Си Цзиньпин представил свой всеобъемлющий план, рассчитанный до 2049 года, который назвал «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации» ставший, в свою очередь, беспрецедентным как по масштабу поставленных

задач, так и по намеченным срокам реализации. Такие амбициозные планы были под силу только сильному, ответственному лидеру и человеку. Китаю необходимы были перемены. Си Цзиньпин возглавил эти перемены, имея четкие представления о благе, которые были подготовлены предыдущим периодом реформ, когда многим направлениям обнаружилось слабости, сформировавшейся модели развития, назрели критические противоречия и диспропорции, а в обществе появился запрос на их исправления [1].

Первое десятилетие правления Си Цзиньпина стало временем подлинного расцвета Китая. Страна набирала силу, обрела богатство, повышала свой политический и экономический статус. Сами китайцы говорят: «при Мао Цзэдуне Китай стал на ноги, при Дэн Сяопине разбогател, а при Си Цзиньпине стал сильным» [1]. Созданный личный образ Си Цзиньпина является эффективным инструментом демонстрации миролюбивого имиджа страны, продвижения позиции Китая по самым острым проблемам и реализации задач, связанных с убеждением целевой аудитории в универсальности ценностей Китая.

Поднебесная, стремящаяся к возрождению национального величия, уже не видела себя на международной арене страной, следующей правилам «которые, устанавливал мировой гегемон». Страна позволила себе предложить новую китайскую альтернативу для всего мира. На этот счет многие специалисты говорят если не о «сицзиньпинизме», то о формировании особой системы взглядов Си Цзиньпина на управление государством, что, естественно, затрагивает и внешнюю политику [11].

В новых исторических условиях, когда возрастает значение стран глобального Юга, бывших полуколоний и колоний, всему миру выгоднее осуществлять технологический и культурный обмен, торговать и заниматься вопросами устойчивого развития, чем воевать. Наравне с концепцией «Китайской мечты» Си Цзиньпин выдвинул еще одну концепцию – идею «сообщества единой судьбы человечества» (人类命运共同体) [1].

Пекин честно заявил, что намерен сформулировать новые правила глобального управления. Си Цзиньпин призвал мировое сообщество не бояться нынешнего Китая и того, каким он будет в будущем.

Участие Китая в международных организациях показывает, что его сильный, уверенный «голос» может и должен быть услышан, а предложенные инициативы способствовать укреплению дружественных связей с государствами мира.

Следует отметить и набирающее сейчас все больший политический вес межгосударственное неформальное объединение наиболее динамично развивающихся крупных стран – БРИКС. Для Китая БРИКС является важнейшим органом по формированию альтернативной модели международных отношений. БРИКС – это зримый успех китайской внешней политики. Участие в БРИКС позволяет Китаю проводить собственные идеи на международной арене, а также участвовать в решении глобальных проблем.

Пользуясь относительной свободой действия на площадке БРИКС, Китай использует ее как в собственных интересах, так в интересах объединения. КНР активно продвигает инвестиционные проекты в другие страны, а также проводит эффективную торговую и гуманитарную политику, занимается строительством на территориях своих партнеров, а также продвигает проекты в сфере образования, туризма и спорта.

Превратившись во вторую экономику мира, КНР все увереннее «наступает на пятки» Америке. И это является серьезным вызовом для США. Вместе с тем, продолжая свою политику добрососедства Китая расширяет свое участие в международных организациях, таких как ШОС, АТЭС, АСЕАН и тд.

Отношения Китая и ЕС выглядят достаточно очевидными на фоне того, что Брюссель «пляшет под дудку» Соединенных Штатов Америки и выражает явную антикитайскую позицию. На этом фоне Пекин под руководством председателя Си Цзиньпина будет и дальше отстаивать свои национальные интересы, оставаясь преданным идее партнерства и взаимовыгодного сотрудничества с союзниками.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать выводы о том, что современный этап международных отношений во многом характеризуется стремительной трансформацией межгосударственных контактов и усилением роли публичной информации в принятии политических решений. В этих условиях имидж государства становится стратегическим ресурсом, от которого напрямую зависят его политический вес, экономическое благополучие и способность эффективно реализовывать национальные интересы как внутри страны, так и за ее пределами на мировой арене.

Имидж государства формируется под влиянием целого комплекса факторов: географических, культурно-исторических, хозяйственных и тд. Несмотря на существование огромного множества научных подходов к анализу политического имиджа, все они сходятся на том, что поддержание позитивного образа государства – это не только вопрос престижа, но и важнейшая задача для обеспечения стабильности, доверия граждан и успешного взаимодействия с другими странами.

Ярким примером целенаправленной имиджевой политики является Китай, который на протяжении долгого времени последовательно выстраивал образ ответственной мировой державы, способной предложить альтернативную модель глобального развития. Исторически имидж Китая формировался под влиянием как внутренних преобразования – от эпохи первого императора Китая Шихуанди до современного курса Си Цзиньпина, – так и активной внешнеполитической стратегии, которая включает участие в международных организациях, продвижение концепции «сообщества единой судьбы человечества», развитие сотрудничества в рамках неформальных объединений типа БРИКС и тд.

В результате Китай сумел не только укрепить свой внутренний имидж, обеспечив стабильность и поддержку населения, но и занять лидирующие позиции на мировой арене, что подтверждается растущим экономическим и

политическим влиянием. Опыт КНР демонстрирует, что успешное конструирование и продвижение позитивного имиджа государства – это сложный, многоуровневый процесс, требующий учета исторических традиций, культурных особенностей и современных вызовов глобализации.

Список источников и литературы:

1. Зуенко И. Ю. Китай в эпоху Си Цзиньпина / И. Ю. Зуенко. – М. : Эксмо, 2024. – 288 с.
2. Пименова О. Ю. Основные подходы к комплексному проектированию политического имиджа государства / О. Ю. Пименова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2013. – № 2. – С. 119–127.
3. Соловьев А. И. Политические коммуникации : учеб. пособие для студентов вузов / А. И. Соловьев [и др.] ; под ред. А. И. Соловьева. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 332 с.
4. Сампиев И. М. Имиджевая политика в глобальном мире / И. М. Сампиев // Современная наука и инновации. – 2015. – № 2. – С. 162–166.
5. Котлер Ф. Маркетинг мест / Ф. Котлер. – СПб. : Стокгольмская школа экономики, 2021. – 390 с.
6. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов / Д. Н. Замятин. – СПб. : Алетейя, 2003. – 331 с.
7. Лю Сяо, Лю Чжаои. Становление дипломатии Китая и его особенности / Лю Сяо, Лю Чжаои // Социально-политические науки. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 155–162.
8. Достанко Е. А., Малевич Ю. И. Внешняя политика Китая при Мао Цзэдуне – «Стратегия вступления в союзы» / Е. А. Достанко, Ю. И. Малевич // Материалы международного круглого стола, посвящ. 75-летию д-ра полит. наук, проф., заслуж. работника образования Респ. Беларусь С. В. Решетникова, Минск, 27 июня 2024 г. – Минск : БГУ, 2024. – С. 141–148.
9. Вэнь Цзябао. Подъем Китая не представляет угрозы // Информационное агентство Жэньминьван. – 2004. – URL: <https://news.sina.com.cn/c/2004-03-14/17453022176.shtml> (дата обращения: 02.04.2026).
10. Су Чанхэ. Изучая новую китайскую внешнюю политику: многосторонние международные институты и новое китайское мышление в дипломатии / Су Чанхэ // Мировая экономика и политика. – 2005. – № 4. – С. 11–16.
11. Денисов И. Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство / И. Е. Денисов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – № 10 (5). – С. 83–98.
12. Boulding K. The Image. Knowledge in Life and Society / K. Boulding. – MI : University of Michigan Press, 1956. – 175 p.

REFERENCES

1. Zuenko I.U. (2024). *China in the Era of Xi Jinping*. Moscow: Exmo. 288 p. (In Russian).
2. Pimenova O.Yu. (2013). *Main approaches to the complex design of the political image of the state*. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov = RUDN Journal of Political Science. 2, 119 – 127. (In Russian).
3. Solov'ev A.I. (2004). *Political communications: a textbook for university students* In: A.I., Solov'ev (eds.) Moscow: Aspekt Press. 332 p. (In Russian).
4. Sampiev I.M. (2015). *Image policy in the global world*. Sovremennaya nauka i innovacii = Modern Science and Innovations. 2, 162 – 166. (In Russian).
5. Kotler P. (2021). *Marketing Places Europe*. Stockholm School of Economics in Saint Petersburg. 390 p. (In Russian).
6. Zamyatin D.N. (2003). *Humanitarian geography: space and language of geographical images*. Saint Petersburg: Alethea. 331 p. (In Russian).
7. Lyu Syao, Lyu Chzhaoi. (2023). *The Formation of China's diplomacy and its features*. Social'no-politicheskie nauki = Sociopolitical Science. Vol. 13. 1, 155 – 162. (In Russian).
8. Dostanko E.A., Malevich Yu.I. (2024). China's foreign policy under Mao Zedong – “The strategy of entry into alliances” In: Political science as a vocation and profession: Proceedings of the International round table dedicated to the 75th anniversary of Doctor of Political Sciences, Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus S.V. Reshetnikov, 27 June 2024, Minsk, Belarus. Minsk: Belarusian State University. pp. 141 – 148. (In Russian).
9. Vehn' Czyabao. (2004). China's rise poses no threat. *Informacionnoe agentstvo Zhehn'min'van = Renmingwang*. Retrieved from: <https://news.sina.com.cn/c/2004-03-14/17453022176.shtml> (date of application: 02.04.2026). (In Russian).
10. Su Chanheh. (2005). *By studying the new Chinese foreign policy: the multilateral international institutions and a new way of thinking in Chinese diplomacy*. Mirovaya ehkonomika i politika = World Economy and Politics. 4, 11 – 16. (In Russian).
11. Denisov I.E. (2017). *Chinese foreign policy under Xi Jinping: Continuity and innovation*. Kontury global'nyh transformacij: politika, ehkonomika, pravo = Outlines of global transformations: politics, economics, law. 10 (5), 83 – 98. (In Russian).
12. Boulding K. (1956). *The Image. Knowledge in Life and Society*. MI: University of Michigan Press. 175 p.

Данные авторов статьи

Медовкина Лина Юрьевна	Medovkina Lina Yurievna
Куканова Мария Александровна	Kukanova Maria Alexandrovna

УДК 327(477)

DOI: 10.5281/zenodo.20693426

EDN: BRBJGS

О.В. Онопко

кандидат политических наук, старший научный сотрудник

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: o.onopko@donnu.ru

**ПРЕОДОЛЕВАЯ «ТУМАН ВОЙНЫ». АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИССЛЕДОВАНИЙ ЭКСПЕРТНОГО ФАКТОРА ВО ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКЕ УКРАИНЫ**

Аннотация

В статье определяются и анализируются основные теоретико-методологические и практические проблемы изучения влияния экспертов на внешнюю политику Украины. Предлагаются меры по их решению, в частности, применение комплексного исследовательского подхода, основанного на синтезе теорий критической геополитики, «эпистемных сообществ» и секьюритизации, а также современных методов анализа экспертных текстов, мониторинга информационного поля, политического профилирования и др. Делается вывод о стратегической значимости преодоления кризиса в исследованиях украинской внешнеполитической экспертизы для обеспечения национальной безопасности России.

Ключевые слова: *внешняя политика Украины, внешнеполитическая экспертиза, национальная безопасности России.*

Summary

The article identifies and analyzes the main theoretical, methodological, and practical problems in studying the influence of experts on Ukraine's foreign policy. Measures to address these problems are proposed, specifically the application of a comprehensive research approach based on a synthesis of theories from critical geopolitics, "epistemic communities," and securitization, as well as the use of modern methods for analyzing expert texts, monitoring the information field, political profiling, and others. The conclusion underscores the strategic importance of overcoming the crisis in research on Ukrainian foreign policy expertise for ensuring Russia's national security.

Keywords: *Ukraine's foreign policy, foreign policy experts, Russia's national security.*

Независимо от исхода текущего вооружённого конфликта на Украине в исторической перспективе это государство будет оставаться источником множества военных, политических и гибридных угроз для национальной

безопасности России. В этих условиях приобретает актуальность полное и максимально объективное понимание глубинных основ, мотивов и интенций, определяющих украинскую внешнюю политику. Его может дать анализ взглядов и деятельности отдельных экспертов, аналитических центров, исследовательских институтов и экспертных сообществ Украины, которые формируют геополитические представления о России и транслируют их органам государственной власти и лицам, принимающим внешнеполитические решения. Именно экспертные структуры вносят значительный вклад в институционализацию образа России как якобы агрессивного и иррационально действующего актора международных отношений, что предопределяет антироссийский характер внешнеполитической стратегии Украины.

Изучение экспертного фактора во внешней политике важно для реконструкции логики принятия украинскими властями внешнеполитических решений, а также позволяет глубже понять причины устойчивости антироссийского курса украинского государства, предвидеть потенциальные траектории его дальнейшего развития, включая угрозы эскалации военных и гибридных конфликтов.

Исходя из этого, исследования внешнеполитической экспертизы Украины становятся необходимым элементом обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: без понимания того, какие именно экспертные установки и геополитические представления закладываются в основу украинской внешней политики, невозможно адекватно выстраивать стратегию противодействия и предвидеть новые вызовы с украинской стороны.

Вместе с тем в настоящее время у российских исследователей внешней политики Украины нет полного доступа к существующей публичной информации о деятельности украинской внешнеполитической экспертизы. Идущий с 2022 г. полномасштабный вооружённый конфликт еще в большей степени, чем гибридное противостояние 2014–2021 гг., ограничил возможности получать эмпирический материал: практически полностью прервались научные и личные контакты даже с относительно лояльными России украинскими учёными и экспертами (и хотя часть последних выехала в наше государство, они скорее заняты псевдоэкспертизой [1, с. 138], а потому их оценки внешней политики своей страны не представляют особой ценности); взаимные блокировки интернет-ресурсов ограничивают доступ к отчётным документам, научным и аналитическим продуктам украинской внешнеполитической экспертизы; значительная часть сведений о деятельности экспертных структур, обслуживающих государственные органы Украины, оказалась засекреченной. Фактически возникла ситуация, которую можно метафорически описать как «туман войны» – обусловленное конфликтом состояние фундаментальной неопределенности, недоступности и неполноты информации об украинской внешнеполитической экспертизе, ее геополитической картине мира [2], намерениях, возможностях, реальных действиях, а также вовлечённости её представителей в процесс выработки, принятия и реализации внешнеполитических решений на Украине.

В современной мировой и российской политической науке украинская внешнеполитическая экспертиза чрезвычайно мало исследована. Так, среди отечественных авторов отдельных аспектов данной проблемы касались А.В. Баранов, К.П. Курылев, И.Ф. Селиванова и др. Среди зарубежных, в т.ч. и украинских, – В. Аксёнова, С. Внучко, О. Глоба, А. Карбоу, О. Кюдель, Дж. МакГэнн, П. Миненкова, Ю.-А. Никорович, Е. Обринская, И. Петренко, Н. Ржевская, В. Рубанов Ф. Шоппнер, О. Шумыло-Тапиола и др. Их работы затрагивают широкий спектр вопросов в сфере экспертно-аналитического и научного сопровождения украинской внешней политики, но при этом, к сожалению, не касаются особенностей его изучения.

Принимая во внимание все вышесказанное, автор преследовал цель определить круг, а также предложить основные пути решения ключевых теоретико-методологических и практических проблем, препятствующих исследованиям влияния экспертного фактора на внешнюю политику Украины.

Во-первых, такой проблемой является отсутствие значимого научного задела. На сегодняшний день ни в самой украинской, ни тем более в российской и западной политологии нет исследований, в которых украинская внешнеполитическая экспертиза и в целом научно-аналитическое обеспечение внешней политики Украины являлись бы самостоятельным объектом научного исследования. Основное внимание учёных сосредоточено на проблемах, с которыми сталкиваются все украинские аналитические центры, а не конкретно те, что занимаются вопросами внешней политики и международных отношений. За исключением отдельных работ, например В. Аксёновой [3] и К.П. Курылева [4], последние часто рассматриваются очень поверхностно, без серьёзной теоретизации и эмпирической обоснованности. Еще более обращает на себя внимание тот факт, что украинские работы по проблемам внешнеполитической экспертизы часто оторваны от реалий внешней политики Украины, а сами учёные редко опираются на глубокие теоретические наработки, подменяя аналитикой научные исследования. Все это в совокупности приводит к тому, что новые попытки политологического изучения особенной украинской внешнеполитической экспертизы обречены сталкиваться с практически неразработанной ранее темой, что вызывает известные трудности.

Во-вторых, в настоящее время отсутствует теоретико-методологический подход, который уже был бы апробирован на украинском контексте и доказал свою эффективность. Сохраняется теоретическая неопределенность роли экспертов и экспертных структур в украинской внешней политике, неясность механизмов их влияния на неё. В политической науке недостаточно изучено, как именно экспертные оценки трансформируются в политические решения (через лоббирование, медиа, прямое участие экспертов во власти или какие-либо другие формы активности). Кроме того, в существующих исследованиях украинской внешнеполитической экспертизы не теоретизирована проблема «двойной роли» экспертов: многие из них одновременно являются политическими активистами, чиновниками или дипломатами, что усложняет анализ их деятельности. Также в современных работах, затрагивающих вопросы внешнеполитической

экспертизы Украины, фрагментарно используются заимствованные (преимущественно западные) теоретические модели, которые не всегда применимы к украинскому контексту. Основной массив работ фактически основывается на институциональном подходе, при этом апеллирование к какой-либо конкретной теории в научных работах часто отсутствует даже на уровне деклараций. Кроме того, ощутимо заметен недостаток локальных теоретических моделей, учитывающих специфику аналитических центров Украины как экспертных структур «пограничного государства» между ЕС и НАТО с одной стороны и Россией с другой. Основное внимание уделяется прозападным экспертам и организациям даже в те времена, когда в украинском политическом поле были также представлены и условно «пророссийские».

В-третьих, при исследованиях украинской внешнеполитической экспертизы важной является проблема субъективности и политического этноцентризма. После свержения президента В. Януковича и прихода к власти на Украине прозападных националистических сил в 2014 г. страна вошла в перманентный глубокий политический кризис, а общество столкнулось с не имевшим места ранее уровнем поляризации. Конфликт между русскокультурной, пророссийской его частью и украинокультурной, прозападной, война на Донбассе, а в последствии и специальная военная операция – всё это обусловило чрезвычайно идеологизированное и мифологизированное, субъективное и чувственно-эмоциональное восприятие Украины в политической науке как в самой стране, так и за её пределами. Украинские исследования собственной внешнеполитической экспертизы, в т.ч. и проведённые аналитическими центрами, являются заложниками конфликта нарративов, обусловленного прозападным и пророссийскими (до 2014 г.), националистическим и леволиберальным подходами, что влияет на объективность научного анализа. Кроме того, на научных оценках может сказываться влияние олигархических групп и доноров: многие экспертные структуры аффилированы с политическими силами или финансируются иностранными фондами, что ставит под вопрос их независимость при оценке деятельности коллег, связанных с конкурирующими силами. Также значимым принципом оценки происходящих на Украине политических процессов стал политический этноцентризм – «механизм этнического восприятия, заключающийся в склонности оценивать любые явления политической сферы сквозь призму традиций, норм, устоев, правил поведения своей этнической общности, и выражающийся в применении своей политической воли для организации государственной власти на основе национального самосознания» [5]. Основываясь на нем, украинские и западные политологи склонны идеализировать положение дел в украинской внешнеполитической экспертизе, в то время как российские, наоборот, настроены преимущественно излишне критически и даже пренебрежительно. И то и другое мешает объективному научному анализу. А в случае с российскими исследованиями ещё и ведёт к недооценке научного и экспертно-аналитического потенциала противника. В

настоящей работе автор принимает во внимание риск этноцентричного рассмотрения предмета исследования и будет стремиться его минимизировать.

В-четвертых, проблема доступа к данным. Закрытость части государственных решений, ограниченность архивов и недостаток эмпирических данных затрудняют изучение влияния экспертов и экспертных структур на внешнюю политику Украины. Кроме того, работа отдельных государственных научно-исследовательских организаций и их подразделений, занимающихся ключевыми направлениями украинской внешней политики, носит полностью закрытый характер. Например, с 2015 г. в составе Национального института стратегических исследований, обслуживающего президента Украины и Совет национальной безопасности и обороны, функционирует Центр исследований проблем Российской Федерации [6], публичной информации о деятельности которого практически нет. Также по очевидным причинам отсутствуют значимые сведения о деятельности экспертно-аналитических подразделений органов государственной власти Украины, таких как Офис президента, Министерство иностранных дел, Министерство обороны, Служба безопасности и др. Вполне закономерно, что с началом полномасштабного вооружённого конфликта между Россией и Украиной в 2022 г. секретность их работы только возросла.

В-пятых, проблема избыточной фокусировки на вопросах обороны и безопасности, а также на периоде после 2022 г. при изучении украинской внешнеполитической экспертизы. Вполне закономерно, что именно эти аспекты являются наиболее актуальными в текущих условиях, когда исход и сроки окончания специальной военной операции на Украине непонятны, но игнорирование более широкого исторического контекста развития украинских экспертных структур, а также других направлений их экспертно-аналитической и научно-исследовательской работы может дать искажённое представление об идеологических и идейно-теоретических установках, политических ценностях и мотивах, которыми они руководствуются, консультируя государственные органы и продвигая свою повестку во внешней политике страны. В этом ключе важно уделять внимание особенностям эволюции внешнеполитической экспертизы Украины, тем вызовам и проблемам, с которыми она сталкивалась с момента возникновения украинского государства на политической карте мира. Кроме того, заслуживают внимания работы украинских экспертов-международников по вопросам мировой экономики, дипломатии, мягкой силы Украины, её цивилизационного выбора, европейской и евроатлантической интеграции, исследования которых могут дать более глубокое понимание её образа действий в международной среде.

В конце концов значительной проблемой при исследовании внешнеполитической экспертизы Украины является высокая динамичность внутривнутриполитического контекста, в котором государство существует. Он меняется фактически после каждого президентских выборов. С одной стороны, победитель выборов старается сформировать комфортный для себя пул обслуживающих его администрацию экспертов, часто кооптируя их из

некоммерческого и частного секторов в государственный. С другой стороны, сотрудники государственных институтов внешнеполитической экспертизы, чьи взгляды расходятся с новым режимом, уходят в неправительственные структуры, аффилированные с оппозицией. Кроме того, появление в политическом поле Украины новых действующих лиц практически всегда влечёт за собой стремительное создание обеспечивающих их работу аналитических центров. В этих условиях стремительно меняется организационная структура украинской внешнеполитической экспертизы, что осложняет её изучение.

Несмотря на всю сложность и многомерность обозначенных проблем, их признание само по себе уже является первым и необходимым шагом к их преодолению. Констатация отсутствия теоретико-методологического фундамента, наличия искажений восприятия и дефицита эмпирических данных задаёт чёткие координаты для дальнейшей исследовательской работы. Исходя из этого, важной задачей современной российской политической науки в той её части, которая фокусируется на Украине, становится не просто фиксация этих препятствий, а системный поиск и разработка адекватных мер, принятие которых позволило бы эффективно вести исследования в текущих условиях.

Одной из таких мер может быть использование оригинальной специализированной теоретической рамки (подхода) для преодоления теоретико-методологического кризиса в изучении украинской внешнеполитической экспертизы. Необходим синтез теорий, позволяющий анализировать не только структуру украинского экспертного сообщества, занимающегося вопросами внешней политики и международных отношений, но и сущностное содержание его работы: процесс производства смыслов, угроз и внешнеполитических решений. Наиболее адекватную основу для такой интегративной рамки могут образовать три взаимодополняющих теории: критическая геополитика (Дж. О'Тоал [7]), теория «эпистемных сообществ» (П. Хаас [8]) и теория секьюритизации (Б. Бузан и О. Уэвер [9]). Их комбинация позволяет реконструировать полный цикл превращения экспертного знания во внешнеполитическое действие, рассматривая экспертов и экспертные структуры не как чьих-либо агентов или независимых, но вспомогательных действующих лиц политики, а как активных конструкторов геополитической реальности. Здесь первый, фундаментальный уровень анализа задает именно критическая геополитика. С ее позиций экспертное сообщество рассматривается как сеть «привилегированных рассказчиков» [10], чья ключевая функция – производство и легитимация определённых геополитических нарративов о месте Украины в мире, ее внешней и внутренней политике, планируемых действиях в будущем. Через продукты внешнеполитической экспертизы (аналитические записки, доклады, отчеты, статьи, экспертные комментарии, научные работы и др.) они конструируют ответы на центральные вопросы украинской внешней политики: где проходят цивилизационные границы страны, является ли она буфером, барьером, щитом или мостом, каково ее историческое геополитическое предназначение. Именно здесь формируются базовые оппозиции «Европа vs. Русский мир», «суверенное государство vs. объект влияния», «региональная

держава vs. рядовая страна» и др. Этот подход позволяет вскрыть мифологическую и геополитическую дискурсивную основу, на которой строятся экспертные оценки. При этом сами по себе геополитические нарративы не обладают политической силой. Поэтому второй компонент синтеза – теория «эпистемных сообществ», которая объясняет, как эти представления обретают авторитет и каналы влияния.

Согласно П. Хаасу, власть экспертов проистекает из их признанной компетенции и способности формировать сети профессионалов, разделяющих общие убеждения [8]. В этом плане украинская внешнеполитическая экспертиза представляет собой политическую сеть экспертов и экспертных структур, занимающихся вопросами внешней политики Украины и международных отношений, объединённых общими геополитическими представлениями о них, идеологическими принципами, ценностными установками и др. Такое сообщество функционирует как коллективный носитель специфического, профессионально верифицированного знания. Его влияние на процесс выработки, принятия и реализации внешнеполитических решений зависит не столько от формальных полномочий экспертов или организаций, сколько от их способности формулировать интерсубъективные геополитические и идеологические смыслы, определять контуры международно- и внешнеполитических проблем, задавать тон действий властей и предлагать им легитимные, с точки зрения научной рациональности, варианты политики. Третий, решающий элемент предлагаемой теоретической рамки – это теория секьюритизации. Она показывает, как геополитические представления украинских экспертов и экспертных структур, транслируемые ими геополитические нарративы, подкреплённые экспертным авторитетом, трансформируются в конкретную политику, часто чрезвычайного характера. Секьюритизация представляет собой речевой акт [11], в ходе которого эксперты объявляют определённые объекты угрозами национальной безопасности Украины, что легитимирует применение к ним исключительных внешнеполитических мер (дипломатических, гибридных, военных). Украинские эксперты, будучи членами «эпистемного сообщества» в области международных отношений, выступают ключевыми агентами секьюритизации. Они секьюритизируют образ России, рассматривают ее как экзистенциальную угрозу Украине, создают и транслируют геополитические нарративы, легитимирующие такие шаги, как отказ от внеблокового статуса, курс на ускоренное вступление в НАТО, милитаризацию, государственный терроризм против России, принятие новых жестких законов в сфере обороны и безопасности.

Предложенная синтетическая теоретическая рамка выстраивает четкую исследовательскую логику, согласно которой внешнеполитическая экспертиза, используя свой профессиональный авторитет, производит и внедряет в публичное и административное поле специфические геополитические нарративы, чтобы обосновать и легитимировать практики секьюритизации образа России, что в конечном итоге предопределяет неизменный стратегический вектор антироссийский внешней политики Украины.

Такой теоретико-методологический подход к украинской внешнеполитической экспертизе предполагает использование соответствующих исследовательских методов, наиболее перспективными из которых представляются следующие:

– методы изучения экспертных текстов, в частности, политико-лингвистический анализ, политико-семантический анализ, политико-метафорологический анализ, политический дискурс-анализ, жанровый анализ и др. Данные качественно-количественные методы направлены на выявление специфики политической [12] (и – уже – геополитической) картины мира внешнеполитических экспертов, дополнительной информации о них, их мотивах и ценностях; установлении признаков внешнеполитической псевдоэкспертизы, проявлений манипуляций общественным мнением. Объектами изучения выступают как отдельные тексты – продукты внешнеполитической экспертизы (комментарии в СМИ, посты в соцсетях, телеграм-каналах и микроблогах, расшифровки аудио- и видеовыступлений, аналитические записки и доклады, научные статьи и монографии и пр.), так и текстовые массивы, если стоит задача выявления каких-либо устойчивых тенденций, закономерностей в экспертном геополитическом дискурсе. Существует большое количество вариантов различных методов и методик, применимых в исследованиях экспертных текстов. Одной из последних в российской науке является предложенная в 2020 г. оригинальная методика Д. Борозенец, которая направлена на выявление базовых концептов политической картины мира внешнеполитических экспертов [13];

– мониторинговые методики оценки публичности экспертов, направленные на установление специфики их представленности в информационном поле, в частности в электронных и печатных СМИ, социальных сетях, телеграм-каналах и микроблогах, теле- и радиоэфирах. В настоящее время данные методики компьютеризированы и представляют собой программное обеспечение, в основе которого часто лежат нейросети. В России в прикладных политических исследованиях используются преимущественно программы «ПрессИндекс», «Медиалогия», «Brand Analytics», «SemanticForce», «Youscan» и др. Несмотря на то что мониторинговые системы крайне удобны в применении, ни одна из них не способна безошибочно определять тональность текстов, поэтому часто эту задачу приходится выполнять оператору-исследователю, но и у него это также может вызывать сложности (особенно в случае с сарказмом, самолюбованием, смешанными чувствами и пр.). Главная цель проведения мониторинга упоминаемости внешнеполитических экспертов и экспертных структур заключается в определении тех из них, кто может быть использован в псевдоэкспертизе – для формирования общественного мнения различным международно-политическим вопросам и, в частности, их секьюритизации. Как правило, на основании результатов мониторинга создаются рейтинги цитирования экспертов. Такие, например, есть у Центра политической конъюнктуры [14] и Украинского института политики [15]. Как отмечают составители «Атласа российских фабрик мысли» (2018 г.), «в российской

практике предпринимались попытки составить рейтинг аналитических центров, но главным уязвимым звеном оставались методологические вопросы: при оценке центров за основу бралась медийная известность центра, в то время как качественные параметры не учитывались» [16, с. 11];

– политическое профилирование (профайлинг) – обобщённое наименование методик прикладного политического анализа, направленных на выявление типичных моделей поведения акторов политики (людей, групп, институтов), обусловленных их идентичностями, а также социокультурными и политико-психологическими особенностями. Что касается исследований внешнеполитической экспертизы, то главной целью применения профилирования здесь является прогнозирование наиболее вероятных, типичных рекомендаций экспертов государственным органам или иным действующим лицам процесса выработки, принятия и реализации внешнеполитических решений, основанное на изучении их профилей. Последние представляют собой систематизированные сведения о биографических, аксиологических, дискурсивных, психологических, идеологических, этноконфессиональных и др. особенностях личностей экспертов. Кроме того, профилирование может быть применено для определения каналов и методов воздействия на экспертов, установления стимулов и мотиваций, необходимых для принуждения или побуждения их к сотрудничеству с какими-либо акторами политики;

– экспертные методы направлены на оценку квалификации или влияния на политические процессы одних экспертов и экспертных структур другими. Методы данной группы чрезвычайно распространены в прикладных исследованиях внешнеполитической экспертизы. Наиболее яркий пример применения экспертных оценок – ежегодные рейтинги аналитических центров от Пенсильванского университета Global Go To Think Tank Index, выходившие в 2008–2021 гг. Их автор Дж. МакГэнн так описывал процедуру исследования: «К участию были приглашены 44 992 журналиста, политика, государственных и частных спонсора, а также специалистов по функциональным и региональным вопросам из рассылки TTCSP, и 3 974 человека полностью или частично завершили опросы по номинациям и ранжированию. Наконец, группу коллег и экспертов просили помочь оценить и проанализировать [центры]» [17]. Несмотря на то, что у экспертных методов изучения внешнеполитической экспертизы есть целый спектр недостатков [18], только они способны на сегодняшний день давать сколь либо адекватные оценки её реальному влиянию на политические процессы.

Помимо вышеуказанных, в прикладных политических исследованиях украинской внешнеполитической экспертизы для преодоления «тумана войны» могут быть использованы и другие методы (ивент-анализ, моделирование, OSINT и др.), но в силу различных причин (особенно из-за сложности и часто высокой стоимости программного обеспечения) они менее доступны широкому кругу исследователей, что тем не менее не отменяет их эффективности. Кроме того, методы изучения текстов, мониторинг информационных источников и

профилирование органично сочетаются с актуальными тенденциями в развитии теории и методологии современной международно-политической науки, в частности с ростом популярности критической геополитики, дискурсивных подходов и различных теорий политической коммуникации. Это позволяет считать их наиболее перспективными в плане как решения прикладных задач, в т.ч. изучения украинской или иной зарубежной внешнеполитической экспертизы, так и проведения фундаментальных исследований.

Для своевременного выявления и понимания долгосрочных угроз, обусловленных влиянием экспертного фактора на внешнюю политику Украины, требуется приложить системные усилия по изменению самой организации исследовательского процесса. Во-первых, ключевое значение приобретает создание профильной централизованной цифровой инфраструктуры – специализированных архивов и баз данных, обеспечивающих долгосрочную сохранность и доступность эмпирического материала для научного сообщества. Это особенно важно в условиях, когда количество заблокированных открытых источников информации как с украинской, так с российской стороны неуклонно растёт. Во-вторых, необходимо сместить акцент с анализа содержания экспертных высказываний на анализ самого поля внешнеполитической экспертизы: его экономики, социальных связей, образовательных и карьерных траекторий агентов. Хотя это и является чрезвычайно сложной задачей, но её решение позволит понять не только «что» говорится, но и «кем», «почему» и «за чей счёт». В-третьих, требуется преодоление замкнутости политологического взгляда через формирование междисциплинарных коллективов, особенно с участием лингвистов, социологов, историков, специалистов по цифровым методам, что способно дать многомерную и более объективную картину. Наконец, стратегическая переориентация на изучение долгосрочной эволюции экспертных геополитических нарративов и проведение компаративных исследований позволят выйти за рамки сиюминутного геополитического контекста специальной военной операции и увидеть устойчивые тренды в тех рекомендациях, которые украинская внешнеполитическая экспертиза предоставляет властям страны на протяжении многих лет. Только такой комплексный подход, сочетающий меры теоретической, методологической, инфраструктурной и организационной сферах исследований, способен превратить изучение украинской внешнеполитической экспертизы из области умозрительных оценок в строгое научно-аналитическое направление, отвечающее запросам национальной безопасности России.

Проведённый анализ позволил выявить и систематизировать комплекс взаимосвязанных теоретико-методологических и организационно-практических проблем, которые формируют «туман войны» вокруг исследований экспертного фактора во внешней политике Украины в условиях идущего в настоящее время полномасштабного вооружённого конфликта с Россией. К их числу относятся: отсутствие развитого предметного поля и глубокого научного задела; теоретическая неопределённость относительно роли экспертов и механизмов их влияния; доминирование субъективности и политического этноцентризма;

критический дефицит эмпирических данных на фоне усиления режима секретности; избыточная фокусировка на текущих вопросах безопасности в ущерб историческому и тематическому контексту; наконец, высокая динамика и изменчивость внутривластной среды, в которой существует и трансформируется украинская внешнеполитическая экспертиза.

Преодоление этого исследовательского кризиса является не сугубо академической, но стратегической организационно-управленческой задачей для обеспечения национальной безопасности России. Без адекватного понимания идеологических оснований, геополитических представлений и нарративов, а также институциональных каналов, формирующих и легитимирующих антироссийский курс украинского государства, невозможно выработать эффективные долгосрочные стратегии прогнозирования, противодействия и управления угрозам, идущим с его стороны.

В качестве конструктивного пути предлагается переход от констатации проблем к комплексной программе исследований, основанной на трёх взаимосвязанных компонентах: разработке специализированной теоретической рамки, адаптации и внедрении инновационного методологического инструментария, эффективного в условиях информационной закрытости, создании соответствующей организационной и инфраструктурной среды. Дальнейшее изучение украинской внешнеполитической экспертизы требует от российского научного и экспертно-аналитического сообщества признания существующих барьеров и готовности к системным инновациям. А разработка целостной исследовательской программы позволит рассеять «туман войны» и откроет новые возможности для перехода от реактивного анализа к проактивному моделированию траекторий украинской внешней политики.

Список источников и литературы:

1. Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии / М.А. Хрусталёв. – М. : НОФМО, 2008. – 232 с.
2. Колосов В.А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России / В.А. Колосов // Политическая наука. – 2011. – № 4: Региональное измерение политического процесса. – С. 31–52.
3. Axyonova V. Ukrainian think tanks in the post-Euromaidan period: exploring the field. Civil society in post-Euromaidan Ukraine: From revolution to consolidation / V. Axyonova, F. Schöppner. – 2018. – P. 215–240.
4. Курылев К.П. Экспертно-аналитические центры на Украине: характер и особенности / К.П. Курылев, К.В. Гаврикова, Е.А. Пospelova // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2015. – Т. 15, № 3. – С. 99–109.
5. Дубравский П.В. Политический этноцентризм: теоретические основы и реализация на практике / П.В. Дубравский // Youth World Politic. – 2014. – № 3. – С. 92–98.

6. Указ Президента України від 21.10.2015 №605/2015 «Про Центр досліджень проблем Російської Федерації». – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/605/2015#Text>
7. Tuathail G.Ó., Agnew J. Geopolitics and discourse / G.Ó. Tuathail, J. Agnew // *Political Geography*. – 1992 – 11(2). – P. 190–204.
8. Haas P.M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination / P.M. Haas // *International Organization*. – 1992. – 46(1). – P. 1–35.
9. Buzan B.G. Security: A New Framework for Analysis / B.G. Buzan, O. Wæver, J.H. de Wilde. – London, Boulder, CO : Lynne Rienner, 1998. – 247 p.
10. Dodds K.-J. (1993) Geopolitics, Experts and the Making of Foreign Policy / K.-J. Dodds // *Area*. – 1993. – 25(1), pp. 70–74.
11. Гайдаев О.С. Теория секьюритизации, или хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории / О.С. Гайдаев // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. – 2021. – Т. 21, № 1. – С. 20-32. – DOI 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32.
12. Самаркина И.В. Политическая картина мира: опыт концептуализации и интерпретации / И.В. Самаркина // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. – 2013. – №3 (23). – С. 117–127.
13. Борозенец Д.И. Контент-анализ политического текста как метод определения базовых концептов политической картины мира эксперта-политолога (на примере высказываний И.М. Апаршина) / Д.И. Борозенец // *Парадигмы истории и общественного развития*. – 2020. – № 19. – С. 62–67.
14. Политические эксперты в Telegram. Рейтинг влияния авторов на повестку и качество контента // Центр политической конъюнктуры. – URL: <https://cpkr.ru/issledovaniya/telegram/politicheskie-eksperty-v-telegram/>
15. Обзор цитирования в СМИ среди политических экспертов в феврале 2023 г. // Украинский институт политики. – URL: <https://uiamp.org/index.php/isled/obzor-citirovaniya-v-smi-sredi-politicheskikh-ekspertov-v-fevrале-2023-g>.
16. Атлас российских «фабрик мысли». – М. : Центр изучения кризисного общества, 2018. – 48 с.
17. McGann J.G. Global Go To Think Tank Index Report / J.G. McGann / TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports. – 2020. – URL: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=think_tanks
18. Андреев С. Рейтинг фабрик мысли: проблемы методологии / С. Андреев // *Российский совет по международным делам*. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rejting-fabrik-mysli-problemy-metodologii/>.

REFERENCES

1. Khrustalyov M.A. (2008). *Analysis of international situations and political expertise: essays on theory and methodology*. Moscow: Scientific and Educational Forum on International Relations. (In Russian).
2. Kolosov, V.A. (2011) [Critical geopolitics: foundations of the concept and experience of its application in Russia]. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 4 (Regional dimension of the political process), 31–52. (In Russian).
3. Axyonova, V. & Schöppner, F. (2018) Ukrainian think tanks in the post-Euromaidan period: exploring the field. In: *Civil society in post-Euromaidan Ukraine: From revolution to consolidation*, pp. 215–240.
4. Kurylev, K.P., Gavrikova, K.V. & Pospelova, E.A. (2015) [Expert-analytical centers in Ukraine: nature and features]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. 15 (3), 99–109. (In Russian).
5. Dubravsky, P.V. (2014) [Political ethnocentrism: theoretical foundations and implementation in practice]. *Youth World Politic*. 3, 92–98. (In Russian).
6. President of Ukraine (2015) Decree No. 605/2015 ‘On the Center for Studies of the Russian Federation’. Retrieved from: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/605/2015#Text> (In Ukrainian).
7. Tuathail, G.Ó. & Agnew, J. (1992) Geopolitics and discourse. *Political Geography*. 11 (2), 190–204.
8. Haas, P.M. (1992) Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination. *International Organization*. 46 (1), 1–35.
9. Buzan, B.G., Wæver, O. & de Wilde, J.H. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. London, Boulder, CO: Lynne Rienner.
10. Dodds, K.-J. (1993) Geopolitics, Experts and the Making of Foreign Policy. *Area*. 25 (1), 70–74.
11. Gaidayev, O.S. (2021) [Securitization theory, or Old well-forgotten: on the theoretical and philosophical origins and the origin of the theory]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. 21 (1), 20–32, doi: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32. (In Russian).
12. Samarkina, I.V. (2013) [Political world view: experience of conceptualization and interpretation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3 (23), 117–127. (In Russian).
13. Boroznets, D.I. (2020) [Content analysis of political text as a method for determining basic concepts of political expert’s world view (on the example of I.M. Aparshin’s statements)]. *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya = Paradigms of history and social development*. 19, 62–67. (In Russian).
14. Center for Political Situation (2023) Political experts in Telegram. Ranking of authors’ influence on agenda and content quality. Retrieved from: <https://cpkr.ru/issledovaniya/telegram/politicheskie-eksperty-v-telegram/> (In Russian).

15. Ukrainian Institute of Politics (2023) Media citation review among political experts in February 2023. Retrieved from: <https://uiamp.org/index.php/isled/obzor-citirovaniya-v-smi-sredi-politicheskikh-ekspertov-v-fevrale-2023-g>. (In Russian).

16. Center for the Study of a Crisis Society (2018) Atlas of Russian ‘factories of thought’. Moscow: Center for the Study of a Crisis Society. (In Russian).

17. McGann, J.G. (2020) Global Go To Think Tank Index Report. TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports. Retrieved from: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=think_tanks.

18. Andreev, S. (n.d.) [Rating of think tanks: problems of methodology]. Russian International Affairs Council. Retrieved from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rejting-fabrik-mysli-problemy-metodologii/>. (In Russian).

Данные автора статьи

Онопко Олег Владимирович	Onopko Oleg Vladimirovich

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК: 32:341.645(100):327(470+571)

DOI: 10.5281/zenodo.20693458

EDN: APQDNX

М.И. Иванов

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: korleone.ivanov@yandex.com

Е.А. Пожидаев

кандидат политических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: e.pozhidaev.79@mail.ru

К.В. Черкашин

кандидат политических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: kirill.cherkashin.80@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ ИТОГОВ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

В статье рассматриваются историческое значение Нюрнбергского трибунала как первого в истории международного военного суда над нацистскими преступниками и его влияние на формирование современного международного права. Авторы анализируют, как принципы и итоги Нюрнбергского процесса нашли отражение во внутренней политике Российской Федерации и во внешнеполитической деятельности страны. Особое внимание уделяется роли России как государства-правопреемника СССР в сохранении исторической памяти.

Ключевые слова: *Нюрнбергский процесс, противодействие нацизму, историческая память, внешняя политика Российской Федерации.*

Summary

This article examines the historical significance of the Nuremberg Tribunal as the first international military tribunal in history to try Nazi war criminals, and its influence on the development of modern international law. The authors analyze how the principles and outcomes of the Nuremberg trials have been reflected in the

domestic policy of the Russian Federation and in the country's foreign policy. Particular attention is paid to Russia's role, as the successor state to the USSR, in preserving historical memory.

Keywords: *The Nuremberg Trials, the fight against Nazism, historical memory, and the foreign policy of the Russian Federation.*

Значение Нюрнбергского трибунала (Международного военного суда) велико – как для всего мира, так и для нашей страны. Этот суд стал самым крупным международным судом в истории человечества над нацистскими преступниками. С тех пор прошло восемьдесят лет, но отголоски преступлений, осуждённых Нюрнбергским процессом, звучат и сегодня – нацизм и фашизм продолжают развиваться в различных формах. В этих условиях на Российскую Федерацию как на государство-правопреемницу СССР ложится особая ответственность: сохранение исторической правды и противодействие попыткам возрождения нацизма. Полученные результаты могут быть полезны для изучения опыта реализации принципов Нюрнбергского процесса во внутренней и внешней политике Российской Федерации на современном этапе.

Тема Нюрнбергского трибунала изучалась большим количеством исследователей. Не претендуя на всесторонний анализ историографии этого вопроса, среди отечественных работ отметим научную работу О.В. Дамаскина [1], а также исследование А.В. Савенкова [2]. Законодательная сторона вопроса подробно освещалась в работах В.С. Яковлева [3], А.Д. Алиханова [4], а также Я.Н. Ермоловича [5].

Цель данной работы состоит в выявлении особенностей отражения итогов Нюрнбергского трибунала во внутренней и внешней политике Российской Федерации. В рамках реализации цели также будут рассматриваться первопричины, ход и история Нюрнбергского процесса. Будут обозначены его ключевые принципы и отслежена их реализация во внешней и внутренней политике Российской Федерации. Будет дана итоговая оценка заинтересованности российского руководства в сохранении исторической памяти.

Нюрнбергский процесс занимает место первого и важнейшего в череде международных процессов над преступниками нацистского режима. Этот суд проходил в немецком городе Нюрнберге в период с 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года [1]. Инициаторами создания Международного военного суда выступили державы-победительницы во Второй мировой войне – СССР, США, Великобритания и Франция, – ставившие целью не только наказание конкретных лиц, но и признание преступной сущности нацистской системы.

Суд рассматривал дела высшего военного и политического руководства нацистской Германии. Подсудимые обвинялись по четырем основным пунктам: заговор с целью захвата власти, развязывание агрессивной войны, военные преступления (нарушение законов и обычаев ведения войны, уничтожение мирных городов, убийство военнопленных) и преступления против

человечности (геноцид, депортации, уничтожение гражданского населения по расовым, политическим и религиозным мотивам).

В ходе процесса было проведено 403 открытых заседания, рассмотрены тысячи документов и допрошены сотни свидетелей, в том числе выжившие узники концлагерей, а обвинение представило неопровержимые доказательства систематического уничтожения миллионов людей: около 6 миллионов евреев были убиты в ходе Холокоста, общие же потери среди мирного населения исчисляются десятками миллионов [3, с. 1126].

Главной потерпевшей стороной стал Советский Союз, на территории которого нацистские преступники учинили настоящий геноцид населения. К числу наиболее масштабных и циничных преступлений нацистов на территории СССР, доказанных в ходе Нюрнбергского процесса, относится систематическое уничтожение как мирного населения, так и военнопленных. Одним из известных эпизодов стала трагедия в белорусском городе Добруш (Гомельская область). Немецкие части, не сумев форсировать реку Ипуть, собрали население и, угрожая расстрелом за отказ, гнали впереди себя женщин, детей и стариков, используя их как живой щит во время атаки [6]. Эти и тысячи других эпизодов, подтверждённые документально и показаниями свидетелей, легли в основу обвинения в военных преступлениях и преступлениях против человечности на Нюрнбергском процессе.

1 октября 1946 года был оглашён приговор. Двенадцать подсудимых (включая одного заочно – Мартина Бормана) были приговорены к смертной казни через повешение. Среди них – один из главных идеологов рейха Герман Геринг, министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп и главнокомандующий вермахта Вильгельм Кейтель. Трое подсудимых были приговорены к пожизненному заключению, четверо – к тюремным срокам от 10 до 20 лет.

Трое были оправданы. Некоторые ключевые фигуры Третьего рейха покончили с собой, избежав международного суда [2, с. 35]. Самоубийство 30 апреля 1945 года Адольфа Гитлера, фюрера и главного идеолога нацизма, лишило трибунал главного обвиняемого. Вместе с ним в фюрербункере покончила с собой его супруга Ева Браун. Йозеф Геббельс, назначенный рейхсканцлером после смерти Гитлера, также совершил самоубийство 1 мая 1945 года. Генрих Гиммлер, один из главных архитекторов Холокоста и рейхсфюрер СС, был арестован союзниками, но 23 мая 1945 года раздавил ампулу с цианидом во время обыска. Таким образом, большинство высших руководителей нацистского режима понесли наказание (включая посмертное), либо избежали правосудия только через самоубийство.

Нюрнбергский трибунал заложил принципы, которые стали основой современного международного права. Во-первых, в 1948–1954 годах под влиянием Нюрнбергского процесса были приняты Конвенция о геноциде, четыре Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 года и Гаагская конвенция о защите культурных ценностей 1954 года. Во-вторых, благодаря активной

позиции СССР, в 1968 году была разработана Конвенция о неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности [4].

Россия относится с уважением к итогам Нюрнбергского процесса и использует их во внешней и внутренней политике. О выбранном курсе страны свидетельствует, в частности, позиция президента России Владимира Путина, изложенная в его статье от 19 июня 2020 года «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим». В ней, в частности, говорится: «Нюрнбергский трибунал дал однозначную, чёткую оценку агрессии нацистов, их человеконенавистнической идеологии. Попытки пересмотреть эти вердикты — это прежде всего издевательство над памятью миллионов жертв, предательство своих отцов и дедов, воевавших с нацизмом» [7].

В СССР под влиянием Нюрнбергского процесса в Законе «Об уголовной ответственности за воинские преступления» были закреплены составы преступлений против законов и обычаев войны (насилие над населением, дурное обращение с военнопленными и др.), которые затем воспроизводились в уголовных кодексах союзных республик. Однако ни на союзном, ни на республиканском уровне преступления против мира и безопасности человечества не были выделены в отдельную группу, что создавало правовую неопределённость при подписанных и ратифицированных СССР Женевских конвенциях [5, с. 53].

Итоги Нюрнбергского трибунала нашли глубокое и многоуровневое отражение в российском законодательстве, формируя правовую основу для защиты исторической памяти и противодействия реабилитации нацизма.

Прежде всего, в Конституции Российской Федерации закреплены фундаментальные принципы, вытекающие из послевоенного миропорядка. Статья 67.1, введенная в 2020 году, устанавливает, что Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды и не допускает умаления значения подвига народа при защите нашей Родины [8]. Эта норма создает конституционную базу для защиты итогов Нюрнбергского трибунала, которые являются неотъемлемой частью этой исторической правды.

На федеральном уровне принят ряд законодательных актов. Так, Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года включил в себя гл. 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» (разд. XII), разработанную на основе норм международного гуманитарного права. При этом прежние составы воинских преступлений против законов и обычаев войны были декриминализованы и заменены ст. 356 «Применение запрещённых средств и методов ведения войны», субъектом которой может быть любое лицо, независимо от военного статуса. Кроме того, в УК РФ 1996 года закреплены следующие нормы: ст. 353 «Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны», ст. 354 «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны» и ст. 357 «Геноцид» [9].

Из ключевых достижений Нюрнбергского процесса российское право восприняло отсутствие сроков давности для данной категории преступлений и

универсальный принцип действия уголовного закона в пространстве, тогда как обратная сила закона и ответственность юридических лиц закреплены не были.

Также стоит отметить, что Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» прямо запрещает реабилитацию нацизма [10]. В 2014 году в него была добавлена ст. 6.1, которая устанавливает административную ответственность за отрицание фактов, установленных приговором Нюрнбергского трибунала, а также за распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны. Таким образом, выводы трибунала были законодательно закреплены, а их отрицание влечёт административное наказание. Анализируя действия Российской Федерации во внутренней политике, можно заключить, что она прикладывает все усилия для недопущения возрождения нацистской идеологии в обществе.

Рассматривая внешнюю политику Российской Федерации, нельзя забывать, что внешняя политика является продолжением внутренней. Россия несёт свою роль государства-правопреемника СССР, борясь с любыми проявлениями нацизма как внутри страны, так и на внешней арене. Ключевым документом, демонстрирующим активную позицию России на этом направлении, является ежегодный доклад МИД РФ «О ситуации с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». В этом документе Россия на основе скрупулёзного мониторинга фиксирует тревожные тенденции в ряде стран. В Прибалтике официально проводятся шествия ветеранов Waffen-SS, которые воевали на стороне Гитлера; устанавливаются памятные знаки и мемориалы, а их преступления замалчиваются или оправдываются в угоду русофобской политике.

На Украине, согласно информации МИД, законодательная база и официальная идеология, основанная на возвеличивании пособников нацизма, стала государственной политикой. Происходит снос памятников советским воинам-освободителям и тотальная героизация нацистских коллаборационистов. В ряде стран Восточной Европы (Польша, Чехия) продолжается варварский снос памятников советским солдатам, освободившим мир от нацизма, что является прямым осквернением памяти жертв и попранием итогов Нюрнберга [11].

Также нельзя забывать о не менее важном документе – Концепции внешней политики Российской Федерации. В ней перечислены меры, которые Россия намерена принимать для противодействия фальсификации истории и распространению идеологии неонацизма, в частности: распространение правдивой информации о решающей роли СССР в победе над нацизмом и деколонизации; борьба с фальсификацией истории, героизацией нацистов и милитаристов; принятие мер против стран, посягающих на мемориальные объекты России за рубежом; развитие международного сотрудничества по сохранению исторического и культурного наследия [12].

Россия не ограничивается констатацией фактов. На основе этих данных она последовательно инициирует и продвигает в Организацию Объединённых Наций (в Генеральной Ассамблее и Совете по правам человека) резолюции о борьбе с героизацией нацизма, последней из которых является Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Борьба с героизацией нацизма...» от 15 декабря 2025 г. [13] Последняя из этих резолюций является очередным дипломатическим признанием правоты и ведущей роли России в защите памяти жертв нацизма. Тем не менее её принятие на протяжении длительного времени беспрецедентно блокируется рядом государств: Великобританией, Германией, Италией, Канадой, США, Францией и Украиной [14].

Подводя итог, следует отметить возросший за последние десятилетия интерес правительства Российской Федерации к сохранению исторической памяти на фоне попыток со стороны Запада и его сателлитов пересмотреть итоги Второй мировой войны и приговор Нюрнбергского трибунала, в частности. Сторонники нацистской идеологии сегодня нередко прибегают к новой терминологии, пытаясь именоваться иначе, однако их сущность осталась прежней. Роль же антифашизма трудно переоценить, исходя из происходящего в мире после Второй мировой войны. Так, например, ряд генералов вермахта стали костяком для будущего антисоветского альянса – НАТО [15, с. 504]. В США (одной из стран Антигитлеровской коалиции) вполне легально действует Американская нацистская партия, использующая свастику, поскольку в этой стране использование подобных символов не запрещено законом [16, с. 526].

С правовой точки зрения сохранение итогов Нюрнбергского трибунала в российской нормативной системе приобрело характер имплементации базовых принципов международного гуманитарного права во внутригосударственное законодательство. Речь идёт не только о формальном закреплении в УК РФ составов преступлений против мира и безопасности человечества (глава 34), но и о признании универсальной юрисдикции в отношении данной категории деяний, а также об отказе от применения сроков давности. Это ставит Российскую Федерацию в особое положение государства – правопреемника СССР, которое не только декларирует приверженность духу и букве Нюрнбергского приговора, но и переводит его оценочные положения в плоскость позитивных юридических запретов. Однако с точки зрения правовой техники сохраняется определённая неполнота: отсутствие законодательно закреплённой ответственности юридических лиц за реабилитацию нацизма, а также неполная имплементация Римского статута (в части определения агрессии как преступления) создают зоны правовой уязвимости. Тем не менее, именно Россия на протяжении последних лет последовательно инициирует в ООН резолюции, осуждающие героизацию нацизма, что подтверждает её готовность выступать в качестве одного из главных институциональных хранителей послевоенного миропорядка.

С политологической точки зрения показательно, что обращение к нарративу Нюрнберга во внутренней политике РФ выполняет несколько функций: легитимацию государственной идентичности через память о Великой

Победе, консолидацию общества на основе антифашистского консенсуса и символическое противопоставление «западному ревизионизму истории». Одновременно во внешнеполитическом дискурсе ссылки на Нюрнбергский трибунал стали элементом «мемориальной дипломатии» и инструментом нормативной конкуренции с государствами, которые, по оценке Москвы, пересматривают итоги Второй мировой войны. Такая двуединая стратегия (внутренняя консолидация через память и внешняя конфронтация через историю) неизбежно порождает эффект секьюритизации исторической политики, когда тема нацизма перестаёт быть сугубо правовой или академической и превращается, в том числе, и в ресурс внешнеполитического влияния.

Задача России вполне конкретна: продолжать свою последовательную политику против возрождения нацизма. В противном случае эта человеконенавистническая идеология рискует возродиться вновь и принести всему миру те последствия, с которыми мир столкнулся в середине XX века.

С позиций юридического прогнозирования последовательная политика против возрождения нацизма должна включать не только репрессивные механизмы (уголовное преследование по ст. 354.1 УК РФ о реабилитации нацизма), но и системную работу по гармонизации национального законодательства с международными обязательствами в сфере прав человека и гуманитарного права. В частности, требует дальнейшего развития институт международного сотрудничества по розыску и привлечению к ответственности лиц, подозреваемых в совершении преступлений против человечности в прошлом и настоящем, включая возможное создание на базе ООН специализированного мониторингового комитета по выполнению принципов Нюрнберга.

Политологический анализ показывает, что действенность антинацистской политики России зависит от трёх ключевых факторов: 1) способности переводить историческую память в долгосрочные институты (образовательные программы, государственные архивы, мемориальные законы); 2) готовности вести диалог с теми зарубежными партнёрами, которые разделяют принципы Нюрнберга, даже при тактических разногласиях; 3) недопущения риторической инфляции, когда обвинения в «реванше нацизма» теряют юридическую конкретику и становятся исключительно политическим ярлыком. Опыт последних десятилетий свидетельствует, что наиболее уязвимой точкой современного антифашистского консенсуса является не столько открытая пропаганда нацистской символики, сколько постепенная эрозия исторической памяти – через реформы образования, переименование улиц, демонтаж памятников и изменение музейных экспозиций. Именно на этих «мягких» механизмах ревизии истории Россия должна сосредоточить свои усилия, дополняя дипломатические инициативы развёрнутой просветительской стратегией внутри страны и за рубежом. В противном случае институциональная память о нацистских преступлениях рискует превратиться в ритуализированную

декларацию, не способную противостоять новым формам политического насилия и идеологической дискриминации.

Список источников и литературы:

1. Дамаскин О. В. Нюрнбергский процесс: правовые уроки для современности (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) / О. В. Дамаскин // Военное право. – 2020. – № 3 (61). – С. 318–331.

2. Савенков А. Н. Нюрнбергский процесс в истории человечества // Сборник научных докладов и выступлений Международной научно-практической конференции «Нюрнберг: суд народов и мировой порядок» (Москва, 1–2 октября 2020 г.) / Институт государства и права РАН. – М., 2020. – С. 15–54.

3. Яковлев В. С. Место и роль приговора Международного Нюрнбергского военного трибунала в уголовно-правовой системе Советского Союза / В. С. Яковлев // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне): материалы XXII международной научно-практической конференции. В 2 ч. – Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 г. – СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. – С. 1124–1127.

4. Алханов А. Д. Роль СССР в Нюрнбергском процессе и последующем развитии международного права // Роль СССР в Нюрнбергском процессе и последующем развитии международного права : сб. материалов конференции (Москва, 18 ноября 2016 г.) / Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – М. : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. – С. 23–30.

5. Ермолович Я. Н. Влияние Нюрнбергского процесса на развитие российского военно-уголовного законодательства / Я. Н. Ермолович // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 2 (22). – С. 50–54.

6. Акт Добрушской районной комиссии ЧГК о злодеяниях немецко-фашистских войск в районе Гомельской области Белорусской ССР в период оккупации [Электронный ресурс]. – URL: <https://victims.rusarchives.ru/01-02-1945-akt-dobrushskoy-rayonnoy-komissii> (дата обращения: 26.04.2026).

7. Путин В. В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим / В. В. Путин. – 19 июня 2020.

8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. – 2020. – 4 июля. – № 144.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

10. Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов : федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ.

11. О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости : доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2025 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/doklady/1968836 (дата обращения: 26.04.2026).

12. О Концепции внешней политики Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // Российская газета. – 2023. – 4 апреля.

13. Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № A/RES/80/192 от 15 декабря 2025 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/80/192> (дата обращения: 26.04.2026).

14. Голосование по резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № A/RES/80/192 «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики...» : запись в Цифровой библиотеке ООН [Электронный ресурс]. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4095632?ln=ru> (дата обращения: 27.04.2026).

15. Пархитько Н. П. «Зри в корень»: к вопросу о нацистском происхождении НАТО / Н. П. Пархитько, И. П. Плотников // Постсоветские исследования. – 2023. – Т. 6, № 5. – С. 502–508.

16. Сергеенкова И. Ф. Американские партнёры нацистской Германии: историография вопроса / И. Ф. Сергеенкова // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2025. – № 3. – С. 519–533. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskie-partnyory-natsistskoy-germanii-istoriografiya-voprosa> (дата обращения: 27.04.2026).

REFERENCES

1. Damaskin, O.V. (2020). Nuremberg process: legal lessons for modernity (to the 75th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War). *Voенное право*, 3(61), 318-331. (In Russian).

2. Savenkov, A.N. (2020). The Nuremberg Process in human history. In *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Nuremberg: Trial of Nations and World Order"* (pp. 15-54). Moscow: Institute of State and Law RAS. (In Russian).

3. Yakovlev, V.S. (2025). Place and role of the verdict of the International Military Tribunal at Nuremberg in the criminal law system of the Soviet Union. In *State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects (to the 80th*

Anniversary of Victory in the Great Patriotic War) (pp. 1124-1127). St. Pyotrsburg: St. Pyotrsburg University MVD RF. (In Russian).

4. Alkhanov, A.D. (2017). Role of the USSR in the Nuremberg Process and subsequent development of international law. In Role of the USSR in the Nuremberg Process and Subsequent Development of International Law (pp. 23-30). Moscow: Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. (In Russian).

5. Ermolovich, Ya.N. (2011). Influence of the Nuremberg Process on the development of Russian military criminal legislation. Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii, 2(22), 50-54. (In Russian).

6. Act of the Dobrush District Commission on the crimes of Nazi troops in Gomel region during occupation. Retrieved from: <https://victims.rusarchives.ru/01-02-1945-akt-dobrushskoy-rayonnoy-komissii> (date of application: 26.04.2026). (In Russian).

7. Putin, V.V. (2020). 75 Years of the Great Victory: shared responsibility towards history and future. (In Russian).

8. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved on 01.07.2020). Rossiyskaya gazeta, 04.07.2020, No. 144. (In Russian).

9. Criminal Code of the Russian Federation (13.06.1996 No. 63-FZ, ed. from 15.10.2025). SZ RF, 17.06.1996, No. 25. (In Russian).

10. Federal Law "On Commemoration of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War of 1941-1945" – 19.05.1995– No. 80-FZ. (In Russian).

11. On the situation with the glorification of Nazism, the spread of neo-Nazism and other practices that contribute to the escalation of modern forms of racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance: report of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2025. Retrieved from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/doklady_1968836 (date of application: 26.04.2026). (In Russian).

12. Decree of the President of the Russian Federation No. 229 dated 31.03.2023 "On Approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation". Rossiyskaya gazeta, 2023, April 4. (In Russian).

13. Struggle against the glorification of Nazism, neo-Nazism and other practices that contribute to the escalation of modern forms of racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance: UN General Assembly Resolution No. A/RES/80/192 (December 15, 2025). Retrieved from: <https://docs.un.org/ru/A/RES/80/192> (date of application: 26.04.2026). (In Russian).

14. Voting on UN General Assembly Resolution No. A/RES/80/192 "Struggle against the glorification of Nazism...": entry in the UN Digital Library. Retrieved from: <https://digitallibrary.un.org/record/4095632?ln=ru> (date of application: 27.04.2026). (In Russian).

15. Parkhitko, N.P., & Plotnikov, I.P. (2023). "Look at the root": on the question of the Nazi origin of NATO. Post-Soviet Studies, 6(5), 502-508. (In Russian).

16. Sergeenkova, I.F. (2025). American partners of Nazi Germany: historiography of the issue. Bulletin of Udmurt University. Series History and

Philology, 3, 519–533. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskiye-partnyory-natsistskoy-germanii-istoriografiya-voprosa> (date of application: 27.04.2026). (In Russian).

Данные авторов статьи

Иванов Максим Игоревич	Ivanov Maxim Igorevich
Пожидаев Евгений Александрович	Pozhidaev Evgenyi Alexandrovich
Черкашин Кирилл Валерьевич	Cherkashin Kirill Valerievich

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

УДК 930 + 001.92
DOI: 10.5281/zenodo.20693476
EDN: OTQKLW

А.Х. Василяди

преподаватель

Донецкий филиал

ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России»

E-mail: vasilex97@mail.ru

РОЛЬ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ (К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ)

Аннотация

В современном обществе наблюдается рост интереса и одновременно вызовы – например, искажение исторических фактов, появление «фейковой» истории в средствах массовой информации. В свою очередь, Российское историческое общество активно работает над формированием объективного, научно обоснованного исторического знания, а также, способствует его внедрению в общественное сознание. Деятельность общества включает в себя не только издание научных трудов, но и организацию конференций, экспозиции просветительских проектов, историко-патриотических мероприятий, направленных на развитие исторического познания среди молодёжи.

Ключевые слова: *Российское историческое общество, историческое знание, популяризация, 160 лет РИО, роль, молодежь, история, Россия*

Summary

In today's society, there is an increase in interest and challenges, such as the distortion of historical facts and the emergence of "fake" history in the media. In response, the Russian Historical Society is actively working to promote objective and scientifically grounded historical knowledge, as well as its integration into the public consciousness. The Society's activities include not only the publication of scholarly works but also the organization of conferences, educational projects, and historical and patriotic events aimed at fostering historical awareness among young people.

Keywords: *Russian Historical Society, historical knowledge, popularization, 160 years of the Russian Historical Society, role, youth, history, Russia*

Российское историческое общество (РИО), отмечая свое 160-летие с момента основания в 1866 году, заслуженно занимает важное место в истории российского исторического просвещения. За прошедшие полтора века его деятельность несоизмеримо повлияла на формирование исторической науки и массового распространения исторического знания о прошлом России.

Цель данной работы – проанализировать роль Российского исторического общества в развитии исторической науки, выделить основные направления деятельности общества и оценить его значимость в контексте формирования исторического самосознания российского современного общества.

Историография деятельности Российского исторического общества (РИО) занимает определенную и значимую роль, представляя собой обширное поле для исследований и дискуссий, посвящённых анализу и фундаментальной значимости данного учреждения в развитии отечественной исторической науки и культуры с момента его основания 23 мая 1866 года, когда император Александр II в Царском Селе утвердил устав Российского исторического общества, которому было присвоено звание Императорского [1]. В различный период прослеживается развитие оценок и интерпретаций деятельности РИО в контексте политической составляющей исторической науки, так и в свою очередь особенность культурных и социальных процессов в России. Стоит выделить и глубоко-научные, фундаментальные труды, посвящённые деятельности РИО на протяжении 150 лет. Среди них:

1. «Сборник Русского исторического общества» Толмачева Е.П. В данной работе подробно рассматривается процесс формирования, организационной, документационной, административной и научной деятельности Императорского Русского Исторического Общества (РИО), его историческая значимость в дореволюционной исторической науке [2].

2. Книга «Императорское Русское Историческое Общество 1866–1916», в которой описывается создание, организация, деятельность общества, очерки деятельности совета Исторического общества [3].

3. «Императорское русское историческое общество: очерк истории и научной деятельности: 1866–1916 гг.» диссертация кандидата исторических наук О.В. Камардиной, посвящённая глубокому анализу деятельности ИРИО в дореволюционный период [4].

Вышеуказанные работы позволяют проследить эволюцию восприятия и оценки деятельности Российского исторического общества от основания в 1866 году до современной деятельности, демонстрируя подобным образом разносторонний подход к методологическим наработкам и исследованиям, а также, прослеживает смену историко-политических контекстов.

Российское историческое общество было основано в 1866 указом Императора Александра II. Членами-учредителями Русского исторического общества в марте 1866 г. стали 12 человек: К.Н. Бестужев-Рюмин, М.И. Богданович, А.Ф. Бычков, П.А. Вяземский, А.Ф. Гамбургер, А.Г. Жомини, К.К. Злобин, М.А. Корф, Б.А. Перовский, А.А. Половцов, Д.А. Толстой и Е.Ф.

Феоктистов [3]. Тогда оно носило название Русское историческое общества, а в последствии ему было присвоено звание «Императорского». Позже, его покровителем и почетным председателем на совете общества был избран Великий князь и наследник престола, будущий император Александр III, который до самой смерти поддерживал деятельность общества, поощрял, направлял, был одним из ярких и активных деятелей в популяризации и сохранении исторических знаний, но и был весьма активным читателем и ревизором научных трудов, печатных сборников ИРИО. Цесаревич Александр Александрович проявлял особый и персональный контроль за печатными изданиями и трактокками. Тогдашними историками было отмечено, что будущий Император читал абсолютно все издаваемые исторические публикации и делал заметки, отмечал ошибки [34, с. 180]. Люди, близко знавшие Александра III, отмечали его повышенный интерес к отечественной истории. Это качество не возникло случайно. К.П. Победоносцев подчеркивает, что еще в детстве любимым чтением будущего венценосца были исторические романы И.И. Лажечникова и М.Н. Загоскина. В нем, как во многих русских детях, это чтение возбудило первое движение к отечеству и национальной гордости. Интерес к этому чтению Александр сохранил и в юности, и в последующие годы своей жизни [3]. Общество было создано как научно-просветительское учреждение для координирования исследований в области отечественной истории, изучения накопленных архивных материалов и формирования единой историографической платформы для будущих поколений. При поддержке ведущих российских историков, общественных деятелей. Так, значительный вклад в основание исторического общества был сделан его председателем А.А. Половцевым (государственным деятелем, сенатором, коллекционером), тратившим все свои средства, драгоценное время и силы на развитие Российского Исторического общества. А.А. Половцев пользовался полным доверием со стороны государя-императора Александра III [1].

Во время одного из своих выступлений перед советом Императорского Русского исторического общества, А.А. Половцевым были сказаны следующие слова: «Главной мыслью учреждения Русского Исторического Общества послужило то убеждение, что история нашего отечества делается тем более привлекательной, чем более она будет известна, что лучшим способом сделать её известной является беспристрастное напечатание имеющих историческое значение актов и документов, хранившихся недоступными в архивах, а по напечатании имеющих дать прочную основу исторической литературе» [3].

Российское историческое общество было воссоздано в традициях дореволюционного Императорского Русского исторического общества 20 июня 2012 года [5]. Согласно Уставу, целью РИО является объединение усилий общества, государства, ученых и любителей истории для формирования общероссийской исторической культуры на основе объективного изучения, освещения и популяризации отечественной и мировой истории, сохранения национальной памяти.

Особую роль в созидании исторической науки и в формировании патриотических, историко-культурных ценностей нашего государства на выступлении заседания Учредительного собрания Российского исторического общества подчеркнул Директор Службы внешней разведки Российской Федерации, ныне почётный председатель РИО Сергей Евгеньевич Нарышкин, который заявил: «Роль Исторического общества была уникальной по многим причинам...» [6]. Следует обозначить, что Российское историческое общество выполнял и выполняет важнейшую миссию в объективном историческом просвещении, что является уникальным феноменом в истории России и российской науки. Консенсусом здесь выступает консолидация российского общества на фоне общенародной исторической памяти, соединяющей в себе представителей всех слоев общества, начиная от верховной власти и заканчивая самым обычным гражданином России. Также, важно отметить особый просветительский фактор историков, научных работников и педагогов в сфере взаимодействия с молодежью и российским обществом в целом. В последствии, стоит заметить, что данные историко-патриотические тенденции и развитие исторической науки в нашей стране являются одним из важнейших двигателей в развитии музейного и архивного дела. В дни возрождения Исторического общества изменился и подход к нашей общей истории. Историческая наука в России вновь заняла лидирующую (особую) роль в нашем культурном и историческом пространстве, что заметно укрепило труд учёных, историков, педагогов, наставников, которые объединяют усилия в объективном, непредвзятом и нравственном изучении, преподавании и передаче исторических знаний, делая особенным их цивилизационную роль сквозь прошлые, настоящие и будущие поколения.

Российское историческое общество имело и имеет ряд четко сформулированных и сформулированных целей, направленных на развитие исторической науки и укрепление национального духа. Исторической памяти, и, самое важное, формирование национального самосознания. Такими целями деятельности Российского исторического общества являются:

1. Развитие исторической науки. РИО ставило своей задачей систематическое исследование истории России, способствовало поддержанию высокого научного уровня, объединению учёных-историков, а также развитию методологических основ и подходов в изучении исторической дисциплины.

2. Популяризация исторического знания. Важнейшей задачей было и остаётся распространение достоверных исторических сведений среди широкой публики. Под эгидой Российского исторического общества выходили в свет публикации, организовывались лекции, выставки и прочие просветительские мероприятия.

3. Сбор и сохранение исторических источников. РИО активно занимались поиском, сбором, публикацией и систематизацией архивных материалов. Рукописей, документов, карт и др.

4. Формирование национального самосознания. РИО стремилось сформировать и укрепить у массового читателя чувство патриотизма, чувство

национального самосознания, национальную идентичность чрез изучение и освещение истории России, подчеркивая ее уникальность и преемственность традиционных и культурно-исторических ценностей.

5. Поддержка научного сотрудничества. РИО служило и служит платформой для обмена всесторонним накопленным опытом между историками. При этом, общество не отставало и от содействия международным связям, организовывая конференции и научные дискуссии.

6. Воспитание молодежи, подготовка профессиональных и патриотических кадров. Общество принимало участие в организации исторического образования, способствовало подготовке новых поколений историков, поддерживало молодых ученых и студентов.

Исходя из вышеперечисленных факторов, следует обозначить, что Российское историческое общество выполняло комплексную роль: от научно-исследовательской и образовательной до просветительской, при этом играя фундаментальную роль в формировании и организации российской исторической науки, способствуя укреплению интереса к истории своей страны не только со стороны молодежи, но и от первых лиц Российского государства.

РИО стало централизующей силой, консолидирующей историческую науку в России, стимулируя проведение фундаментальных исследований по отечественной истории. Общество занимается и по сей день изданием научных журналов, сборников научных трудов, сборников документов и источников, к примеру:

1. «Сборники Российского исторического общества» [7];
2. «Материалы для истории общества и государства Российского» [8];
3. «История государства Российского» Н.М. Карамзина [9];
4. Журнал «Воронцово поле»: вестник фонда «История Отечества» [10];
5. Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД) [11].

Все вышеперечисленное способствует систематизации исторических знаний и формированию профессиональной исторической школы.

Российское историческое общество также занималось и занимается проявлением и организацией публичных мероприятий для широкой публики:

1. Лекции и исторические чтения

Российским историческим обществом на постоянной основе проводятся историко-патриотические и историко-просветительские лектории на базе различных площадок Российской Федерации и за рубежом, к примеру, в братской Сербии [12].

2. Выставки

Российским историческим обществом организовываются и проводятся различные исторические выставки. К примеру, на базе Государственного исторического музея в г. Москва при содействии РИО проводятся выставки, посвященные Великим историческим личностям российской истории, в частности: правителям, великим учёным, писателям; выставки, посвящённые великим событиям, коллекционным историко-культурным собраниям и архивам:

1. «Николай I. Идеальный самодержец» [13];

2. «Сокровища императорских резиденций. Царское село» [14];

3. «Император Александр III Миротворец» [15].

Каждое из данных мероприятий носит особый культурный, исторический код, привлекая внимание не только российской молодёжи, но и первых лиц нашего государства.

3. Презентации исторических книг

Российским историческим обществом всегда уделялось особое внимание на издание и презентации исторических трудов, книг, написание отчетов, протоколов за календарный год. Именно книги играли важную роль для массового читателя, среди были:

1. «Советский Союз во Второй мировой войне» [16], «Восстание декабристов. Документы. Том XXIV и том XXV» [17], Махров П.С. «Воспоминания 1917 – 1920 гг.» [18], «Ворошиловградская область в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне» [19] и др.

Также, интерес для читателя представляли туристические брошюры, издаваемые Императорским Русским историческим обществом:

2. Города Белгородской черты» по проекту «Засечные линии России» [20]

Интерес для массового читателя также представляли исторические альманахи и бюллетени:

3. Альманах «Историограф» [21], бюллетени для избрания должностных лиц Императорского Русского исторического общества (ИРИО) [22], бюллетени в «Деле о годичных общих собраниях» [23], бюллетени для избрания должностных лиц и действительных членов Императорского Русского исторического общества [24].

Документационная деятельность ИРИО (РИО) также не осталась в стороне, все собрания, заседания и проверки проходили под протоколы и имели чёткую систематизацию:

4. Протоколы заседаний членов Совета ИРИО (РИО сегодня): Протоколы заседаний членов Совета ИРИО за 1898, 1899, 1900 гг.; Черновой вариант протокола заседания членов Совета Императорского Русского исторического общества от 20 февраля 1896 года [25], Протокол заседания членов Совета Императорского Русского исторического общества от 17 апреля 1898 года [26], Протокол заседания Ревизионной комиссии от 8 февраля 1900 года [27]; Приглашение на годовое Общее собрание ИРИО, 1900 год [28]; Записка А.А. Половцова от 17 апреля 1898 года [29], Записка об избрании действительных членов Императорского Русского исторического общества от 25 февраля 1896 года [30] и т.д.

Все вышеперечисленное способствовало приобщению различных слоев населения к познанию своей истории, к формированию национального самосознания, к поиску национального культурного кода, к формированию историко-патриотического сознания.

РИО активно участвовало в сохранении памятников истории и культуры, инициировало создание и поддержание музеев, архивов, и в особенности, в

условиях цифровизации истории уделяется пристальное внимание к функционированию и развитию исторических сайтов. Данный методологический, стратегический и инновационный подход позволяет не только сохранить культурное наследие, но и делать историческую науку более наглядной, доступной, инновационной, определяющей, движущей и особой для широкой публики.

Российское историческое общество сотрудничало и продолжает сотрудничать российскими университетами, гимназиями и другими учебными заведениями, способствуя внедрению современных методов преподавания истории, разрабатывая учебные пособия и программы. Подобные системообразующие и моделирующие мероприятия способствуют усилению и развитию качества исторического образования в России.

В настоящее время Российское историческое общество использует современные информационные технологии, внедряя постепенным способом новый продукт – цифровую историю. Активнейшим способом происходит популяризация истории не только на общих началах и базовых принципах, но и при поддержке руководства страны. РИО имеет свой авторский сайт и сайт фонда истории Отечества Российского исторического общества, в котором собраны массивные данные архивных данных.

Члены РИО участвуют в организации и проведении онлайн-лекций, вебинаров, принимают участие в телевизионных и цифровых проектах. На сегодняшний день особое внимание уделяется созданию доступных исторических ресурсов и привлечению молодёжи к изучению отечественной истории.

РИО играло и продолжает играть важнейшую роль в формировании национального самосознания и исторической памяти, основывающихся на общих культурных ценностях и традициях России. Данные факторы способствуют росту и популяризации патриотического воспитания, а также формируют осознание гражданской принадлежности к своему государству.

Российское историческое общество становится определяющим мостом между историческими науками и широкой публикой, способствуя обеспечению диалога науки и общества. Данный формат способствует созданию целостного исторического нарратива.

Таким образом, Российское историческое общество (РИО), остаётся важнейшим институтом, взаимодействуя с институтами, способствующими популяризации исторического знания о России.

Стоит также выделить многогранную деятельность: начиная от научных трудов, авторских книг, научных конференций, заканчивая массовыми просветительскими инициативами. Весь накопленный спектр позволяет подвести следующий итог – Российское историческое общество играет устойчивую роль в сохранении и передаче исторического наследия будущим поколениям. РИО продолжает быть значимым фактором в развитии исторической науки, патриотического воспитания молодого поколения,

гражданского самосознания, объединяя ученых, преподавателей и широкую общественность.

Стоит также отметить роль РИО на новых территориях Российской Федерации. Здесь, следует выделить деятельность отделения Российского исторического общества по Донецкой Народной Республике, которое проводит научно-исторические, научно-представительские и научно-методические мероприятия, приглашения участников со всей России. Благодаря руководителю регионального отделения Российского исторического общества по Донецкой Народной Республике – Председателю Совета отделения РИО Разумному Виталию Витальевичу, популяризация истории в Донбассе, истории самого Донбасса, и за его пределами, в частности, приобретает не только патриотический, историко-культурный характер, но и преподносит стратегические инициативы по продвижению и популяризации исторического просвещения, согласно Указу Президента Российской Федерации № 314 от 8 мая 2024 года «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [31].

Особое внимание сегодня уделяется преподаванию истории в высшей школе. В 2024 году был разработан единый учебник по истории России для преподавания обучающихся всех высших учебных заведений Российской Федерации. Данное событие особо подчеркнул Председатель Российского исторического общества – Сергей Нарышкин. Он сказал следующее: «В соответствии с устоявшейся традицией преподавания курса истории на неисторических направлениях подготовки в новом учебнике более подробно рассматриваются периоды относительно недавнего прошлого. Основной акцент сделан на истории Великой Отечественной войны, включая установленные судом факты геноцида советского народа. В первой главе подробно освещены остальные черты российской цивилизации, а во всех остальных приведены многочисленные примеры героизма нашего народа в деле защиты Отечества. Разумеется, особое внимание уделено событиям «Русской весны» и специальной военной операции, о которых подробно рассказывают в заключительных разделах» [32]. Одним из итогов апробации обновленного курса «История России» стало решение внести изменения в Концепцию преподавания истории России на неисторических специальностях и направлениях подготовки.

Президентом Российской Федерации было также отмечено, что: «Все члены Российского исторического общества, среди которых крупнейшие институты, университеты, музеи, архивы, библиотеки и многие авторитетные историки, вносят весомый вклад в формирование общероссийской исторической культуры и популяризацию исторического знания» [33].

4 июня 2026 года Российскому историческому обществу – правопреемнику Императорского Русского исторического общества исполняется 160 лет со дня основания. Это великое событие оставит за собой память на долгие годы, десятилетия, и, в очередной раз подтвердит важность исторического просвещения и особую роль исторических наук в нашей стране.

В наши дни деятельность Российского исторического общества продолжает свою трудоёмкую работу. Молодое поколение всё более и более интересуется историей нашего государства, его героическим прошлым и его выдающимися личностями, которые совершили великий вклад в развитие России [34].

Список источников и литературы:

1. Барыкина И. Е. Внутренняя политика и личность императора Александра III: источники и историография / И. Е. Барыкина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2013. – № 4. – С. 226–236.
2. Толмачев Е. П. Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). – М., 2000.
3. Императорское Русское Историческое Общество 1866–1916. – Петроград, 1916.
4. Камардина О. В. Императорское Русское историческое общество (Очерк истории и научной деятельности, 1866–1916 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / О. В. Камардина. – Самара, 1999. – 228 с. – EDN NLPNAR.
5. Официальный сайт Российского исторического общества [Электронный ресурс]. – URL: <https://historyrussia.org/ob-obshchestve/ob-obshchestve.html> (дата обращения: 17.02.2026).
6. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 1: Рескрипты и письма императрицы Екатерины II на имя графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского / сообщ. кн. Н. А. Орлов. – СПб. : Тип. Траншеля, 1867. – VIII, 558 с.
7. Карамзин Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – СПб. : СЗКЭО ; М. : Оникс-Лит, 2017.
8. Журнал «Воронцово поле»: вестник фонда «История Отечества» [Электронный ресурс]. – URL: <https://vorontsovopole.ru/> (дата обращения: 17.02.2026).
9. Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД) [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/1-glavnaya> (дата обращения: 18.02.2026).
10. Официальный сайт Фонда истории Отечества [Электронный ресурс]. – URL: https://fond.historyrussia.org/index.php?option=com_content&view=article&layout=edit&id=2770 (дата обращения: 17.02.2026).
11. Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://culture.gov.ru/about/national-project/news-family/dragotsennosti_iz_yantarnoy_komnaty_tsarskogo_sela_predstavil (дата обращения: 17.02.2026).
12. Официальный сайт Государственного исторического музея [Электронный ресурс]. – URL: <https://shm.ru/shows> (дата обращения: 17.02.2026).
13. Уткин А. И. Советский Союз во Второй мировой войне / А. И. Уткин. – М. : Культурная революция, 2015. – 941, [2] с.

14. Восстание декабристов. Документы. Т. XXIV. Программные документы декабристов / под ред. С. В. Мироненко; сост. О. В. Эдельман. – М. : Фонд «Связь Эпох», 2025. – 280 с.

15. Махров П. С. Воспоминания 1917–1920 гг. / П. С. Махров ; под науч. ред. А. В. Ганина. – М. : Кучково поле Музеон ; Ассоциация «Военная книга», 2025. – 880 с.

16. Ворошиловградская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: к 80-летию Победы : сб. архив. док. / Архивная служба ЛНР, ГКУ «Госархив ЛНР» ; редкол.: А. Ю. Годорова, Т. Ю. Анпилогова. – Ростов-на-Дону : Южный издательский дом, 2025. – 215 с.

17. Города Белгородской черты [Электронный ресурс]. – URL: <https://historyrussia.org/belgorodskaya-zasechnaya-liniya/istoriya-belgorodskoj-zachechoj-cherty.html> (дата обращения: 16.02.2026).

18. Официальный сайт Российского исторического общества [Электронный ресурс]. – URL: <https://historyrussia.org/video/smotret-dokumentalnyj-film-istoriograf.html> (дата обращения: 17.02.2026).

19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 746. Оп. 1. Д. 3. Л. 676–682.

20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 746. Оп. 1. Д. 3.

21. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 746. Оп. 1. Д. 3. Л. 688–698.

22. Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения».

23. Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/86758/> (дата обращения: 19.02.2026).

24. Встреча с историками и представителями традиционных религий России [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69781> (дата обращения: 19.02.2026).

25. Василяди А. Х. Роль Александра III в организации и работе Российского исторического общества: начальный период / А. Х. Василяди // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы X Междунар. науч. конф. (Донецк, 5–7 ноября 2025 г.). – Донецк: ДонГУ, 2025. – С. 179–181. – EDN TUJNMX.

REFERENCES

1. Barykina, I. E. *Domestic Policy and the Personality of Emperor Alexander III: Sources and Historiography* / Barykina I. E. // *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. – 2013. - No. 4., 226-236. (In Russian)

2. E. Tolmacheva, P. N. // *Collection of the Russian Historical Society*. - Moscow, 2000. - D. N. 2(150). (In Russian)

3. (1916) *The book "Imperial Russian Historical Society 1866`-1916"*. – Petrograd. (In Russian)
4. Kamardina, O. N. V. N. (1999) *Imperial Russian Historical Society (An essay on history and scientific activity, 1866-1916): specialty 07.00.02 "National history": dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences / Kamardina Olga Vladimirovna. Samara. 228 p.: ill. – EDN NLPNAR. (In Russian)*
5. *The official website of the Russian Historical Society* (2026). [electronic resource]. – URL: <https://historyrussia.org/ob-obshchestve/ob-obshchestve.html?ysclid=mltujpz436890708602> (accessed: 17.02.2026) (In Russian)
6. *The official website of the Russian Historical Society* (2026). [Electronic resource. - URL: <https://historyrussia.org/ob-obshchestve/ob-obshchestve.html?ysclid=mltujpz436890708602> (accessed: 02/17/2026) (In Russian)
7. *Collection of the Imperial Russian Historical Society* (1867). St. Petersburg, 1867-1916. D. N. 1: [Rescripts and letters of Empress Catherine II addressed to Count Alexei Grigoryevich Orlov-Chesmensky / reported by Prince N. A. N. Orlov]. - St.St. Petersburg: in the printing house of Tranchel, 1867. - VIII, 558. (In Russian)
8. *The official website of the Russian Historical Society* (2026). [Electronic resource. - URL: <https://historyrussia.org/ob-obshchestve/ob-obshchestve.html?ysclid=mltujpz436890708602> (accessed: 02/17/2026) (In Russian)
9. *Karamzin N.M. N. "The History of the Russian State"[Text] (2017), St. Petersburg, NWKEO; Moscow, and:"Onyx-lit." 2017. - ISBN-978-5-9603-0414-6 (The Library of World Literature series) (In Russian)*
10. *Vorontsovo Pole Magazine* (2026): bulletin of the History of the Fatherland Foundation. (In Russian)
11. *Electronic Library of Historical Documents (ELID) (2026). [Electronic resource]. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/1-glavnaya> (accessed: 18.02.2026) (In Russian)*
12. *Official website of the Russian Historical Society* (2026). [Electronic resource]. – URL: <https://historyrussia.org/ob-obshchestve/ob-obshchestve.html?ysclid=mltujpz436890708602> (accessed: 17.02.2026) (In Russian)
13. *Official website of the Ministry of Culture of the Russian Federation* (2026). [Electronic resource]. – URL: https://culture.gov.ru/about/national-project/news-family/dragotsennosti_iz_yantarnoy_komnaty_tsarskogo_sela_predstavil (accessed: 17.02.2026) (In Russian)
14. *Official website of the Ministry of Culture of the Russian Federation* (2026). [Electronic resource]. – URL: https://culture.gov.ru/about/national-project/news-family/dragotsennosti_iz_yantarnoy_komnaty_tsarskogo_sela_predstavil (accessed: 17.02.2026) (In Russian)
15. *Official website of the State Historical Museum* (2026). [Electronic resource]. – URL: <https://shm.ru/shows> (accessed: 17.02.2026) (In Russian)
16. Utkin, A.I. (2015) *The Soviet Union in World War II [Text] / A. I. Utkin. - Moscow: Cultural Revolution, 2015. - 941, [2] p.; 24 cm.; ISBN 978-5-902764-60-1: 800 copies. (In Russian)*

17. *The Decembrist Uprising. Documents* (2025). Vol. XXIV. The Programmatic Documents of the Decembrists / edited by S.V. Mironenko, compiled by O.V. Edelman. Moscow: Svyaz Epokh Foundation, 2025. 280 p., ill. (In Russian)

18. Makhrov, P.S. (2025) *Memoirs of 1917–1920* / edited by A.V. Ganin. Text, introduction, comments, appendices, and illustrations by A.V. Ganina. Moscow: Military Book Association; Kuchkovo Pole Muzeyon, 2025. 880 pages; illustrations. ISBN: 978-5-907939-10-3 (Kuchkovo Pole Muzeyon); 978-5-6051625-7-5 (Military Book Association). (In Russian)

19. *Voroshilovgrad Region during the Great Patriotic War of 1941–1945: On the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War* (2025): Collection of Archival Documents / Archival Service of the LPR, State Archives of the LPR; edited by A.Yu. Todorova, T.Yu. Anpilogova. Rostov-on-Don: Southern Publishing House, 2025. 215 p., ill. (In Russian)

20. *Cities of the Belgorod Line" according to the "Zasechnye Lini Rossii" project.* (2026) [Electronic resource]. – URL: <https://historyrussia.org/belgorodskaya-zasechnaya-liniya/istoriya-belgorodskoj-zachechnoj-cherty.html?disableGlobalInfoCollect=false&ysclid=mltvpmapal183967403> (accessed: 16.02.2026) (In Russian)

21. *Official website of the Russian Historical Society.* (2026) [Electronic resource]. – URL: <https://historyrussia.org/video/smotret-dokumentalnyj-film-istoriograf.html?ysclid=mltwhahiz8521361438> (accessed: 17.02.2026) (In Russian)

22. Russian State Historical Archive. F. 746. Inv. 1. D. 3. P. 676-682

23. Russian State Historical Archive. F. 746. Inv. 1. D. 3

24. Russian State Historical Archive. F. 746. Inv. 1. D. 3. P. 688-698

25. Russian State Historical Archive. F. 746. Inv. 1. D. 3. P. 591-598

26. Russian State Historical Archive. F. 746. Inv. 1. D. 3. P. 631-640

27. Russian State Historical Archive. F. 746. Inv. 1. D. 3. P. 711

28. Russian State Historical Archive. F. 746. Inv. 1. D. 3. P. 687

29. Russian State Historical Archive. F. 746. Inv. 1. D. 3. P. 630

30. Russian State Historical Archive. F. 746. Inv. 1. D. 3. P. 599

31. *Decree of the President of the Russian Federation* No. 314 dated May 8, 2024, "On Approval of the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Historical Education" (In Russian)

32. *Official website of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.* [Electronic resource]. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/86758/> (accessed: 19.02.2026) (In Russian)

33. *Official website of the Kremlin.* Meeting with historians and representatives of Russia's traditional religions. [Electronic resource]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69781?ysclid=mltybsxzyg157866812> (accessed: 19.02.2026) (In Russian)

34. Vasiliadi, A. Kh. (2025) *The Role of Alexander III in the Organization and Work of the Russian Historical Society: The Initial Period* / A. Kh. Vasiliadi // Donetsk Readings - 2025: Education, Science, Innovation, Culture, and Contemporary Challenges : Proceedings of the 10th International Scientific Conference Dedicated to

the 60th Anniversary of the Establishment of the Donetsk Scientific Center, Donetsk, November 5-7. – Donetsk: Donetsk State University – Pp. 179-181. – EDN TUJNMX. (In Russian)

Данные автора статьи

Василиади Александр Христофорович	Vasiliadi Alexandr Khristoforovich

УДК 94:069.4:27-522(477.62-21Святогорск)

DOI: 10.5281/zenodo.20693485

EDN: VUPZSU

Е.А. Шкрибитько

кандидат исторических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: shelaa28@gmail.com

ЗНАЧЕНИЕ СВЯТОГОРСКОЙ СВЯТО-УСПЕНСКОЙ ЛАВРЫ В ИСТОРИИ ДОНБАССА

Аннотация

В статье акцентируется внимание на значении Святогорской Свято-Успенской Лавры в истории и духовном развитии Донбасса, а также на мерах по сохранению ее историко-архитектурного наследия в рамках работы научных сотрудников Святогорского государственного историко-архитектурного заповедника. Показано участие сотрудников заповедника в создании различных тематических выставок и залов в рамках экскурсионных маршрутов, связанных с историей заселения и развития как Среднего Подонцовья, так и самой Святогорской Лавры.

Ключевые слова: *Святогорск, Святогорский государственный историко-архитектурный заповедник, Святогорская Лавра, православные святыни, православные праздники.*

Summary

The article focuses on the significance of the Holy Dormition Lavra of Svyatogorsk in the history and spiritual development of Donbass, as well as on measures to preserve its historical and architectural heritage through the work of researchers at the Svyatogorsk State Historical and Architectural Reserve. The article describes the participation of the reserve's staff in the creation of various thematic exhibitions and halls as part of excursion routes related to the history of settlement and development of both the Middle Donets region and the Svyatogorsk Holy Dormition Lavra itself.

Keywords: *Svyatogorsk, Svyatogorsk State Historical and Architectural Reserve, Svyatogorsk Lavra, Orthodox shrines, Orthodox holidays.*

Среди исследователей указанную тему рассматривали, преимущественно, постсоветские историки – В.Н. Дедов [12] и А.В. Шамрай [9], которые в разное время были сотрудниками Святогорского государственного историко-архитектурного заповедника, а В.Н. Дедов до 2014 г. был его директором. В их

работах отображены территориальные границы города Святогорска, и, непосредственно, заповедника, находящегося на территории Святогорской Свято-Успенской Лавры, его административное подчинение, изменения в численном составе и направлениях работы его сотрудников, а также другие моменты, связанные с периодом 1990-х – 2000-х гг.

Следует отметить, что основной материал по теме был накоплен в дореволюционный период. В советское время церковь была объявлена контрреволюционным и враждебным элементом общества и изучение ее истории практически прекратилось. Только в постсоветский период снова вернулись к изучению монастырской тематики. Однако, отдельные вопросы ранней истории Святогорского монастыря требуют еще дополнительных исследований и уточнений.

Автор данной статьи, также являясь исследователем истории основания и экономического развития Святогорской Лавры, дополнила своими публикациями рассматриваемую тематику [1]. Предложенные материалы были результатом плодотворной работы автора в архивах Москвы, Киева и Харькова с документами XVII–XIX вв., а также с архивным фондом самого монастыря. Помимо этого, при изучении тематики, связанной с распространением православия на землях Среднего Подонцовья, использовались результаты археологических исследований, в которых автор принимала непосредственное участие, в частности в экспедициях Э.Е. Кравченко.

Важно отметить, что ранней историей Святогорского монастыря и вопросами зарождения и распространения православия на землях Среднего Подонцовья интересуются и сами монашествующие. При непосредственном участии Святогорского государственного историко-архитектурного заповедника, монастырь принимает активное участие в проведении научных конференций и публицистической работе.

Актуальность предложенной тематики связана с возрождением духовности в обществе и интересом к истории одного из древнейших колониционных, духовных, культурных и экономических центров Донбасса – Святогорского Свято-Успенского пещерного мужского монастыря (с 2004 г. – Лавры), расположенного на правом («крымском») берегу Северского Донца, по которому татары совершали набеги на русские земли.

Цель статьи – рассмотреть место Святогорской Свято-Успенской Лавры в истории Донбасса и распространении на этих землях православия, а также просветительскую деятельность Святогорского государственного историко-архитектурного заповедника, направленную на популяризацию православной тематики.

Именно этот аспект деятельности заповедника актуализирует данную тему, поскольку разноплановая деятельность его сотрудников способствует изучению и переизданию ряда работ православных деятелей XIX – начала XX вв., писавших о Святогорье (А.Н. Муравьев, А. Ковалевский, Е. Жилинская, В.И. Немирович-Данченко, И.А. Бунин, Д.И. Багалеи и другие), сохранению и реставрации архитектурных памятников Святогорского Свято-Успенского

мужского монастыря, проведению охранных археологических исследований на территории бывшей (ныне не сохранившейся) усадьбы благотворителей Святогорского обителя графа А.М. Потемкина и графини Т.Б. Потемкиной (урожденной княгини Голицыной), проведению археологических раскопок как на территории древнего Святогорского монастыря под меловой горой, так и археологических исследований внутри монастырского пещерного комплекса конца XVI–XVII вв., планированию и осуществлению реставрационных работ в монастырских культовых строениях XIX в. (Успенский собор, Покровская церковь, монастырская гостиница и другие сооружения).

Государственный историко-архитектурный заповедник в городе Святогорске (СГИАЗ) был основан в 1980 г. как культурно-просветительская и научно-исследовательская организация с целью сохранения и популяризации историко-культурного наследия Святогорья, что имеет особую ценность.

После возобновления Святогорского Свято-Успенского мужского монастыря в 1992 г. уделяется особое внимание и духовному значению сохранившихся православных святынь древнего монастырского архитектурного комплекса.

Именно в начале 1990-х гг. в деятельности историко-архитектурного заповедника начался новый этап, связанный с использованием памятников сакральной архитектуры в условиях действующего Святогорского монастыря, что предопределило определенные требования к проведению экскурсий. Прежде всего, это проявилось в корректировке экскурсионных маршрутов, текстов экскурсий и методических разработок. Появились новые экскурсионные темы, а ранее разработанные пополнились дополнительным материалом по православной тематике.

В 1995 г., после завершения работ по возобновлению иконостасов в подземной церкви преподобных Антония и Феодосия Печерских XVII в. и в пещерной Алексеевской церкви XIX в. в меловой горе, комплексная экскурсия Святогорского историко-архитектурного заповедника была дополнена двумя тематическими экскурсиями: «Подземная церковь преподобных Антония и Феодосия, усыпальница князей Голицыных» и «Живопись иконостаса Алексеевской пещерной церкви Святогорского монастыря». В экскурсионные тексты внесли информацию про Евангельские сюжеты и события, изображенные на иконах, а также про жития святых Алексия Человека Божьего, преподобных Антония и Феодосия Печерских [2].

Во время экспонирования в Западной башне XIX в. художественных выставок СГИАЗ в экскурсии заповедника в 1996 г. была введена тема: «Дорога к храму» [3].

В 2000 г. комплекс пещерных сооружений меловой горы XVII в., Николаевская церковь на вершине меловой горы XVII в., Западные и Восточные башни середины XIX в., подземный храм преподобных Антония и Феодосия Печерских и еще пять памятников архитектуры были переданы заповедником Святогорскому монастырю в бессрочное и бесплатное пользование. Соответственно, пещеры, подземный храм преподобных Антония и Феодосия

Печерских и Западная башня были исключены из экскурсионных маршрутов заповедника. Экскурсии по пещерному комплексу стали проводить исключительно экскурсоводы монастыря.

Во второй половине 1990-х гг., после окончания реставрационных работ основных храмов обители, в текст обзорной экскурсии по территории архитектурного ансамбля Святогорского монастыря были внесены дополнения. Это была информация о православных праздниках: Успение Пресвятой Богородицы – главный престольный праздник монастыря (главный храм обители – Успенский собор, сооружен в 1868 г.) и Покров Пресвятой Богородицы – тоже престольный праздник – Покровская церковь с колокольней, освящена в 1851 г.), а также житие Николы Чудотворца (Николаевская церковь конца XVII в. на вершине меловой горы), короткие рассказы о святых Кирилле и Мефодии (в честь этих святых в XIX в. была названа Кирилло-Мефодиевская лестница в 511 ступеней, соединявшая нижнюю часть монастыря с меловой горой, ныне восстановлена) [4].

Дополнительно был собран материал, связанный с другими храмовыми (престольными) праздниками Святогорской обители. В частности, жития святых: преподобного Арсения Великого, великомученицы Варвары и мученицы Татьяны, святителей русских: Митрофана Воронежского, Тихона Задонского, Дмитрия Ростовского [5]. Указанные жития экскурсоводы рассказывают во время посещений Успенского собора и Покровской церкви.

У подножия меловой скалы с пещерами, где монахами поставлен крест на месте утраченной Петропавловской церкви XVIII в., экскурсантам рассказывают про историю строительства и освящения этого храма, его утрату и о жизни святых верховных первоапостолов Петра и Павла, а также о праздновании в честь них престольного праздника в Святогорском монастыре.

В 2000–2002 гг. работала выставка «Слово о полку Игореве в археологических находках и художественных произведениях». Экскурсантам был представлен небольшой каменный ковчег (рака), в которой до революции находилась частичка мощей преподобного Арсения Великого. Эту раку привез в XIX в. из г. Тарса (исторический город на юге центральной части Турции) А.Н. Муравьев – писатель и паломник по Святым местам. Он подарил эту православную реликвию архимандриту Арсению (настоятель Святогорской Свято-Успенской пустыни в 1844–1859 гг.) [6, с.112]. В XIX в. святыня находилась в монастырском ските Арсения Великого.

Сотрудники Святогорского историко-архитектурного заповедника принимали активное участие в археологических раскопках в Среднем Подонцовье, что позволило создать экспозицию исторического музея заповедника – «Историко-культурное наследие Святых Гор с древнейших времен». Посетителям музея во время экскурсий рассказывают о православных праздниках и святынях, житиях святых, церковных и местных преданиях, связанных с историей края и Святогорской обители (например, о происхождении топографического названия «Святогорье» или о чудесном появлении Николаевской церкви на вершине меловой горы в XVII в. и т.д.).

Особо посещается комплексная экскурсия «История Святых Гор в археологических и архитектурных памятниках», которая включает: 1) обзорную экскурсию «Памятники архитектуры XVII–XIX вв. Святогорского Свято-Успенского монастыря; 2) тематическую экскурсию «Историко-культурное наследие Святых Гор (древнейшие времена – XX в.)», подготовленную историческим музеем СГИАЗ [7].

Указанная экскурсия проходит по нижней территории Свято-Успенской Святогорской Лавры (статус был получен в 2004 г.) и заповедника. Она поэтапно знакомит экскурсантов с историей заселения Среднего Подонцовья, начиная с каменного века и, непосредственно, с историей самого монастыря и формированием его архитектурного ансамбля.

Экскурсанты активно посещают православные святыни, праздники и службы Святогорской Лавры.

В начале экскурсионного маршрута, на площадке возле скульптуры Пресвятой Богородицы – Игуменьи Святых Гор, гид рассказывает о возобновлении Святогорского монастыря в 1992 г., о присвоении монастырю статуса Лавры решением Священного Синода УПЦ и торжественном освящении Лавры Предстоятелем УПЦ Блаженнейшим митрополитом Киевским и всея Украины Владимиром (Сабоданом) 25 сентября 2004 г.

Экскурсовод также поясняет, почему именно образ Богородицы стоит при входе в Святогорскую обитель. Указывается, что в описании жития настоятеля монастыря архимандрита Германа (1859–1890 гг.), написанном А. Ковалевским и изданном в Харькове в 1894 г., говорится, что в XIX в. сама Царица Небесная явилась святогорским монахам в образе покровительницы обители [8, с.54].

Если экскурсия заповедника проходит во время утренней монастырской службы, то экскурсионный маршрут такой группы предусматривает посещение главного храма Лавры – Успенского собора, где проходит Богослужение. Экскурсовод рассказывает про особо почитаемые святыни Святогорской Лавры, находящиеся в соборе: чудотворную Святогорскую икону Пресвятой Богородицы (празднование 30 июля) и мощи святого иеросхимонаха Иоанна Затворника (жил в монастыре во второй половине XIX в., канонизован в 1995 г., память 24 августа).

Древнейший из образов Святогорской иконы Божьей Матери был написан в XVIII в. До закрытия монастыря в 1922 г. находился в Святых Горах. В настоящее время – утрачен. Современное компьютерное изображение, сделанное с литографии этого чудотворного образа XIX в., находится в музее СГИАЗ.

Икона Святогорской Божьей Матери – дореволюционный список иконы XVIII в. – сейчас находится в Успенском соборе Лавры и особо почитается как чудотворная. В советское время икону сохранили верующие из местного населения, а 4 октября 1992 г., в день памяти святителя Дмитрия Ростовского, этот образ Царицы Небесной вернулся в Святогорскую обитель.

На гостиничном дворе монастыря находятся постройки советского периода. Одна из них – постройка 1950-х гг. – бывшая столовая санатория им.

Артема (располагался на территории монастыря после его закрытия в 1922 г.). Сейчас в столовой размещены: монастырская трапезная, кухня и храм Рождества Пресвятой Богородицы. Место выбрано не случайно, поскольку до революции здесь находилась монастырская трапезная XIX в. и храм Рождества Пресвятой Богородицы 1869 г., разрушенный в годы Великой Отечественной войны. Экскурсовод обращает внимание на то, что в Святых Горах – два Рождественских храма: пещерный Иоанно-Предтеченский во II ярусе пещерного монастыря (в Православной церкви 7 июля празднуется Рождество Иоанна Предтечи, крестившего Иисуса Христа на Иордани) и возобновленный храм Рождества Богородицы (церковный праздник 21 сентября).

Во время тематической экскурсии историческим музеем СГИАЗ во II экскурсионном зале посетителей знакомят с православными святынями, найденными археологами заповедника на «Царином городище» возле села Маяки: каменной нагрудной иконкой «Никола Чудотворец и семь спящих отроков Эфесских» (XIV в.) и изображением медного позолоченного медальона с Николой Угодником (XIII–XIV вв.), выполненным в технике перегородчатой эмали [9, с.67-68].

Тут также следует отметить, что донецкие археологи, будучи, в свое время, сотрудниками Святогорского историко-архитектурного заповедника – Э.Е. Кравченко и покойный М.Л. Швецов проводили раскопки как на территории древнего пещерного монастыря под меловой горой, так и за его пределами, изучая истоки появления и дальнейшего распространения православия на землях Среднего Подонцовья. Они предположили, что название «Святые Горы» и культовые строения на этой территории появились во второй половине XIII–XIV вв. В это время тут существовала как серия мелких поселений (например, Зливки), так и крупный центр (Царино городище), часть жителей которых исповедовала христианство по греческому обряду. Непосредственным доказательством этого факта считаются археологические находки (христианские могильники, днища керамических горшков с клеймами в виде греческих буквенных монограмм). Найденная культовая атрибутика, также упомянутая выше названным А.В. Шамраем, принадлежала как высшему духовенству, так и рядовому христианскому населению. Возможно, что в XIII–XIV вв. вблизи Святых Гор существовал пока еще не локализованный центр по изготовлению христианских культовых предметов. В то же время, можно предположить, что указанные изделия оказались на этой территории случайно – были утрачены пленными русичами. Такое предположение имеет смысл, поскольку в XIII–XVI вв. вблизи современного села Райгородок находились большие татарские поселения [10, с.71,77]. Сам Святогорский монастырь давал приют бежавшим из татарской неволи пленникам.

В III зале «Святые Горы в XVI–XVII вв.» экскурсовод рассказывает о чудотворном образе святителя Николая, отобразившимся в 1540 г. на меловом столбе пещерной церкви, названной после этого Никольской. Также посетителям рассказывают легенду XVIII–XIX вв. и историческую версию, которые связаны

с чудесным появлением на вершине меловой горы, на месте древней Успенской пещерной церкви, Николаевской церкви [11, с.109].

Экспозиция IV выставочного зала – «Святые Горы в XVIII–XIX вв.». Известно, что в XVIII в. Святогорский монастырь был подчинен Белгородским епископам (Белгородская духовная консистория). В связи с этим экскурсовод рассказывает про житие святителя Иосафа Белгородского (Горленко), имя которого связано с Песчанским чудотворным образом Пресвятой Богородицы (икона находится в Свято-Вознесенском соборе г. Изюма Харьковской области, а ее список – в Покровском храме Свято-Успенской Святогорской Лавры).

Экскурсовод также уделяет особое внимание архитектурной застройке монастыря в XIX в. Так, отмечается, что Андреевская часовня на верху меловой горы, рядом с Николаевской церковью, была освящена в честь Андрея Первозванного. Кирилло-Мефодиевская лестница (511 ступеней), разрушенная в период Великой Отечественной войны и воссозданная в 2000-х гг., была названа так в честь равноапостольных Кирилла и Мефодия, которые, по легенде, посещали Среднее Подонцовье, занимаясь просветительской деятельностью среди народов Хазарского каганата в IX в.

В ходе экскурсий акцентируется внимание на истории Святогорского монастыря после его закрытия в 1922 г. Отмечается, что службы в Святых Горах продолжались. Так, в церкви Всех святых, Богослужения велись до 1931 г. Всесвятский храм был построен на монастырском кладбище в 1912 г., а разрушен – в 1947 г.

Игуменом Святогорской обители в то время был о. Иоанн (Стрельцов). Именно этот подвижник, мощи которого находятся в Успенском соборе Святогорской Лавры, в 1960-х гг. пророчествовал отроку Василию Погребняку (в последующем епископу Алипию – первому настоятелю возобновленного в 1992 г. Святогорского монастыря) о возрождении Святых Гор [12, с.87-88]. В V зале – экспозиция «Исследование и реставрация памятников Святогорского монастыря в XX в.». Тут, например, можно увидеть копию чугунной надмогильной плиты из захоронения иеромонаха Киприана (1874 г.) – духовника Святогорской обители. Также посетителям музея заповедника представлен макет пещеры монаха-отшельника, сохранившейся на территории монастырского скита св. Арсения. Этот скит существовал в XVIII – начале XX вв. и был утрачен в советский период.

Посетителям Святогорского историко-архитектурного заповедника предлагается к просмотру фильм «Святые Горы», где представлен полный комплекс монастырских сооружений.

Экскурсантам рекомендуется посетить службы и монастырскую иконную лавку, где можно приобрести православную литературу, иконы и другую утварь.

Таким образом, научно-просветительская работа сотрудников Святогорского государственного историко-архитектурного заповедника способствует последовательному и комплексному изучению не только истории заселения Среднего Подонцовья, но и событий, связанных с основанием Святогорского Свято-Успенского монастыря (Лавры), развитием его

архитектурных комплексов с конца XVII в., их разрушением в первой половине XX в. и возрождением в 90-х гг. XX в. Большое внимание сотрудниками заповедника уделено роли Святогорской обители в духовном и экономическом развитии региона. Указывается, что, в разные исторические периоды, монастырь был крупным культовым православным центром на землях Донбасса, куда приходили многочисленные паломники, а меценаты делали щедрое пожертвование.

Разноплановая работа сотрудников заповедника проходит во взаимосвязи с монастырской братией и имеет много перспективных проектов. Безусловно, военные действия в ходе СВО, затрудняют доступ паломников на территорию монастыря и, непосредственно, самого заповедника. Монастырь и прилегающие территории пострадали от обстрелов. Сейчас в обители живут беженцы. Однако, братия и сотрудники заповедника надеются на очередное возрождение и прославление Святогорской Лавры, как важного духовного центра не только Донбасса, но и, в целом, России.

Список источников и литературы:

1. Шкрибитель Е. А. К вопросу о дате основания Святогорского Свято-Успенского монастыря в Среднем Подонцовье / Е. А. Шкрибитель // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2023. – №2(85). – С. 55–61.
2. Дедова Я. Д. Контрольный текст экскурсии по художественной выставке «Иконостас Алексеевской церкви». – Славяногорск, 1995. – Национальный архив Святогорского государственного историко-архитектурного заповедника (далее – НА СГИАЗ). Ф. 3. Оп. 2. Д. 14. – Л. 3.
3. Соляник А. А. Текст экскурсии по выставке Г. Жукова «Путь к храму». – Славяногорск, 1999. – НА СГИАЗ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 26. – Л. 8.
4. Дедов В. Н., Дедова Я. Д. Текст экскурсии «Памятники архитектуры XVII–XIX вв. Святогорского монастыря». – Славяногорск, 1996. – НА СГИАЗ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 20. – Л. 4.
5. Дедова Я. Д. Приложение к контрольному тексту обзорной экскурсии «Архитектурный ансамбль Святогорского монастыря XVII–XIX вв.». – Славяногорск, 1996. – НА СГИАЗ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 20. – Л. 10–11.
6. Муравьев А. Н. Святые Горы // Святогорская общежительная Успенская пустынь, Харьковской губернии, в Изюмском уезде, при реке Северном Донце. – М., 1868. – С. 107–149.
7. Дедова Я. Д. Методична розробка екскурсії «Історія Святих Гір в археологічних та архітектурних пам'ятках». – НА СГИАЗ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 38. – Л. 5–6.
8. Ковалевский А. Ф. Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа. – Харьков, 1894. – 214 с.
9. Шамрай А. В. Каменная иконка с Царица городища // Материалы исследований, реставрации и использования памятников истории и культуры (к

15-летию основания заповедника): науч.-практ. семинар, 29–30 мая 1995 г. – Славяногорск : СГИАЗ, 1995. – С. 67–70.

10. Кравченко Э. Е., Швецов М. Л. Новые данные о христианском населении края в XIII–XIV вв. // Материалы исследований, реставрации и использования памятников истории и культуры (к 15-летию основания заповедника): науч.-практ. семинар, 29–30 мая 1995 г. – Славяногорск : СГИАЗ, 1995. – С. 70–79.

11. Филарет (Гумилевский Д. Г.), архиепископ. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. – М., 1852. – Отд. 1. – 236 с.

12. Дедов В. Н. Святые горы: от забвения к возрождению. – К. : РПО «Полиграфкнига», 1995. – 352 с.

REFERENCES

1. Shkribitko, E.A. (2023) [On the Date of the Foundation of the Holy Dormition Monastery in Svyatogorsk in the Middle Donets Region]. *Journal of Historical, Political, and International Studies*. 2(85), 55-61.

2. Dedova, Ya.D. *Control text of the tour of the art exhibition «Iconostasis of the Alekseevskaya Church»*. – Slavyanogorsk, 1995. – National Archive of the Svyatogorsky State Historical and Architectural Reserve (further – NA SGIAZ). F.3. Op.2. D.14. – L. 3.

3. Solyanik, A.A. *Text of the tour of the exhibition by G. Zhukov «The Way to the Temple»*. – Slavyanogorsk, 1999. – NA SGIAZ. F.3. Op.2. D.26. – L. 8.

4. Dedov, V.N. & Dedova, Ya.D. *The text of the tour «Monuments of architecture of the XVII-XIXth Centuries of Svyatogorsky monastery»*. – Slavyanogorsk, 1996. – NA SGIAZ. F.3. Op.2. D.20. – L. 4.

5. Dedova, Ya.D. *Appendix to the control text of the review tour «The Architectural Ensemble of the Svyatogorsky Monastery of the 17th-19th Centuries»*. – Slavyanogorsk, 1996. - NA SGIAZ. F.3. Op.2. D.20. – L. 10-11

6. Muravyov, A.N. (1868) *Holy Mountains // Holy Mountain Monastic Convent of the Assumption, Kharkov Province, Iziium District, on the Northem Donetsk River*. – Moscow, Pp. 107-149.

7. Dedova, Ya.D. *Methodical development of the excursion «History of the Holy Mountains in archaeological and architectural monuments»*. – NA SGIAZ. F.3. Op.2. D.38. – L. 5-6.

8. Kovalevsky, A.F. (1894) *A Sketch of the Life of Archimandrite Herman, the Abbot of the Holy Dormition Monastery in Svyatogorsk*. – Kharkiv, 1894. – 214 p.

9. Shamray, A.V. (1995) Stone icon from Tsarin's settlemen: Materials of research, restoration and use of historical and cultural monuments (on the 15th anniversary of the reserve's foundation): Scientific and practical seminar, 29-30 May 1995, Slavyanogorsk, SGIAZ, pp. 67-70.

10. Kravchenko E.E. & Shvetsov M.L. (1995) New Data on the Christian Population of the Region in the 13th-14th Centuries]. Materials of Research, Restoration, and Use of Historical and Cultural Monuments (on the 15th anniversary of the reserve's foundation): Scientific and practical seminar, 29-30 May, Slavyanogorsk: SGIAZ, pp.70-79.

11. *Filaret (Gumilevsky, D. G.), Archbishop. (1852) Historical and Statistical Description of the Kharkov Diocese. – Moscow, 1852. Section 1. 236 p.*

12. Dedov, V.N. (1995) *Holy Mountains: From Oblivion to Revival*. Kiev: Poligrafkniga, 1995. 352 p.

Данные автора статьи

Шкрибитько Елена Александровна

Shkribitko Elena Alexandrova

Научное издание

**ЖУРНАЛ
ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Выпуск № 1 (96) 2026 год

Ответственный за выпуск – к-т. ист. наук, Разумный В.В.

**Компьютерная верстка:
Скворцов Ю.А.**

Донецкий государственный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22